

Ильин И. Я вглядываюсь в жизнь filosoff.org
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Проф. Иван Ильин Я ВГЛЯДЫВАЮСЬ В ЖИЗНЬ
Вступление

Искусство чтения

Каждый писатель мечтает порою о своем читателе – каков он и как ему надо читать, чтобы верно и полно понять написанное... Ибо настоящий читатель обещает ему желанное счастье духовной «встречи»...

В некотором смысле все мы «читатели»: глаза бегают по буквам, буквы слагаются в слова, за словами кроется определенное значение и связь, благодаря чему слова становятся фразами, и ты уже представляешь себе что-то повседневное, затащенное, мимолетное, достаточное для употребления, не всегда с ходу понятное и так же охотно исчезающее в бездне прошедшего. Бедные «читатели»! Бедное «чтение»! Механизм без духа. Поток пустословия. Культура верхоглядства.

Нет, то, что действительно можно назвать «чтением», – нечто совсем иное.

Прежде всего уже написано то, что предстоит читать: кто-то жил, думал, чувствовал, возможно, страдал; он хотел нам поведать о чем-то таком, что казалось ему важным, – стало быть, что-то значительное о важном; он искал слово и выражение, борясь за истинность и точность, старался найти красоту и ритм. И вот он отдает нам свое произведение: газетную статью, стихотворение, драму, роман, исследование.

Перед нами – богатство чувств, достижений, идей, образов, волевых разрядов, призывов, упорядочений, целый кладезь духовности – явное и одновременно скрытое, данность, одновременно исполненная тайнописью. Пусть тот, кто сможет, освободит это собрание черных мертвых крючочков, расшифрует и оживит его, чтобы затем посмотреть на него. Думают, что это так легко; полагают, это могут вес... В действительности же на это способны лишь немногие. Почему?

Потому что надо отдать книге все свое внимание, все душевые способности и верную духовную установку. Пробегая глазами по строчкам, ничего не добьешься; настоящее чтение требует сосредоточенного внимания. Также мало добьешься, читая лишь холодным рассудком и пустым воображением. Надо всем сердцем понять пылкую страсть, надо внять всем вздохам в нежном лирическом стихотворении, а великая идея может потребовать всего человека. Это означает, что читатель должен верно воспроизвести душевный и духовный акт писателя, следовать ему, зажить им. Только тогда произойдет истинная встреча автора с читателем. Ибо истинное чтение – это своего рода художественное ясновидение, которое призвано и способно точно и полно воспроизвести духовные видения другого человека, жить в них, наслаждаться ими и духовно обогащаться ими. Это есть победа над разлукой, далью и эпохой. Это есть сила духа – оживлять буквы, открывать в себе внутренние пространства, созерцать нематериальное, отождествляться с незнакомыми или даже умершими людьми и вместе с авторами, художественно или мыслительно пережить сущность вселенной.

Читать означает искать и находить – читатель старается отыскать зарытый клад во всей его полноте, присвоить его себе. Это есть творческий процесс; это есть борьба за встречу; это есть свободное единение с тем, кто зарыл клад; это есть победоносный полет в кажущееся невозможное.

Надо заботиться об искусстве чтения и укреплять его. Чтение должно быть глубоким, оно должно стать творческим и созерцательным. Только тогда каждый из нас сможет точно познать, что достойно чтения, а что нет; что может созидать дух и характер в читателе, а что несет в себе только разложение.

По чтению можно узнавать человека. Ибо каждый из нас есть то, «что» он читает; и каждый человек есть то, «как» он читает; и все мы становимся тем, что мы вычитываем из прочитанного, – как бы букетом собранных нами в чтении цветов...

И с этим напутствием я кладу мою книжечку в руки читателя.

І. ТЯГОТЫ ЖИЗНИ

1. Скука

(из письма)

Там, где все кажется безутешным, утешение уже стоит у порога. Прислушайся, оно стучится в дверь... Открой ему без промедления, ибо оно несет тебе самое лучшее – самое себя.

Что может быть безутешнее скуки? Кто знает, откуда она берется? Но вот она уже здесь. Жизнь становится внезапно такой бедной, такой бесцветной, такой сухой и такой чужой. Ничто не привлекает, ничто не радует, ничто не приветствует меня ни тут, ни там. Всюду только увядшая трава, серые камни, мертвая пустыня жизни. Время становится пустым и тянется медленно. Все сущее оставляет меня равнодушным; а то, что должно занять его место – неопределенно: я этого не знаю... Напрасно я брошу в потемках: все «не то»-. Но ведь я остался тем же самым; значит, это мир, это он сделался скучным. Мир банален и низок; слишком банален и слишком низок для меня; он ничего не может мне предложить. И моя скука только подтверждает мое «духовное превосходство»...

О, жалкое утешение! Едва ты почувствовал радость от собственного превосходства, как скука тут же исчезает, между тем она утверждается навсегда, уплотняясь, делается жизненной установкой и мрачно светится из твоих глаз высокомерием и жестокой душевной депрессией. Нет, истинное утешение приходит из глубин твоего собственного духа!

Источник скуки – не в мире, а в тебе. На какое-то время ты устал от жизни; оставь, не принуждай себя, любовь проснеться сама по себе... Может быть, ты слишком сильно любил? Или твоя любовь не находила ответа? Или ты сам помешал своей любви? Или у тебя не хватило воли для любви?.. Короче, твоя любовь ушла; она повернулась к миру спиной и больше не дарит себя. Молчат желания; сердце не хочет больше петь – ни Богу, ни идолу, и кажется, мир потерял свою прелесть.

Душа без желаний всматривается в мир, глядит на него без любви и именно поэтому находит его жалким и скучным.

Но мир совсем не таков: природа, как всегда, полна чудесных тайн; человек, как всегда, полон страсти и стремлений, запутан, божествен и инфернален[1 – Инфернальный (лат.) – находящийся в аду, происходящий из ада. Здесь: проявляющий дьявольское, сатанинское начало.] одновременно, в целом – несравненное зрелище! Мир остался таким же, что и был. Бездеятельно только твое желание; и ты называешь это бездействие «скукой». Но в действительности скука лишь только взгляд вокруг в поисках утешения, исцеления, нового желания, новых ценностей. И прежде всего – новой любви к ближнему, к твоему народу, к Богу.

Надо прежде всего найти в себе мужество перенести скуку: переноси ее спокойно, она исчезнет сама по себе, когда возродится любовь.

Но это не должно быть слишком долгим... Скука должна быть краткой, ведь и сама жизнь слишком коротка для долгой скуки.

Скука подобна темным очкам; она искажает мир, однако дает отдохновение оку сердца. Но довольно, око отдохнуло, прочь очки, чтобы снова смеялись солнце и краски! Смотри и радуйся!

Есть особое искусство: примириться с сущим, творчески соединиться с ним, вновь найти отправную точку и отдаваться ему.

Есть особое искусство: преобразиться и всегда находить новое в старом, ценность в, казалось бы, обесцененном, любимое в безразличном.

Есть особое искусство: всегда что-то любить и чего-то хотеть. И это должно быть тем, что не может разочаровать.

Этому учит скука. Это – средство от скуки. Это ее утешение: ведь скука сама утешение.

2. Бессонница

Вы страдаете бессонницей? Безутешное состояние! Как нам избавиться от него? Как
Страница 2

Ильин И. Я вглядываюсь в жизнь filosoff.org
нам справиться с ним?

Но только не торопитесь с «избавлением»! Ничто в жизни не бывает напрасным. И болезнь тоже. И бессонница тоже. Все целесообразно, все служит таинственному предназначению, из всего должно извлечь урок. Все несет нам свой дар. Было бы неумным уклоняться от этого дара. Почему не принять его? Нетерпеливый произвол – вот кто жаждет немедленно «уйти» от неприятного. Жизненная мудрость поступает наоборот: она хочет принять, и не-приятность тоже! А может быть, самый дорогой как раз дар неприятного... Все, что хочет высказаться, должно непременно высказаться. Вот объявляет о себе бессонница... добро пожаловать! Только никакого страха перед ней... Иначе душа будет скована судорогой. Только не надо ее превозмогать... Иначе она будет упрямо утверждаться. Сон всегда приходит легко. Вот и мы пойдем навстречу бессоннице самой легкой поступью... И примем от нее ее дары и уроки.

У нашего произвола есть предел – это первый урок бессонницы. Никто из нас не является неограниченным властелином своей жизни. Напротив, нам приходится считаться с непреложными данностями нашего естества; мы должны приспособиться и покориться им, чтобы Божественное начало в нас вернулось к жизни, чтобы оно в нас обрело творческое равновесие, чтобы Оно обрело покой. Если мы не сделаем этого, мы потеряем здоровье, равновесие, сон, до тех пор пока они снова не восстановятся «через себя самого». «Через себя самого» – так звучит глубокое, меткое слово Аристотеля... Ну, а теперь нам следует подождать, пока сон не наладится сам собой. Не волнуйтесь! Бессонница походит на скуку: она здесь, только чтобы отступить. Она останется лишь до тех пор, пока не окрепнет жажда сна.

Так что лучшее средство помочи сну заключается в том, чтобы не мешать бессоннице, предаться ей, испить ее как поднесенный кубок. лучше всего забыть, что пора или даже давно пора спать; совсем не думать о своей бессоннице, о ее возможных последствиях и т. д., а чистосердечно и непосредственно отдаться содержаниям жизни, которые бесцеремонно вторгаются к нам и прогоняют сон. Пусть приходит, что хочет; пусть распутается весь клубок идей и эффектов. Остальной мир может спать. Я отдаюсь своей бессоннице и ее скрытым содержаниям, для которых у меня «нет времени» в течение дня. Я остаюсь наедине с собою...

Так бессонница приносит мне свой второй дар – способность вынести одиночество. Там, где все покинули меня; где все, уйдя в себя, забыли целый мир и меня; где я совсем один, предоставленный самому себе, лежу и уверен в том, что только я в состоянии себе помочь, – начинается необычная, отторгнутая напряженная жизнь. Эта жизнь зачастую слишком интенсивна, чтобы сделаться скучной; напротив, она часто так неожиданна и поразительна, что во мне просыпается настоящее любопытство; и зачастую так полна смысла, что я ощущаю себя в суровой школе одиночества, самостоятельности и самообладания. Ах, сколько людей на свете, которые только бессонными ночами впервые почувствовали и осознали свое душевное и духовное одиночество, только из этого, по-видимому, столь безутешного одиночества возвзвали к Богу на небесах и нашли его! Потому что Он стоит ближе всех к страдающему бессонницей. Там, где жизнь кажется совершенно безутешной, сразу же появляется утешение. Там, где, казалось бы, гибнешь в своем одиночестве, легче всего находишь дорогу к Богу. А это ведь несомненно благороднейшее утешение и ценнейший дар...

А теперь – третий ценный дар бессонницы. В этом ночном бодрствовании учишься представлять себе и подслушивать скрытые смыслы собственных неосознанных и полуосознанных тайников. И не только огорчений и оскорблений бодрственного дня; но также и ошибок, грехов и ран потаенного Я – есмь. И не только их, но также и святые и исцеляющие лучи света совести. Ибо ничто так не располагает и так не предначертано для восприятия этих лучей света, как сумеречное состояние полуумрака бессонницы. Там, где погас дневной свет и свет сознания, где накапливается и повышается способность воспринимать внутренние лучи и где мрачная картина повседневной жизни тоскует по новому, несказанному свету... Ах, есть так много людей, которые только в бессонные ночи пережили просветляющее благо мук совести и исцеляющее благословение раскаяния, одинокого, горького, примиряющего раскаяния! Это ли не драгоценный дар? Это ли не утешение, возникшее из безутешности? Правы ли трусливые люди, пытающиеся избежать этих даров и этого утешения и прибегающие из страха появиться утром «бледными»... к лекарствам?

Бессонница учит нас мужеству. Мужеству перед лицом природы, перед самим собой,
Страница 3

Ильин И. Я вглядываюсь в жизнь filosoff.org
перед своей совестью. Мужеству для пребывания в одиночестве и для воздания
молитвы.

Это ее последний дар и ее лучшее утешение.

3. Забота

Если бы только можно было избавиться от забот! Если бы только иметь беззаботную жизнь! Но это, к сожалению, невозможно...

Почему же это так невозможно? Нужно только преодолеть заботу! Для этого надо лишь немного духовной свободы!

Человек никогда не бывает до конца удовлетворен. В нем всегда возникают новые стремления, всегда громоздятся новые желания и новые потребности. Достаточно ему лишь заглянуть в будущее или подумать о «завтра-послезавтра», как начинают бурно разрастаться сорняки заботы. Ибо будущее всегда туманно; и кто знает, что поджидает меня завтра-послезавтра? А в мире буржуазной самостоятельности и самообеспечения, где каждый думает о себе и только о самом себе, где никто не думает о другом, где все вокруг так адски жестоко хозяйствует, – там системой жизни становится неуверенность, а неприятный, неожиданный случай – властелином будней. Забота держит всех нас в цепких когтях. Как мусор на улице, подхваченный и несомый порывом ветра, она входит к нам в открытое окно будущего. Так было всегда, так будет всегда. Что можно здесь «преодолеть»?

Будущее остается, остаются и потребности, и неуверенность не исчезнет. Вот окончательно разоблачен и большой обман коммунизма: ибо его попытка упразднения неуверенности, обеспечения всех и удовлетворения всех потребностей создала как раз прямо противоположное. Еще никогда и нигде, как только под игом этого централизованного безумия, не была так ужасающа общая неуверенность, настолько неслыханна всеобщая нищета, так удручающе бремя лишений. Только в том смысле он «обеспечивает» всех, что топит всех в «изнурительной заботе»...

Короче говоря, надо примириться с «неуверенностью», «нуждой» и «будущим». Но чтобы вынести их, надо научиться их преодолевать. С чего начать?

Начинают с будущего: повернувшись к нему спиной. Ищут утешения в прошлом, непреходящем, в вечности; и не только созерцательно, но и творчески. Прекрасное прошлое твоего отечества, твоего народа – разве оно тебе не дорого? Великое прошлое других народов и стран – разве оно тебе ничего не говорит? Великолепный ход движения созвездий, там, наверху, раннее прошлое нашей планеты, история животного и растительного мира – это богатство божественного творения, которое ждет твоего наблюдения и твоего исследования, спасет тебя от твоей заботы. Всякий прекрасный образ искусства, всякая математическая проблема – вне времени и вырывают тебя из наполненного страхами и заботами будущего, дают тебе покой и отдых. Устремись в глубины человеческого духа с книгой Лейбница, Шеллинга или Гегеля в руках; или еще лучше – обрати свой взор ввысь, к Богу – и ты обретешь вечность. И тогда ты покажешься себе таким несчастным, как ездовая собака твоего сомнительного будущего, как верблюд с грузом твоих проклятых забот.

Однако это освобождение от заботы может быть еще и завершено.

В заботе кроются, собственно, два начала. Во-первых, то, в чем ты нуждаешься, о чем ты должен заботиться, то есть содержание твоих забот; и, во-вторых, – твой страх. Да, страх перед неуверенностью в жизни. Впрочем, пусть неуверенность остается; пропасть должен страх перед нею. Пусть и нужда остается; но нельзя, чтобы она мучила и терзала тебя. Человек тем более унижен, связан, даже парализован, тем слабее для осуществления своей цели в жизни, составляющей содержание его заботы, чем сильнее заботящий его страх. Занимайся своим насущным без заботы, тогда ты справишься с ним в три раза лучше. Страх, зреющий в заботе, утомляет душу и вредит делу; так что пусть забота улетает. Подумай только: что было бы наихудшим? Лишения? И перспектива лишиться чего-то – парализует и сковывает тебя? Отнимает у тебя силу, мужество, достоинство и досуг?

Забота всегда мелочна и близорука, ты поглязаешь в ней. Она хочет скрыть от нас великие, божественные жизненные цели. Забота увязает в мелочах, в жалких.

Ильин И. Я вглядываюсь в жизнь filosoff.org «здесь» и «теперь», в расплывающемся и исчезающем. Она – настоящий враг творческого восторга и вдохновения. Она разделяет людей, враждующих из-за своих противоречивых забот. Она возникает, как пыль, и распыляет жизнь и людей. Она печется о том, чтобы мы стали корыстными и мелочными. Мы должны научиться ее преодолевать.

И только заботливая мать остается для нас вечно любимой: ибо она заботится о других и тем самым облагораживает заботу любовью.

4. Будни

Они – сплошная беспробудность. Вечная забота. Тягучая скука. Непрестанный шум, время от времени прерываемый очередной неудачей. О, плохое настроение! А понедельник – это прообраз будней.

Да, тогда дело с жизнью обстоит плохо! Но нельзя перекладывать вину за это на «жизнь». У тебя не хватает искусства жить; было бы глупо ожидать, что жизнь устроит тебе торжественный прием. Так что твори сам и преображайся, иначе будни одолеют тебя. А в жизни нет большего стыда, чем быть побежденным – и не великанином, не могущественными врагами, не болезнью, а серою повседневностью существования.

Итак – искусство жизни!

Прежде всего: спокойно и мужественно смотреть в глаза врагу! Нам никогда не избавиться от будней. Они будут всегда. Они составляют материю нашей жизни. И если праздник служит лишь тому, чтобы, подобно молнии, осветить серость будней и обличить повседневность, то он нам вреден и мы недостойны его. Только тот заслужил радость праздника, кто полюбил свои будни. Как этого добиться?

Этого можно достичь, отыскав священный смысл в своей будничной работе, погрузив его в глубину сердца и осветив и воспламенив повседневность лучом его света. Это первое требование, даже первооснова искусства жизни. Что есть ты во Вселенной? Каковы твои деяния перед Отечеством? Каким предстаешь ты пред Лицем Божиим с твоей будничной работой? Что воздаешь ты ему. Господу?

Ты еще этого не уяснил? Ты еще этого не знаешь? Как же ты живешь? Бессмысленно, слепо, тупо и бессловесно? Тогда легко постичь «сплошную беспробудность» твоих будней. И скуку, и плохое настроение, и все им сопутствующее.

Нельзя слепо воспринимать ежедневный труд как лишенную смысла работу по принуждению, как галерную пытку, как муку от зарплаты до зарплаты. Надо одуматься. Надо понять серьезный смысл своей профессии и заботиться о ней во имя ее высокого смысла. Надо серьезно отнестись к самому себе, а значит, и к собственной профессии, и к собственным будням. Будни остаются, но их необходимо преобразить изнутри. Они должны наполниться смыслом, ожить, стать многоцветными; а не оставаться «сплошной беспробудностью».

Бессмысленно – это безрадостно. Человек создан так, что не может жить безрадостно. Тот, кто кажется живущим без радости, непременно выдумал себе замену радости. Радость должна, однако, вырастать из повседневного труда, пусть даже только в том смысле, что трудишься все лучше и лучше, повышаешь качество своего труда, перемещаясь тем самым вверх по ступеням совершенствования.

Если же ты нашел высокий смысл твоего труда и радость в его качестве, сможешь ли ты и после этого говорить о «сплошной беспробудности»? Жизнь станет для тебя тогда светящейся нитью. И взлет в твоей жизни обеспечен. Ведь радость высвобождает творческие силы; творческие силы создают качество; а качество труда вызывает радость от труда.

Посмотри: так твои будни попадают в добрый круг духовного здоровья. И теперь для тебя нет больше тягучих будней, ибо ты предстаешь перед Лицем Божиим освященным и исцеленным.

5. Неудача

Устоять перед неудачей – первое, чему должен научиться каждый. Откровенно говоря: кто не понимает этого, тот – не мужчина. Простите! Также и не женщина. Скорее всего, это – трусы обоего пола.

И тем не менее каждый из нас должен однажды сдать экзамен на свою первую большую неудачу. В честь этой первой неудачи здесь дается несколько утешительных советов.

Да, конечно, это мучительно; часто даже страшно мучительно: столько надежд, столько усилий и столько огорчений!

Итак, первое: не погрязать в неудаче; не стенать; не составлять «длинный список потерь» и не думать о них непрестанно. Предоставим зверю залезывать раны. У человека есть более достойный выход: не признавать рану души своей. И – все.

Второе: нельзя представлять себя единственным несчастным дитятей на белом свете; ведь у каждого были неудачи, и у всех они будут. Нельзя также воображать, что эта неудача была «фатальной» или «непоправимой». Пока жив человек, все можно исправить, каждую неудачу можно и должно обратить в успех; да, даже каждый дурной поступок может и должен быть искуплен и произрасти исцеленным в ткани раскаивающегося, творческого духа.

Третье: нельзя, чтобы неудача казалась вам «позором», особенно в чужих глазах. Существуют миллионы таких чужих глаз. Стоит только представить себе, что из миллионов глоток кричат тебе: «Позор! Позор!», чтобы никогда больше не подняться на ноги. Для того, кто свободен от этой тяжести, неудача не является позором. В неудаче человек ощущает себя, конечно, внизу, как будто он свалился с горы, как будто он лежит там обессиленный... Но поэтому нужно как можно скорее покончить с этим! Близящийся успех уже зовет тебя: ты не можешь ему изменить.

Четвертое: неудача – лучшая школа успеха. С ней надо обращаться как с предметом тренировки, как с необходимым закаливанием; как с источником понимания и мудрости жизни; как с дорогим поучением, как с трамплином для новой борьбы. Но это означает, что неудачу нельзя отдавать на расправу оскорбленным и разочарованным чувствам, ее необходимо воспринимать с помощью воли и обращаться с ней как с проблемой воли, и с помощью спокойного исследовательского разума – как с проблемой разума. Тогда путь к успеху проложен!

Скажи себе, твердо и решительно: «Задача была поставлена правильно; она осталась невыполненной; ее надо осуществить; это была лишь попытка; сейчас я снова займусь ее решением. Как мне лучше сделать это?»

Затем нужно продумать все так, как будто это была чужая неудача, на которой надо учиться: «Откуда пришла неудача? Чего мне не хватило? Где я действовал неправильно? Возможно, неосторожно или нерешительно? Возможно, заносчиво, поспешно, беспактно?» Надо всегда спрашивать и отвечать так, как будто речь идет о добром друге, которого, к сожалению, постигла неудача и которому надо помочь словом и делом. Чтобы умолкло собственное тщеславие и своенравие; чтобы выработать привычку спокойно переносить собственные недостатки и ошибки (а возможно, и собственные грехи и пороки) и научиться смирению; чтобы научиться извлекать из неудачи не только отдельную предстоящую удачу, но и – что более важно – возможность укрепить и облагородить собственный характер. И тогда, пожалуй, пусть жизнь превратится в беспрерывную неудачу: в любом несчастье, при любом промахе победитель поднимет голову. Ведь в жизни действительно существует нечто большее, чем просто жизненный успех, а именно – духовная победа над мелочным, тщеславным поганцем в собственной душе!

Не правда ли, этот выигрыш – не второстепенное дело, непосредственно задуманное нами? Разумеется! Но в жизни часто бывает так, что в первоначально «второстепенном деле» позже узнаешь главное. Хотелось пробиться к «удаче», а обнаружилась дорога к победе, к духовному просветлению. И победитель, возможно, будет думать о совсем иных удачах, чем те, которых ему удастся достичь, и он будет славить свою прежнюю неудачу как составляющую настоящего счастья.

Поэтому – счастья тебе! Вперед, к неудаче!

6. Плохое настроение

Знать бы, откуда оно берется! Если бы можно было скорее прогнать его. Но оно как погода: никто не знает, откуда, когда, почему... В отличие от погоды, для нашего меняющегося настроения нет даже предсказателей. Нужно просто покориться.

Нет, ни в коем случае! Не может быть и речи о покорности!

Плохое настроение должно нас слушаться!

Плохое настроение – это не то, что я представляю собой, не то, что происходит в глубине моей души, оно лишь обозначает, как я к этому отношусь, и затем, что я даю почувствовать другим людям. Два последних обстоятельства – в нашей власти: мы распоряжаемся ими, и они должны покоряться. Кто этого еще не понял, должен по возможности скоро научиться понимать; потому что это относится к основам самообладания.

Плохое настроение возникает из внутреннего разлада, основной узел которого остается в подсознании, и его нелегко распутать. Этот разлад или, как выражаются лечащие душу врачи, этот «конфликт» возник не вдруг; скорее всего, он сохраняется с детских лет и может внезапно оживиться или слегка обостриться. Возможно, я избавлюсь от него; однако возможно также, что я буду нести его с собою до самой смерти. Да, я буду носить его в себе и его выносить, примирюсь с его существованием, буду вынужден поставить его на службу делу, одним словом – я справлюсь с ним творчески. Боже небесный, ведь это не причина для «плохого настроения»!

На свете вряд ли найдется человек, которому не приходилось иметь дело с душевным конфликтом. У каждого он свой, и каждый хотел бы избавиться от него. Неужели поэтому у всех есть право на плохое настроение? Должны ли все по этой причине становиться угрюмыми, ходить со злыми лицами или даже кричать друг на друга?

Внутренний разлад следует воспринимать серьезно, совершенно серьезно. Он принадлежит тому, что я есть. Он обозначает одну из моих внутренних жизненных задач. Он может обостриться, создать душевный застой, вызвать дурное настроение. Это дурное настроение остается для меня неясным, непроницаемым; оно входит в мою сознательную жизнь и в мое общее самочувствие как необъяснимый факт. Я чувствую себя подавленным, беспомощным, унылым. Из-за этого я раздражаюсь, и этому моему раздражению в виде «плохого настроения» я даю волю в обществе. Так это выглядит па самом деле. Но нельзя, чтобы так было и впредь.

Ясно, что за плохим настроением стоит конфликт. Этот конфликт нужно рассматривать как своего рода творческий заряд и обращаться с ним соответственно. Хорошо, что этот заряд есть; ведь из незаряженного орудия не выстрелишь. Совсем не страшно, что еще не удалось подчинить себе этот заряд: значит, есть задача и ее надо разрешить. Душевный застой неприятен. Но неприятность – всего лишь скорлупа новой силы и новой жизни. Расколи орех – получишь сладкое ядро. Нет причины для дурного настроения! Однако дурное настроение есть. Переноси его спокойно и уверенно! Ты его уже видишь насквозь. Посмотри, конфликт – это обещание, и вскоре ты уже победитель.

Ты вовсе не беспомощен. Ты обрел мужество, и подавленность пропала. Плохое настроение рассеялось.

Или еще нет? Так ты понял его творчески-интимную природу и будешь остерегаться делать сокровенное достоянием общества.

Твое личное дело, как ты относишься к своему внутреннему конфликту, к этому предчувствуемому заряду новых сил. Если ты не умеешь утвердиться внутри себя как победитель, если ты настолько неблагодарен, что, стоя перед главной задачей своей жизни, видишь лишь «трудности» и «неприятности» и становишься «угрюмым», то не выноси хотя бы на люди свою трусость! Сильный характер радуется трудностям и улыбается неприятностям. Чем труднее испытание, тем радостнее победа. Если ты еще не нашел в себе этих сил, будь тем не менее уверен, что ты их найдешь. Не можешь один – ищи помощи, но самое главное – молись: искреннюю молитву всегда услышат. Но только не обнаруживай свою преходящую слабость перед чужими!

Неприлично выбалтывать секреты; а плохое настроение совершают это. Как по-детски – плакать от боли; а плохое настроение – плакса. Как преступно заражать других своей болезнью; а плохое настроение заразно.

Разве ты не знаешь, как спокойно и мило умеет улыбаться превосходящий тебя? Эта улыбка для плохого настроения невыносима.

7. Болезнь

Сначала установи, действительно ли это болезнь! Жизнь нелегка, часто довольно мучительна, возможно, даже безрадостна; а наше подсознательное подобно ребенку, подобно женщине, подобно плуту: оно способно подражать любой болезни, убегать в «болезнь», играть роль «больного». Подобное невротическое состояние, несомненно, само является «болезнью», но это совсем иная болезнь: ее можно исцелить искренностью и пониманием...

Если же это действительно болезнь, – никогда не ворчи всегда прислушивайся! Она как посетитель: что он хочет от меня? Она как путешествие: куда же я попал? Она как друг, который хочет предостеречь меня: берегись, здесь ты сделал в жизни ошибку, здесь с тобою может случиться нечто серьезное.

Благодарю тебя за предостережение, дорогой друг, за то, что посещаешь меня и побуждаешь к этому путешествию. «Кто хочет путешествовать, должен уметь молчать». Так что смотри и слушай! Оба – инстинкт и дух – должны дать знать о себе. Оба должны поведать нечто значительное; оба должны быть едины во мнении. Инстинкт должен излечить тело; дух – исцелить душу. Ведь здоровье – это одновременно здоровье души и тела; быть больным означает нуждаться одновременно в исцелении души и тела. И только Христос, наш Спаситель, ведал, как с помощью духа исцелить и душу, и тело.

Инстинкт исцеляет тело. То есть: любое лечение есть самолечение. Эту единственную работу не могут заменить ни врачи, ни лекарства. Они могут только помочь, поддержать, ободрить. Этот метод исцеления действует сам по себе, по собственному побуждению. И действует так, что не набрасывается на симптомы немедленно, чтобы их устранить; ведь они целесообразны, служат исцелению и исчезают в свое время. Инстинктивное самоисцеление есть восстановление. Больной и врач должны самым внимательным, самым желанным образом идти навстречу этому восстановлению. Что идет ему на пользу? Отдых, покой, накопление сил, питание, воздух, тепло, хорошее настроение. И только потом остальное. И если больной умеет к себе прислушиваться, он скоро заметит, что инстинкт совершенно самостоятельно выбирает полезное («мне хочется», «мне так хотелось бы», «мне было бы приятно») и чурается вредного («неприятно», «неловко», «отвратительно»).

Инстинкт хочет доверия. Чем самоувереннее он проявляет себя, чем послушнее ведет себя больной, тем скорее наступит исцеление.

А дух исцеляет душу. И здесь – исцеление есть самоисцеление; только не «снизу», а «сверху».

Итак, прежде всего – не брюзжать, не проклинать, не отчаиваться, как бы ни было плохо. Болезнь требует спокойной души, легкого настроения, уверенности. Еще для нее, возможно, потребуется некоторое время (она должна чуточку продлиться) и пространство (место, пребывание на курорте). Все это ей по возможности следует предоставить. Тогда-то и начинается самое главное.

Что существенного она должна мне сказать? О моей жизни: что я не сумел хорошо ее устроить; что я не ценю здоровье как дар Божий; что я сам должен расплачиваться за свою вину в том, что заболел; что здоровье уже само по себе – счастье и радость. Вообще о жизни: что она полна прекрасного, мимо которого я до сих пор слепо и равнодушно пробегал; что она предоставляет бесчисленные возможности для любви, добра, самопожертвования и подвига, которым я, непонятно почему, дал пронестись мимо; что времена спешит и земной эпизод моей жизни отмерен; что я бездумно жил до сих пор, растративая великолепнейшие дары, и что завтра, да, уже завтра, начну новую жизнь. Затем еще о страданиях: что их нужно принимать как должное, что человечество непрестанно страдает и что предназначение страдания –

Ильин И. Я вглядываюсь в жизнь filosoff.org
дать понять человеку законы творения и волю Создателя, что вообще человек через страдания приходит к отрезвлению, просветлению, к совершенствованию; что самое важное в жизни – обрести через каждое страдание частицу истинной веры и истинной мудрости.

И что дальше? Болезнь стала восстановлением, отдыхом, просветлением в жизни! А теперь вот и исцеление. Нужны ли еще утешения?

8. Бедность

Где она начинается, бедность? Какой малостью должен обладать человек, чтобы считаться «бедным»? Кто знает?

Я часто видел богатых и даже очень богатых людей, считавших себя «бедными» и в самом деле носивших в себе это ощущение. Они страстно жаждали большего, гораздо большего; они «нуждались» в том, в чем они вовсе не нуждались; они напряженно глядели «вверх», и только «вверх», и постоянно подсчитывали, чего им еще не хватает. Ненасытный, когда насытится он? Как помочь тому, кто забыл прекрасное слово «довольно»?

Я видел также людей в довольно стесненных обстоятельствах, считавших себя «достаточно богатыми» и в самом деле носивших в себе это ощущение. Их «состояние» было более чем скромно: они жили от зарплаты до зарплаты. И не нуждались в том, что им действительно было нужно; спокойно смотрели они «вниз» и часто подсчитывали, чего еще они должны лишиться и как много людей, которым не хватает самого необходимого. Так называемые «лишения» давались им легко. Они были мастерами утешения; сами же не очень нуждались и в утешении. Мне казалось всегда, что свое «состояние» или скорее – «сокровище» они поместили куда-то в другое место. (Куда?)

Но это означает, что объективные размеры состояния не могут решить вопрос «существования в бедности». Маленький мешок скоро наполнится; но большой мешок с дырой – никогда. И еще: каждый должен решать сам для себя, «беден» ли он; другие судят об этом всегда неверно. И последнее – если ты хочешь для своих детей богатства, научи их смотреть «вниз» и легко переносить лишения; а еще вкусу к «довольно»; и духовной способности помещать свое «сокровище» куда-нибудь в другое место.

Итак, на земле нет бедности вообще? – Увы! Существует двоякая бедность. Материальная – когда человек теряет работу и переживает трагедию, которая кажется ему трагедией «лишнего» существа на свете; когда уже не имеет силы его право на работу и на жизнь; когда он сам уже не нужен; когда он уже не может смотреть «вниз», потому что для него нет больше «низа»; когда ему уже не может помочь искусство переносить лишения и довольствоваться тем, что есть. Тогда человек беден, действительно беден; тогда это настоящая бедность.

Наряду с ней существует и духовная бедность, это когда человек не может постичь, что есть верное и прекрасное «иное место», в которое он может поместить свое истинное «состояние», свое истинное «сокровище»; когда он воспринимает речи об этом «ионе месте» как глупость, с издевкой отвергая их. Из-за этого сам человек делается как бы «лишним»; бессмысленными становятся его жизнь и его достижения; и пока он не поймет этого, сам он едва ли нужен. Он даже не подозревает, чего в действительности лишился и куда, собственно, направляется. В этом случае человек снова беден, по-настоящему беден, но совсем в другом смысле. Вот это и есть настоящая бедность.

Но самое печальное заключается в том, что люди второго вида бедности так часто проходят холодно и гордо мимо людей первого вида бедности. Отсюда возникает безбожный, нехристианский порядок жизни. А в нем – беда и опасность сегодняшнего мира.

II. ЖАЛОБЫ

9. Рюкзак

Роковая вещь – этот рюкзак! Точнее говоря – чудовищная вещь! Сколько раз я собирался сделать его легким и удобным для переноски! Но он всегда противится! Он этого не хочет. У него свои желания, он упрям.

Все говорит о том, что я уменьшу его. Кто, в конце концов, господин? Он или я? Кому надлежит повелевать, а кому подчиняться?! Значит...

Что такое путешествие с терзаниями и пыткой? Настоящее разочарование. А этот раздутый, огромный рюкзак разве не пытка египетская? [2 – ...пытка египетская – точнее, египетская казнь. По преданию, когда Моисей по воле Бога обратился к фараону, царю египетскому, с просьбой «отпустить сынов Израилевых из земли своей» и получил отрицательный ответ, то над Египтом разразилась череда бедствий, которые по своим масштабам были беспримерными в истории и получили название казней египетских. Всего их было десять. (Подробнее см.: Быт. 7, 17–25; 8, 2–14; 8, 16–19; 8, 20–32; 9, 1–7; 9, 8–11; 9, 18–34; 10, 3–19; 10, 21–29; 12, 29–33.)] Здесь это выражение употребляется в смысле высшей степени муки, бедствия, бича Божьего.] Уже в трамвае я выгляжу «двухместным»; прислониться совершенно невозможно. При входе меня из-за него толкают туда-сюда. Просто загадка, как я попадаю в купе. Снятие его с плеч опасно для жизни окружающих. Наверху, в сетке, он подобен горе, так что сидящие внизу дамы весь день боязливо косятся на него! И еще он хочет, чтобы я брал его с собой на 'каждую прогулку'...

Что такое путешествие без возможности сосредоточиться? Ничто. Чепуха. Потерянное время и усилия. Вот, кстати, эта чудесная гора, эта «великолепная громада», «вершина», [3 – В оригинале редкое немецкое слово *rîz* – вершина (горы).] или как там ее назвать, что вижу я в ней? С поникшей головой, согбенной спиной, стесненным сердцем иду я с моим рюкзаком и чувствую только, как его ремни врезаются мне в спину и как его седло до крови стирает мне позвоночник. Как я могу духовно «сосредоточиться», когда мой «центр» телесно смеется вниз и лежит на мне тяжким грузом? Вероятно, именно этот гном наслаждается путешествием. Потому что я не наслаждаюсь почти ничем. Он, этот идол, это чудовище, этот кошмар, который я несу по жизни. Да, он скакет, я тащу; он властвует, я служу; он путешествует, я только сопровождаю его. Обременительно, невыносимо, унильально!

Но сегодня я наконец-то выяснил, как удалось ему унильить меня до роли своего слуги, и смею думать, что вскоре смогу освободиться от него. Дело в том, что я уразумел, почему он не дает себя уменьшить, а точнее, почему я этого не понимаю. Во-первых, – из страха; а во-вторых, – из тщеславия.

Ведь это же я его укладываю. А когда укладываю, – говорю это совершенно искренне, – мною владеют, терзают меня два соображения. Первое называется – «вдруг»... Второе – «настоящий альпинист». Потому-то он и становится полным, сверхполным, огромным.

«Вдруг»... Это значит – страх перед случайностями и опасностями путешествия: вдруг похолодает, станет сырь, дождливо, ветрено, туманно, жарко, душно; вдруг я промочу ноги, получу насморк, кашель, у меня начнется головокружение, мигрень, заболит желудок или случится что-нибудь еще; вдруг мне придется ночевать под открытым небом, слишком рано вставать, оставаться без горячей пищи и т. д. Ведь все надо предусмотреть, чувствовать себя обеспеченным и снаряженным...

«Настоящий альпинист»... Это – тщеславие, знать, что ты снаряжен, как настоящий альпинист. А если совсем доверительно, между нами, то я никогда не предпринимаю большие и трудные подъемы на горы. Настоящий альпинист должен захватить с собой много чего: кайло, топор, веревку и еще кое-что. Все это тяжело, обременяет и давит. Я же ощущаю, что только тогда «по-настоящему путешествую», если выгляжу как «настоящий альпинист». Ведь «вид» относится к «бытию»! Или нет? А если этот «вид» стоит таких трудов, что до истинного «бытия» дело уже не доходит?

О, Властелин жизни моей! Чего только нам не приходится подобным образом нести по жизни! Нам все кажется, что мы не можем этого лишиться: сначала мы должны все это накопить, заработать, добить, захватить; затем – сохранить, уберечь, застраховать, следить. Конечно, никто нас не сможет за это упрекнуть: умный человек копит и всегда предусмотрителен. Но, само собой разумеется, и то, что

Ильин И. Я вглядываюсь в жизнь filosoff.org

никто из нас не хочет отставать от других: касается ли это меховой шубы, мотоцикла или еще чего-либо. Хорошо! Частная собственность, естественно, утверждается и охраняется. Однако тут встает главный вопрос: как получается, что все нажитое владеет нами, отягощает нас и ездит на нас верхом, становится нашим владельцем и идолом? Как образуется этот фальшивый центр в спине, этот проклятый «рюзак»?

Что мне делать с моим рюзаком, я уже знаю. Вчера я попробовал, и все получилось отлично: проявилась способность сосредоточиваться, прогулка была чудесной.

Ну, а что же нам делать с нашим «состоянием», чтобы оно не стало нашим владельцем, а оставалось нашим действенным орудием? Возможно, и здесь нам поможет внутреннее «преображение», и мы начнем борьбу за освобождение от внешнего мира-из себя?!

10. Книжный шкаф

Прощай, старый друг! Мы должны расстаться. Я отправляюсь в дальний путь, а ты не можешь последовать за мной.

Забуду ли я тебя? Никогда! Это означало бы забыть самого себя: ведь моя жизнь всегда была связана с твоей...

Там, внизу, стояли сказки Андерсена и братьев Гримм, которые нам читала бабушка. С тех пор я – «стойкий оловянный солдатик» и сохраняю «невозмутимое выражение лица»; даже теперь, когда я должен попасть в «летающий сундук». С тех пор и я мечтаю о «верном Иоганне».

Позднее появилась история. О, эти часы, когда мне разрешалось читать отцу вслух Плутарха[4 - Плутарх (ок. 45 – ок. 127) – древнегреческий писатель и историк, автор «Сравнительных жизнеописаний» – труда о выдающихся греках и римлянах (50 биографий).] и Светония[5 - Светоний Гай Транквилл (ок. 70 – ок. 140) – римский историк и писатель, автор не дошедших до нас произведений энциклопедического характера. Главное его сочинение «О жизни двенадцати цезарей».] и когда мне впервые повстречались герои древности! Я брал их с двух верхних полок; и когда я вспоминаю о них, я и сейчас смотрю наверх, туда, где они стояли. Я хотел жить, как Аристид,[6 - Аристид (ок. 540 – ок. 467 до н. э.) – афинский полководец, политический противник вождя демократической группировки в период греко-персидских войн, афинского полководца Фемистокла.] умереть, как Сократ.[7 - «И вот случилось то странное и непонятное, что и по сей день удивляет всех, начиная с верного ученика Сократа – Ксенофона: власти, считавшие себя демократическими, не выдержали этой добродушной иронии Сократа, и ему был вынесен судебный приговор – такой, какого до тех пор еще никому не выносили в Афинах в случаях отвлеченных идеальных разногласий. Было решено его казнить. Но Сократ остался верным своему мировоззрению даже здесь. Хотя негласно ему и была предоставлена полная возможность бежать из тюрьмы и уйти в изгнание, он предпочел претерпеть казнь и выпить предназначенную ему чашу с цикутой. При этом он не уставал прославлять законы своей страны и убежденно выдвигал строгое требование для себя и для всех повиноваться законам своей родины, каковы бы они ни были, до тех пор, пока они не окажутся отмененными. Последними его словами перед смертью, как пишет Платон в своем «Федоне», было обращение к своему ученику Критону с просьбой не забыть принести в жертву Асклепию петуха: таков был обычай после выздоровления и здесь Сократ высказал ироническое суждение: под выздоровлением он понимал в данном случае свою смерть и уход в иную жизнь»(см. вступ. ст. А.Ф. Лосева «Жизненный и творческий путь Платона» в кн.: Платон. Соч. – Т. 1. – С. 17-18).] И думал при этом постоянно о моем собственном Отечестве. Моим первым героям стал тогда Вильгельм Оранский,[8 - Вильгельм I Оранский (1533–1584) – принц, деятель Нидерландской буржуазной революции, лидер антииспанской дворянской оппозиции. Убит испанским агентом.] Фридрих Великий[9 - Фридрих II Великий (1712–1786) – прусский король с 1740 г., полководец. «Он превосходил всех государей Гогенцоллернского дома ясностью ума, силой воли, быстротою решений и действий, равно как стоял несравненно выше всех современных правителей по своим общим государственным дарованиям» (Иегер О. Новая история: В 4 т. Т.3. – Спб., 1884. – С. 531).] – вторым...

А здесь, на средних полках, стояли философы. Каким блаженством наполнял меня

Ильин И. Я вглядываюсь в жизнь filosoff.org

Лейбниц и его прекрасная мечта о «самом лучшем из миров».[10 – Лейбниц Готфрид Вильгельм (1646–1716) – немецкий философ-идеалист, математик, физик, языковед, правовед. «Если бы не было наилучшего (*optimum*) мира среди всех возможных миров, то Бог не призвал бы к бытию никакого», – писал он в «Опытах теодицеи о благости Божией, свободе человека и начале зла» (Лейбниц Г.В. Соч.: В 4 т. Т. 4. – М., 1989. – С. 135).] Таков ли он в действительности? Как я воздавал вместе с Кантом его прекрасную молитву долгу: «Долг, ты возвышенное, величественное имя!»[11 – Цитату см.: Кант И. Критика практического разума // Соч.: В 6 т. Т. 4 (1). – М., 1965. – С. 413.] и совсем по-детски часто чуял, что непостижимая «вещь в себе»[12 – «Вещь в себе» – философский термин, означающий вещи как они существуют сами по себе, в отличие от того, какими они являются нам в нашем познании. В философии Канта «вещь в себе» – главный и самый тонкий момент: находясь в основании познаваемых чувственно-ощущаемых и рассудочно-мыслимых предметов и явлений, сама она скрыта, принципиально не познаваема.] таится там, в темной глубине полок.

Так ты стал для меня хранителем моего детского духовного очага; так ты, старый друг, принадлежал к моим пенатам! С какою добротою и щедростью ты предлагал каждому свои сокровища; как завлекающе щелкал твой замок; как тихо и таинственно скрипели твои дверцы, когда их открывали; с каким терпением ты часто оставался открытым весь день и с какою скромностью и достоинством ты стоял, закрытый, погруженный в раздумье, пока никто не домогался тебя! Эта благородная непрятязательность, эта простая и изысканная сущность внутренне такого богатейшего создания! Как часто я говорил о тебе моим детям, о твоем загадочном, значительном молчании, о твоей скромной мудрости!..

И вот все кончено. Мы должны расстаться.

В последний час моей жизни я по-прежнему буду точно знать, где стоял мой Гете. Ведь это его голос я и сейчас все еще слышу: «Можешь ли ты сказать мне, отчего это нежные души страдают всегда одиноко, безгласно?» Но в час прощания – особенно?! А также, где стоял мой Эйхendorf. Он еще шепчет мне в последнее мгновенье: «Вещи спят и ждут лишь зова, в каждой – песня взаперти».[13 – Эйхendorf Йозеф (1788–1857) – немецкий писатель-романтик, поэт. Цитату см.: Эйхendorf И. Волшебная палочка (пер. Ноэля Карпа) // Стихотворения. – Л., 1969. – С. 81.] Мне хочется думать, мой верный мечтательный хранитель, что я правильно рассыпал твою безмолвную песню!

Но вот я снова – «стойкий оловянный солдатик» и «летающий сундук» ждет меня. Я отправляюсь в дальний путь, а ты не можешь последовать за мной.

Прощай! Прощай навсегда!

11. Обиженные

Разве все мы не мимозы? Ах, как мы чувствительны, как чутки, когда это касается нашего, личного! Как быстро мы замечаем малейший промах в этой области! Как «горько» сразу становится у нас на сердце! Как будто мы – естественно, каждый по-своему – окружены необычайно возбудимой воздушной «аурой», которая тут же вздрагивает, трепещет, чувствует себя «обиженной».

Лишь совсем немногие из нас так «чувствительны» и «восприимчивы» в деловых обстоятельствах, тем более что никто не знает, как выглядит «деловое» и где оно пребывает. Если же «я» способствую делу, то это «мое дело»; а «мое дело» – это «я сам». Или еще проще и откровенней: мое «я» – мое «дело», мое «главное дело»; и кто с ним не соглашается, тот, значит, «против меня», он мой «враг» и только поэтому, вероятно (или даже – точно), – мерзавец. Сердца людские инстинктивно тщеславны. Круг их признания, их действенности, их компетенции кажется им слишком малым; их самолюбие, их самооценка, их честолюбие, их тщеславие требуют большего. Чувствуешь себя недооцененным; втайне составляешь длинный счет – «все, что мне задолжал несправедливый мир», – и носишься с этим счетом повсюду. Так инстинкт тщеславия переходит у нас в голод тщеславия; наша «аура» становится все чувствительней; и на такую ауру градом падают обиды. Тогда мы – «обиженные».

Но ведь не все люди «таковы»?! – Нет, слава Богу, не все. Есть бесконечно много ступеней и оттенков: от алчности до полного самообладания, от остройшей раздражительности до просветленного и мягкого спокойствия. А там, где есть

Ильин И. Я вглядываюсь в жизнь filosoff.org
самообладание, где человек преодолел возбудимость своей личной ауры, все сразу же чувствуют успокоение, облегчение; в этом случае не надо ходить па цыпочках вокруг болезненной раздражительности близких, чтобы сдувать мельчайшую пылинку возможной обиды; тогда в жизни образуется как бы оазис душевно-созидающего равновесия и здоровой деловитости.

Наряду с этим существуют люди просто с манией обиды, будто их где-то, когда-то – кто знает, где и когда! – раз навсегда обидели. Встречаешь такого, приветствуешь и тотчас же видишь, что он уже «обижен». Тогда целый час ломаешь себе голову, гадаешь, что бы это значило; напрасно – «обида» присутствует изначально, «непрестанно, неудержимо, всевластно» она рвется вперед и ищет лишь, к чему бы ей прицепиться. Для этого годится все: ваш более красивый галстук, ваш рассеянный взгляд, ваша недостаточно высоко поднятая шляпа, все дает повод, все раздражает раненую душу. Восхваления? Не помогают! Содержания этих восхвалений он не слышит; все остальное – форма, тон или то, что его вообще восхваляют, как если бы для «него» важны «восхваления», – обижает его снова. Неопытный любитель – а таковые мы все и есть – здесь мало что может сделать. К месту только снисходительность и прощение.

С подобными людьми надо обращаться как с душевнобольными. Не как с безумцами или сумасшедшими (таковыми они вовсе не являются), а как с больными и страдающими. Есть люди с открытыми ранами на теле. Здесь же говорится об открытой ране в душе. Эти люди больны изначальной обидчивостью, и с ними надо обходиться бережно. Свою накопившуюся боль, свою наслонившуюся и сгустившуюся горечь, свое судорожное недоверие, зависть и ненависть, свое странное самоистязание и совсем особо – свое удовольствие чувствовать себя жертвой истязаний они должны излить в потоке жалоб, описаний и слез, выстонать, вырыдать их; чтобы броситься затем в благословенный поток беспощадной любви и беспощадной жажды быть любимым.

Но кто захочет прислушаться к ним? Где тот мудрый и добрый, у которого есть ухо и сердце для этих обиженных? Ведь ни один из нас, «людей ауры», подобных мимозе, не согласится на это...

О, совсем не легко идти по жизни одиноким, непонятым человеком, обиженным, непощаженным, нелюбимым и беспомощным!

12. Одаренный

Бедный человек, чего ему только не приходится выносить в жизни! И его еще причисляют к «счастливым», не имея ни малейшего понятия о том, как ему, собственно, живется.

Прежде всего – повышенное бремя требований. Каждый считает себя вправе ожидать и требовать от него большего. Собственно, еще никто не знает, что в нем творится, что это может быть за «одаренность». Но у бедного мальчика уже есть эта несчастная слава – что он «одаренный»; и никто не хочет думать о том, что у каждой «одаренности» есть своя мера и свои особые пределы, что всякая одаренность есть в некотором роде ограниченность. Еще ребенком одаренного мучают, гоняют, травят, треплют.

Затем из него должно получиться нечто «особенное». Нам, остальным заурядным людям, живется легко: получится из нас нечто полезное – и этого довольно, остальное никого не касается. А одаренный всегда находится в опасности «осрамиться». Он всегда в неприятном положении невольного обманщика: будто он наобещал «Бог знает что» и должен сдержать обещание. Всю жизнь он видит себя перед этой дилеммой: или сверх достижение – или «срам», и не знает, как и когда обретет покой.

Он опять же совсем не знает, как это получается, что почти все люди вокруг настроены по отношению к нему скептически и иронически, зложелательно и злорадно. Как если бы он каким-то образом их обидел или оскорбил; как будто его неудача доставляет им какое-то странное удовлетворение, как если бы их повысили по службе или, по крайней мере, намазали им немного меда на черствый хлеб будней. Будто большинство безмолвно шепчет ему: «Как, ты еще здесь? Когда же ты исчезнешь, докучливый?» Он должен всячески внушать себе – это только его воображение, легкая мания преследования, все с ним милы и любезны. Но это не

Ильин И. Я вглядываюсь в жизнь filosoff.org помогает. И он прав: ведь мы, заурядные люди, отлично умеем подперчить одаренному пирог жизни и подкислить ему вино наслаждения в бокале. Ведь его «чувство превосходства» просто невыносимо, а его «самомнение» переходит все возможные границы. Не правда ли?..

К тому же на него направлены все глаза; все хотят узнать о нем побольше: сколько он получает, где бывает, как ведет себя, не заводит ли любовных шашней на стороне... Для нас, заурядных людей, он предмет разговоров, сплетен; для этого они и существуют – одаренные, незащищенные, выдающиеся, – чтобы мы могли удовлетворить наше подлое любопытство и позабавиться за их счет.

К этому, кроме прочего, примешивается зависть соперников, козни противников, косые взгляды коллег – короче, атмосфера, окружающая одаренного на работе, где правилом считается: «Твоя удача – моя неудача, твой промах – мое процветание...»

А если его, бедного одаренного, посетят еще и все наши пытки египетские: скука, бессонница, забота, неудача, хандра, болезнь и бедность; и если кто-то еще обидится на него за случайную слезу на глазах, тогда... разве тогда не полна его чаша? Кто тогда нуждается в утешении – одаренный или неодаренный?

О, если бы сердце наше могло освободиться от зависти!

13. Неполноценный

Мучительно для человека, да почти невыносимо, идти по жизни с чувством собственного ничтожества или просто неполноценности. Постоянное ощущение: «я – плохой», «бездарный», «неспособный» или вовсе «достойный презрения» – тяжестью лежит на сердце. Подобно свинцовым сапогам водолаза, оно тянет человека вниз, ниже уровня здоровой жизни; подобно грозовой туче, оно закрывает ему солнце жизни, горизонт радостей. Ни одно дело не делает он уверенно и достойно; никакое наслаждение не тешит и не веселит его до конца; никакие отношения с другими людьми не дышат у него спокойствием, свободой и равенством. Он несет в подсознании рану своей – так часто воображаемой – неполноценности, боль неудовлетворенности собой; он сломлен и не прощает другим; он унижает сам себя и испытывает вечный голод по признанию и чествованию; он хотел бы отомстить, да не знает кому... Он подавлен; его всегда нужно утешать, ободрять, поощрять. С него нужно снять бремя его муки; его надо освобождать для равенства; он должен обрести доверие к самому себе и научиться верить в самого себя. Иначе он никогда не обретет счастья.

Иные не понимают этого. Они видят такого страдающего от чувства неполноценности человека и не понимают, почему он так беспокойно двигается туда-сюда, постоянно извиняется, крадется, вместо того чтобы идти, хихикает, вместо того чтобы смеяться, так легко унижается до небольшого подхалимства, то преувеличенно учтив, то чувствует себя обиженным без всякой причины; короче – почему он ведет себя как ничтожество. Пару раз чудака внимательно разглядывают, отмечают про себя его низкое звание и начинают совершенно бессознательно обращаться с ним, как с рожденным для рабства. Никто не знает, что он может быть освобожден для равенства и воспитан для достоинства лишь спокойным уважением. Вместо этого его пинают. Если бы только знали, как они вредят ему тем, что к его необоснованному самопрезрению добавляют бремя реального презрения окружающих! Если бы только знали, как быстро он это замечает и как глубоко он это чувствует; какие мстительные, порой адские побуждения просыпаются в нем! Как он ищет тогда «компенсации» – то в фантазиях, то в тщеславном хвастовстве, то в медленно вынашиваемой мести...

Лучшей и целительной «компенсацией» было бы, однако, то, чтобы он резко очертил проблему своей истинной или воображаемой неполноценности и с непреклонной честностью осознал ее; чтобы он воспринял ее, примирился с ней так, чтобы потом уже не обращал на нее никакого внимания. Есть такая боль, которая не стоит того, чтобы выносить ее снова и снова... Гегель говорил, что надо как можно скорее похоронить ее, а затем раз навсегда забыть место захоронения.

Но пока неполноценному не удается это окончательное «захоронение», он больше кого бы то ни было нуждается в уважении, доверии, утешении и любви; то, чего он не позволяет самому себе, он ждет от других: бальзам на рану. Он должен понять,

Ильин И. Я вглядываюсь в жизнь filosoff.org
что каждый из нас в том или ином смысле неполноценен. С этим надо примириться. Нельзя стендать над бесплодной грядкой своей души, когда другие грядки в том же саду, возможно, приносят чудесные цветы. Надо радоваться своему богатству, а не жаловаться на недостающее. Что станет с жизнью, если все мы начнем испускать жалобные вопли? Да, все; ибо перед Богом все мы неполноценны.

14. Красивая женщина

Она писала мне: «Да, я не хотела высказываться тогда, перед всеми, когда почтенный старый господин задал вопрос – прекрасно ли быть красивой. Я совсем смущилась и сидела тихо-тихо. Я предоставила говорить другим. Кстати, я совсем не так красива; вероятно – красива только наполовину. И другие бы тоже не поняли или – неверно истолковали. Но Вам я хочу высказаться без стеснения, Вы поймете меня, и потому я так охотно болтаю с Вами.

Будучи совсем молодой, по-детски любуешься своей «красотой». С удовольствием смотришься в зеркало и очень радуешься этому, и, ах, как хотелось бы еще чуть-чуть добавить до полной красоты. Но позже, когда, возможно, сделаешься подлинно красивой, эта радость исчезает. Куда? Поверьте мне, я много страдала и много думала! Она исчезает из-за отношения других.

Женщине, считающейся красавицей, стоит только войти – как сразу же начинаются мнения и пересуды. Она чувствует, что за ней наблюдают, на ней останавливают внимание, она выставлена напоказ толпе так называемых знатоков и оценивается ими. Мужчины смотрят сладострастно, дамы – критически или даже саркастически. Достаточно только раз заметить это перекрестье взглядов, как теряешь непосредственность, все становится таким мучительным, и сидишь такой несчастной.

Затем сыплются банальные комплименты, в которых мы вовсе не нуждаемся. Мы, женщины, ощущаем моментально и без слов впечатление, которое мы производим. Эти жалкие и плоские речи о «прелестном» и «прекрасном» могут тешить и прельщать лишь самых тщеславных из нас. А если эти неизбежные любезности высказываются еще и в присутствии других дам, гнев застилает нам глаза; и это опять же находят «восхитительным».

И как следствие – зависть и ревность, незаслуженно, но обидно; а с ними – это нескрываемое злорадство и эти колющие намеки, которые надо не замечать! Мне приходится расплачиваться за мои глаза, за то, что они большие и голубые, а к тому же еще и лучатся; за мою улыбку, о которой мне однажды было сказано, что «ее свет проникает прямо в сердце» – и за кое-что, другое. На самом деле красавица не должна быть красивой, чтобы не ранить других. Ее красоту ей просто не прощают.

Но я еще не сказала о настоящем несчастье. Для большинства людей красота женщины исчерпывается ее внешностью. Восхищаются ее телом и желают его; ах, так часто, так элементарно, так без всякого желают его! Ей «не нужно» быть умной, тонкой, образованной. С духовностью она тоже может не иметь ничего общего. Все это «излишне», как шестой палец на руке. Мужчины смотрят на нас – и их взгляд становится тяжелым, мутным и глупым. К нашей душе, какой бы она ни была богатой и нежной, они едва ли способны проявить настоящий интерес. Как часто мне приходилось чувствовать, что кто-то равнодушно проходит мимо и принимает мою так называемую красоту за меня самое.

Каким трудным становится для нас из-за этого подлинное духовное сближение, подлинная дружба! Умные мужчины часто робки и считают нас глупыми и пустыми; а иные, которые так легко отваживаются приблизиться к нам, самоуверенные и дерзкие, обычно не знают ничего о духовности и дружбе.

Если бы можно было быть красивой – не для всех, лишь для немногих, для избранных, возможно, было бы много лучше! Но так не бывает. Поэтому я часто вынуждена говорить себе: пока люди не научатся беречь красивую женщину, красота будет скорее бременем, чем счастьем, скорее мукою, чем радостью; и лишь бесчувственные, ветреные женщины или глупые и злые умеют бесцеремонно наслаждаться своею «красотою».

Может ли быть красивой глупая или злая женщина, я не знаю. На этот вопрос мне
Страница 15

Ильин И. Я вглядываюсь в жизнь filosoff.org
должны ответить Вы. В благодарность за мою откровенность».

15. Некрасивая женщина

Я писал ей: «Так печально сказали Вы мне тогда: «Он не полюбит меня, ведь я некрасива!», что я ушел домой со стесненным сердцем. Но Вы неправы, фрейляйн Лотта! Откуда Вы знаете, что любят только красивиц? что, быть красивой легко и весело? что, красота и счастье идут рука об руку?»

Если мы увидимся вскоре, я прочту Вам отрывок из письма, которое мне написала как-то одна действительно красивая дама. Это было письмо-жалоба о нескромности, о тщеславии, о зависти других, о преграде, которой стала красота для красавицы, об ослеплении людей, об одиночестве красивой женщины.. Искренние и глубоко прочувствованные слова; они исходили из души, которая сознает внешнюю красоту своего тела и следует в одиночестве внутренней, духовной красоте. Ведь что может быть отвратительнее, чем уродливая, злая, глупая душа, заключенная в прекрасном теле?..

Совсем не нужно быть красивой для того, чтобы заслужить любовь и иметь право наслаждаться счастьем. Да, мужчины легко влюбляются в красивых женщин. Однако влюбленность еще далеко не любовь и не счастье; она – скорее опьянение и судорога, часто болезнь, порой катастрофа. И счастье дает лишь тогда, когда с самого начала несет в себе священное зернышко духовной любви и тем самым обладает способностью углубиться и созреть до любви.

Что есть красота, где начинается она? Я смею утверждать, что каждая женщина может быть красивою и может стать красивою; и если она это может, то в ней уже дремлет красота, как скрытая предрасположенность, или власть и влечение. Это предрассудок, что красота всегда предстает раскрытой, положительной и совершенной. Напротив – она приходит и исчезает, созревает и искается; и самая раскрасавица мгновениями бывает уродливой. Предрассудок также и то, что определение красоты можно свести к правильности черт, форм и красок: напротив – все оживляет именно душа; все решает именно живое выражение; именно внутренняя красота делает внешнюю гармоничность истинной красотой! И эта внутренняя красота имеет тайную власть, которая превращает неправильные черты в пленительные, да, пленительно красивые, изменяет и освещает их.

Каждый человек получает свое лицо и свое тело не как нечто окончательное, раз навсегда завершенное, а скорее как исходную точку, предварительно данный материал, пластическая обработка и формирование которого предоставляется, доверяется, поручается его душе. Он должен жить в своем теле и творить его; а то, что он переживает в душе, непосредственно и неизбежно запечатлевается в его теле и в чертах его лица. Ведь, как говорил Гете: «Что внутри – то и снаружи». Внутреннее уродство искачет самое красивое лицо; внутренняя красота освещает и облагораживает самые неудачные черты так, что они становятся незаметными. Внутренняя гармония, доброта, достоинство, идейное богатство, сила характера, любящее сердце и веселый нрав – если все это получится из очей, одушевляет лицо, управляет движениями, кто видит тогда математически неправильные черты, несовершенные краски, недостаток внешней красоты? Тогда дух властвует над телом; тогда прекрасная душа говорит из внешне некрасивого тела – и тело выражает это – делая его, некрасивое, красивым.

Каждая некрасивая женщина может и должна стать красивою. Но – изнутри, только изнутри, не путем этих поверхностных внешних «поправок», которыми так безнадежно стараются наверстать упущенное внутри... и именно так, что все упущенное и все «поправленное» без труда читается на лице.

Каждая некрасивая женщина может и должна стать красивою. При этом она должна уйти в себя, в глубину, где она слышит пение ангелов. Она должна вслушаться в это пение, забыться в нем, очиститься в нем и жить им. Тогда это пение зазвучит из ее души, и она сама будет цвести и светить другим людям.

И кто не полюбит эту «некрасивую» женщину, тот поистине не достоин ее».

16. Шум

Природа никогда не создает шума. Она учит человека величию в тишине. Молчит солнце. Беззвучно разворачивается перед нами звездное небо. Мало и редко слышим мы что-либо из «сердцевины земли». Милостиво и блаженно покоятся царственные горы. Даже море способно к «глубокой тишине». Самое великое в природе, что определяет и решает как таковую нашу судьбу, происходит бесшумно...

А человек шумит. Он шумит спозаранку и допоздна, преднамеренно и непреднамеренно, работая и развлекаясь. И этот шум никак не соотносится с достигаемым благодаря ему результатом. Так и хочется сказать, что шум составляет «привилегию» человека в мире, потому что все, что природа дает нашему слуху, это таинственный и многозначительный звук, а не назойливый и пустой шум. Пораженные и захваченные, стоим мы, когда свой голос поднимает гром, вулкан или ураган; и внимаем этому голосу, который вознамерился сказать нам нечто величественное. Рокот Рейнского водопада или моря, обвалы горной лавины, шепот леса, журчанье ручья, пение соловья – мы слышим не как шум, а как речь или песню родственных нам, но таинственных сил. Грохот трамваев, треск и шипение фабрик, рев мотоциклов, визг тормозящих автомобилей, хлопанье кнута, отбивание косы, резкие звуки мусорных машин и, ах, так часто... рев радио, – это шум, докучливый шум, связанный с определенными явлениями, но так ничтожно мало значащий в духовном смысле. Шум присутствует везде, где звук безотносительно мало значит или вовсе ничего не значит; где громыхание, свистение, жужжание, гудение, рев, проникая в человека, мало что дают ему. Шум – дерзкий и разочаровывающий, кичливый и пустой, самоуверенный и поверхностный, беспощадный и лживый. Можно привыкнуть к шуму, но никогда нельзя им наслаждаться. Он не таит в себе ничего «духовного»; он свободен от всякого «третьего», духовного измерения. Он «говорит», не имея что сказать. Поэтому всякое плохое искусство, всякая глупая речь, всякая пустая книга – шум.

При этом шум возникает из духовного «ничто» и растворяется в духовном «ничто». Он выманивает человека из его духовного убежища, из его сосредоточенности, вызывает его оттуда, раздражает, связывает, так что он живет уже не духовной, а исключительно внешней жизнью. Говоря языком современной психологии, он прививает человеку «экстравертную установку», ничем не возмещающую ему это. Примерно так: «Приветствуя тебя, человек!.. Послушай-ка! Погоди!.. Впрочем, мне нечего тебе сказать!..»

И снова... И снова... И бедный человек подвергается нападкам и даже не может отразить нападающего: «Если тебе нечего сказать, оставь меня в покое... И чем больше человек захвачен шумом, тем привычнее для его души внимание к чисто внешнему. Он предается внешнему...

Благодаря шуму внешний мир делается значимым. Он оглушает человека, поглощает его. Он превращает его в материалиста: поскольку материалист – это именно тот, кто фиксируется на внешней материи и считает ее единственной реальностью. Шум, так сказать, «ослепляет» человеческое ухо, его слух, его восприятие; человек становится духовно «тугоух» и духовно «глух».

Шум перекрывает все: во внешнем – пение мира, откровение природы, вдохновение от космического безмолвия. Во внутреннем – возникновение слова, рождение мелодии, отдохновение души, покой разума, «тихий голос говорящего в нас Бога» (Лафатер). Потому что воистину, где нет тишины, там нет покоя; где шумит ничтожное, там смолкает Вечное; где суетится черт, там не услышишь пения ангелов. Сад Божий цветет в тишине.

Робка также и муга. Как легко спугнуть ее шумом!.. Нежна ее сущность; голос ее нежен. А шум – дерзкий парень. Ничего не знает этот грубян о таинственной изначальной мелодии, которая поднимается из колодца души, иногда вопрошая, иногда вызывая, иногда вздыхая. Он «а-музыкален» и «анти-музыкален»; он вытесняет изначальную мелодию из земной жизни и земной музыки... И наше шумное время уже зашло так далеко, что только титанически одаренные музыканты в состоянии воспринимать эту божественную изначальную мелодию...

От этого бедствия я не знаю утешения. Есть только одно: побороть шум...

ИЛЬИН И. Я вглядываюсь в жизнь filosoff.org
III. СВЕДЕНИЕ НЕКОТОРЫХ СЧЕТОВ

17. Любопытство

Прекрасная вещь – обходиться без утешения, не нуждаться в нем, не ждать его! Так человек становится победителем, ему покоряется судьба.

Но любопытный на это не способен. Каждый миг его надо чем-то новым утешить, чем-то новым обнадежить. Напряженно всматривается и вслушивается он в мир: не промелькнет ли там что-нибудь новое. Что? – Неважно! Что-нибудь неизвестное, неиспытанное, неслыханное. Иначе – иначе грозит скука...

Любопытство ненасытно. Любопытный – обжора; его призвание – волчий аппетит. Подобно пылесосу, следует он за добычей и проглатывает новую пыль маленьких и больших событий. Да, разумеется, только пыль, которую он где-то накопил и с которой не знает что делать; позже искусная рука извлекает из него эту пыль – пыль разрозненных известий. Любопытный всегда восприимчив, но поверхностно: потому что он не вглядывается, он только смотрит; он хочет брать, «воспринимать», пусть даже взятое вовсе не правда. Лишь изредка он это как-то использует; потому что он не созидатель. Он курит новизну, как сигареты – одну за другой; и дым улетает в воздух. Но сам он – действительно ли существует? Представляет ли он действительную реальность? Может быть, он только сказочная шляпа с дырой, которая, наполняясь золотом до краев, всегда оставалась пустой? Или, может быть, он подобен шлангу водяного насоса?

Для любопытного важен не факт, не правда, не проблема; а лишь порог неизвестного: он вновь и вновь преступает его; это его радость, его утешение, его новая сигарета. Ради чего же переступать? Этого он не знает. Тогда его «волчий аппетит» ограничивается вкусом и запахом. Он останавливается на предвкушении. Он хочет лишь прелести новизны; лишь приправы, а не сущности пищи. Может быть, он хочет «приподнять завесу Изиды[14 – Приподнять завесу Изиды – узнать тайну. Изида (Исида) – в древнеегипетской мифологии супруга и сестра умирающего и воскресающего бога Осириса, богиня плодородия, воды и ветра, волшебства, мореплавания. Изображалась в виде женщины с рогами коровы и закрытым завесой лицом.]»? Нет; это было бы для него слишком, это могло бы его сразить, обязать, наложить на него ответственность. Тогда ему пришлось бы созерцать; а это ему не подходит: ему не дано больше, чем смотреть. Ведь тогда ему, возможно, пришлось бы еще и действовать; а это ему также не подходит: он может только порхать. Он – безответственный потребитель, который, утоляя жажду, хлебает утешение жизни из чаши собственной пустоты...

Итак, нам не надо его утешать. Пусть он утешится сам. А что же другие, на коих он часто производит столь безутешное впечатление?

Он благоразумен и умен для того, чтобы принимать людей такими, какие они есть. Но никто из них не может превзойти самого себя; ни один воробей не пролетит над горой, ни один червь не переползет через облако. А ведь каждый фотограф тоже оказывает добрые услуги. Любой исследователь может найти хорошее применение чужому любопытству. Есть даже профессионалы, занимающиеся сбором новостей.

Однако любопытство, как таковое, следует правильно оценивать. Тому, кто воспринимает жизнь всерьез, чужое любопытство обременительно, а собственное – несносно: он скоро с ним справится. Кто хочет глубины, тот должен учиться видеть, тот не может гнаться за «новым», тот должен полюбить «старое». Потому что Великое и Существенное, Святое и Божественное – это древнее и вечное, но всегда новое и благодатное для видящего...

Любопытство – источник поверхностности, опошления жизни, безбожия. Подобно плохой тропе, оно незаметно ведет человека в пагубное болото.

18. Ненависть

Существует так много мерзостей на свете, против которых уместными и естественными кажутся моральное негодование, духовное отвращение, справедливый

Ильин И. Я вглядываюсь в жизнь filosoff.org
гнев! Преступления, подобные торговле девушками, измене Отечеству, злостной клевете или заведомо ложным доносам призывают к решительному осуждению, которое должно действовать наказующе и очищающе. Но ненависть...

Ненависть – это душевная болезнь, несчастье для самого ненавидящего и его окружения. Эта болезнь состоит в том, что сердце человека, то есть чувствительный центр его личной жизни, упорствует в отрицании, высыхает и каменеет в нем. При этом все в личности перерождается – ее мысли, ее воображение, ее интересы, ее оценки, шутки, смех, речь и даже почерк; и, конечно, стремления, намерения, образ действий. Все подчинено душевному спазму отрицания. Все пропитано ненавистью и опирается на нее.

Человек счастлив лишь тогда, когда он отдается любви и отдается самозабвенно. Ненависть же делает это счастье невозможным. Ненависть – отрицающая, разделяющая, презирающая; она отступает, она зложелательно оценивает врага; она не может и не хочет отдаваться. Она ведет себя жестко, холодно и неприступно; любовь кажется ей «мягкотелой» и «глупой». Забыться она не может, потому что является разновидностью вечного голода и вечной боли. Она подобна ране; и сама же бередит эту неизлечимую рану, как бы наслаждаясь собственной болью. Она – это судорога, которая сама себе нравится и потому не дает себе прекратиться. Этим затормаживается и парализуется эмоциональная жизнь ненавидящего. Застой царит в его душе; тяжелая, напряженная, насыщенная злой атмосфера. И только тонкий душевный слух мог бы уловить сквозь этот плотный воздух в подземной камере пыток тихий стон еще не задышенной любви.

Ненавистник болен своим ненавистным врагом, кто бы он ни был – соперник, социальный класс, другой народ или целый мир. Внутренне он не может отделить себя от своего врага; у него неутолимая потребность видеть его в черном свете, объяснять его действия в черном свете, желать ему зла; он фиксирует его «отвратительность»; в душе как бы «лелеет» его гибель: он унижает его, заставляет его страдать и наслаждается его воображаемой гибелью. Он мечтает о «наказании»; он взыскивает отмщения; он упражняет свою душу в злобе и мерзостях. И все, что он замышляет, и все, что он желает своему врагу, заражает все уголки его собственной души, искажает и портит ее изначальную естественную доброту, парализует ее творческие силы. Ненавистник несет в себе самое проклятие и свою судьбу, служа разрушению и социальному разобщению. Необъективным и неясным становится его духовный взор; и чем больше он предается ненависти, тем больше он склоняется к галлюцинации. Уже он теряет способность трезво и реально наблюдать, уже он ищет врагов везде; уже он преувеличивает все; уже в его взоре проскальзывает начинаящаяся мания преследования...

То, что при этом «светится» из его очей, – это черные лучи ненависти; они проникают в другие души и будят в них злые инстинкты. То, что он проповедует, – это подозрительность, жажда мести и убийство. Там, где он «работает», рвутся всяческие естественные связи, там объединяются завистники, неполноценные, люди злой воли. Там, где он имеет «успех», все идет к разложению, там пахнет кровью.

Сегодня мир болен ненавистью. И если мы не найдем верного противоядия и со своей стороны будем лишь ненавидеть ненавистников, то сами увязнем в ненависти.

19. Продажность

Когда я слышу или читаю о чужих странах, где процветает продажность и где чиновники предлагают себя на продажу, у меня иногда появляется желание написать этим господам следующее письмо:

«Господа, позволяющие себе продаваться! Знаете ли Вы, что Вы делаете и чем Вы торгуете? Думаете ли Вы когда-нибудь об этом? Вникали ли Вы когда-нибудь в суть этого?

Каждому из Вас доверена служба, где Вы должны поступать согласно законам и рабочему распорядку. Однако кое-что, а возможно, и наиболее существенное предоставляется Вашему суждению, Вашей «чести и совести». Иначе и быть не может, поскольку государственная власть не в силах всего предусмотреть и превратить чиновников в постоянно действующую машину. То есть каждый из Вас является тем, кто должен регулировать отдельные явления жизни. И тут Вы открываете свою

ИЛЬИН И. Я вглядываюсь в жизнь filosoff.org
лавочку.

Вы продаете то, что Вам не принадлежит. Что сказали бы Вы, если бы кто-то другой стал продавать Ваши вещи, как свои собственные? Разве не закричали бы Вы тут же «держи вора»? Дело Вашей службы далеко не Ваше личное дело. То, что предоставлено Вам, называется «Государственными полномочиями для соблюдения общественного блага», а не «частным правом, защищающим Ваши дражайшие личные интересы».

Однако Вы превращаете общественное благо в частный товар, нарушая тем самым доверие, которым удостоил Вас Ваш народ и Ваше начальство. Вы думаете, что после этого Вам все же удастся поддержать личную честь и достоинство? Вы думаете, что человек чести может обращаться с честью и совестью, как с ходовым товаром, и предлагать его на продажу? Или, возможно. Вы придерживаетесь умного мнения: «не пойман – не вор»?

В течение многих поколений Ваш народ накапливал духовный капитал обоядного доверия и уважения к государству и государственной службе. Это живой оплот правосознания, жизненная основа общей лояльности и законного правопорядка. И Вы расточаете это сокровище, чтобы лично обогатиться; теперь Вы разбазариваете этот духовный капитал и подрываете тем самым политическую – субстанцию своего народа. Недостойные сами, способствуете исчезновению достоинства и из Вашей службы; бесчестные сами. Вы бесчестите свой народ и государство. Вы заботитесь о вашей дорогой семье, как Вы говорите; и потому лишаете своих детей, а также весь народ благороднейшего единения, необходимого каждому народу в его истории: единения верности и доверия. Или, возможно, Вы думаете, что личное состояние может при вероломных обстоятельствах сохраняться и обеспечивать безопасность? Или Вы бабочки-однодневки по призванию? Создания, не имеющие никакого представления о том, что есть Отечество, что есть честно и что есть социально».

Такое письмо, вероятно, все мы однажды намеревались отправить этим чужим господам, прилагая при этом большие усилия, чтобы написать им «Вы» и «Ваши» с большой буквы.

Но письмо это, разумеется, осталось ненаписанным.

20. Карьерист

Речь идет не о «к чему-то стремящемся» человеке, поскольку вся жизнь состоит из «стремлений»; и кто ничего не желает и ни к чему не стремится, тот не относится к живущим, возможно, он еще «не пробудился» к жизни, возможно, он «уже отжил свое», кто знает? Поэтому хорошо, если люди стремятся к чему-то.

И исследовательского диагноза требует не «целеустремленный» человек, ведь целеустремленный работоспособен и верен долгу, он служит со рвением, ищет лучшее, работает с радостью и гордится своей хорошей работой. Поэтому хорошо, если человек «целеустремлен».

Однако надо иногда изучать и «карьериста»; и особенно – его методы.

Есть черта, которая разделяет «карьериста» от «некарьериста». Эту черту нельзя ни ровно провести, ни формально истолковать: ведь внешний признак обманчив, суждение же по формальным признакам почти всегда необоснованно. «Карьерист» – не тот, кто служит для блага своей Родины, своего народа, своего государства при любом правительстве, стараясь при этом быть деловым и добросовестным, верным и неподкупным...; а тот, кто при любом правительстве заботится исключительно о собственной карьере. Разделяющая черта касается, таким образом, внутренних взглядов человека, цели его жизни, которые он, конечно, умеет скрывать. Поэтому не так-то просто распознать настоящего карьериста и обезопасить его.

Итак, истинный карьерист живет собой и своим жизненным успехом. Остальное для него – только средство и инструмент, только беговая дорожка и трамплин. Он хочет быть хорошим спринтером. Поэтому не желает обременять себя: ни школьными товарищами, поскольку они знали его «маленьким», «необразованным» и «начинающим», ни родственниками и друзьями, которые так охотно навязывают преуспевающему человеку и цепляются за него. Такие связи для настоящего

Ильин И. Я вглядываюсь в жизнь filosoff.org «гражданина мира» только избыточная и вредная обуза. Под «отношениями» он понимает нечто совсем иное: благоприятные, покровительственные связи с влиятельными, видными, известными людьми. Таковые он должен приобретать. Каким образом – безразлично; любым – службой или угодничеством, открытой или замаскированной взяткой, комплиментом даме или лестью мужчине, хорошей бутылкой вина или удачной женитьбой, часто совершенно беззастенчивым хвастовством или весело рассказанной непристойностью...

Совсем неприятны ему так называемые «убеждения»: «умному» человеку вообще нельзя тащить их за собой. Для чего? В жизни все – вопрос целесообразности. А тут еще эти «убежденные» люди – тупые догматики, тщеславные борцы за принципы; настоящее мучение для «реалиста».

«Реалист» рвется «вперед». Он должен посмотреть, в чем же, собственно, дело и откуда «ветер», как ему надо «настроиться» и «перестроиться» и не надо ли проделать «салто мортале». Он создает целую «методологию» успеха в жизни, рецепты которой кажутся достойными внимательного изучения.

Никогда и нигде нельзя оставлять закрытыми двери. Нужно везде завязывать связи; всегда сохранять готовность к переговорам; особо выделять по мере надобности «за» и «против»; оставлять для себя открытыми большие улицы и маленькие переулки; и никогда, даже после пятой бутылки вина, не быть откровенным.

Затем очень важно найти одаренных людей, доверительно извлечь из них все лучшее, чтобы затем преподнести это под собственным именем. Выжатого таким образом можно позже уволить по сокращению или устраниТЬ иным способом.

далее рекомендуется нащупать в любой ситуации центр власти на данное время, присоединиться к нему и вместе давить на более слабых; при этом лучше как можно реже показывать себя и подвергать опасности.

Полезно не отказывать ни в чем напрямую ни одному человеку, а, напротив – благожелательно выслушать каждого, отделаться от него пустыми обещаниями, выполнить его просьбу «позже», чтобы в результате свалить возможную неудачу на другого.

Но самое главное – заинтересовать как можно больше людей в их собственном успехе, становясь как бы копилкой или живым аккумулятором их надежд, симпатий и энергии. Тогда постепенно становишься «равнодействующей» в параллелограмме социальных сил. Тебя продвигают со всех сторон, причем продвигающие не осознают своего сотрудничества.

Есть еще много подобных «методов». Настоящий карьерист владеет ими всеми и изобретает новые, расширяя свои способности к приспособлению и свою непредвзятость, не служа никакой идеи и освобождаясь от любой более высокой ответственности. Человеческая история богата подобными примерами, особенно в смутные времена; и только правильное, христианское, религиозное воспитание сможет научить человека тому, что должны обозначать прекрасные слова «я служу».

21. Сноб

Его не трудно узнать именно по чувству собственного превосходства, переполняющему его. Он же «единственный», «непревзойденный», он выше толпы. Он старается подняться над ней, создать дистанцию между собой и ней. Он – человек с положением. Он непрерывно старается дать нам почувствовать, что он снисходит до нас, серых людей толпы: он снисходителен, он терпит нас, он старается извинить нас за то, что мы так вульгарны, недостаточно прилично одеваемся (немодно! неряшливо! неуклюже!), что наш стиль жизни банален, что мы не в состоянии проявить понимание к «изысканности» «высшего света», избранных. Все это он нам и простил бы, но при условии, что мы станем им восхищаться; если же это произойдет, он попытается скрыть свое легкое отвращение.

В остальном он оказывается знатоком, сибаритом, гурманом. По-латыни: «arbiter elegantiarum[15 – «arbiter elegantiarum» (лат.) – законодатель изящества.]». В переводе на французский: «maître de plaisir». И при этом он считает себя знатоком и хранителем «хорошего тона».

Мир знает «легкого сноба» и «тяжелого сноба».

Легкий сноб комичен. Он ухаживает за своей внешностью: костюмом, руками, прической, манерами, особенно за галстуками, туфлями и носками. Он не ходит, он семенит. Он не садится, он «усаживает себя». Он не говорит, он карташит и сюсюкает. На его лице прочитывается высокомерное разочарование. Его улыбка напоминает гримасу. А как он держит за едой вилку... с мечтательной грацией презирающего пищу. Все для него событие: курение, поглядывание на часы, чье-то обращение к нему. Он занимается вечным кокетством с самим собою – зеркальным отражением своего Я. Аффектированно и искусственно он вышагивает по жизни, пустой сам по себе и смешной для окружающих. В остальном он мало уважаем и довольно безвреден.

Тяжелый сноб, в отличие от него, вреден. Он хочет судить, судить компетентно, решительно вмешиваться в жизнь; и там, где это ему удается, возникает ущерб и нужда. Он – салонный знаток несущественного, с которым сам, однако, обращается как с чем-то наисущественным и, кстати, с ужасающим апломбом. Он выступает с такой непомерной самоуверенностью, что даже внушиает боязнь скромным, наивным, безобидным дилетантам. Они видят перед собой «уважаемого, величайшего специалиста во всех областях жизни», позволяют ему импонировать себе, уступают ему поле сражения и с глубоким почтением молчат. Но не только его апломб валит с ног прочих, потрясенных; разумеется – и его заносчивость: «если кто-то так чванится, вероятно, у него есть на то причина... Возможно, он действительно знает все?» Уклонишься от перспективы неуместного, злого салонного спора (с грубыми окриками!), и поле боя остается за изображающим аристократа победоносным фатом...

То, что он рассказывает, годится также для того, чтобы прикончить бедных слушателей. Ведь он точнейшим образом, до мелочей, придирчиво, педантично и исчерпывающе искушен во всех областях. От него не ускользает ни одна деталь. Он разбирается в политике, моде, истории, искусстве, садоводстве, бальнеологии, [16 – Бальнеология – раздел курортологии, изучающий минеральные воды и их лечебно-профилактическое применение.] гомеопатии, истории народного костюма. Даже поваренное искусство доисторических времен и жизнеописания знаменитейших мошенников мира в сфере его специальных знаний. Особенно всезнающ он в области истории искусств. Ему известен род занятий отца второй жены Рембрандта; он точно знает, сколько кофейных зерен отсчитывал себе Бетховен по утрам на завтрак; какое имя носила по отцу бабушка Праксителя и т. д. Порою его память кажется безмерной; порою создается впечатление, что к его услугам во всех странах есть ловкое частное детективное агентство и что он выучил наизусть «Энциклопедию всеобщего знания»...

В действительности же его знания несущественны и мелки, бездуховны и бесценены. Все они подобны эмпирической пыли, а он сам – пылесосу. Как знаток он беспредметен; его рассудок ничего не создает; его авторитет не является авторитетом. Святая и глубокая суть вещей ускользает от него; и то, что он схватывает, – лишь налет подробностей, показного и формального. Поэтому все его поведение поверхностно и мелко.

Сноб – духовная видимость существования. И атмосфера, которую он создает вокруг себя, – снобизм – тщеславна и вредна. Бахвал и ветренник по роду занятий, он умеет лишь болтать о великих вещах; а из болтовни еще никогда в жизни не получалось ничего доброго.

22. Мужское общество

С давних пор известное, но не стареющее наблюдение: стоит нам, мужчинам, остаться в своем кругу, особенно если мы приглашены на вечернюю пиршку или сидим за нашим «постоянным столом», развлекаясь, чтобы прогнать скуку, – как уровень нашего общения начинает колебаться и снижаться. Один рассказывает о курьезе; другой пытается превзойти его в курьезности, и посмотрим – всем уже хочется анекдота; все рвутся взять слово, у всех есть «что-то на сердце», что, собственно, никакого отношения к сердцу не имеет; за умным анекдотом следует глупый, за соленым – пресный, анекдоты сменяются непристойностями и, наконец, скатываются на такой уровень, что, расходясь по домам, а особенно на следующее утро, все полагают, будто при этом незримо присутствовала некая злая Цирцея, [17

Ильин И. Я вглядываюсь в жизнь filosoff.org

- Цирцея (Кирка) – в греческой мифологии волшебница с острова Эя, обратившая в свиней спутников Одиссея, а его самого удерживавшая на этом острове в течение года; перен. – коварная обольстительница.] околдовавшая и лишившая «их всех» достоинства, подобно тому, как она поступила с легкомысленными спутниками мудрого Одиссея.

Затем сидишь и думаешь, как могло дойти до такого и кто в этом виновен – начинающий шутник-любитель или неутомимейший рассказчик непристойностей? И правильный ответ гласит: «все и ни один». Как и в этой ситуации, часто бывает так, что гораздо вернее спросить о причинах, а не пытаться схватить за шиворот «виновного». Причин же существует множество.

Наиболее вероятным было бы предположить, что это мужское общество, безусловно знающее толк в винах; что отсутствие дам ослабляет внимание к требованиям хорошего тона, а упоение вином устраниет торможение, стесненное рамками обыденности. Немаловажно, что подобные пирушки или застолья почти всегда случаются под вечер. Рабочий день часто требует слишком большой сосредоточенности, напряженной собранности, строгого самообладания. Поэтому вечером хочется насладиться отдыхом, отпустить напряжение, проявить к себе снисхождение и кутить в случайных, откровенно разгульных компаниях. Подсознательное хочет играть, шутить, вырваться на свободу; и кстати, совершенно заслуженно. Но поразительное заключается в том, что расслабленное подсознательное так быстро застrevает в тупике низкой непристойности, как будто это его любимая тема, которой оно весь день жаждало, как будто отыскавший непременно должен скользнуть в нее. Но в этом нет абсолютно никакой необходимости.

Сознательное и произвольное расслабление от сосредоточенности могло и должно было бы пробудить и иные, более благородные силы подсознательного: художественную фантазию, остроумный анекдот, торжествующий юмор, доставляющую удовольствие карикатуру, откровенность «*enfant terrible*». [18 – «*enfant elegantiarum*» (фр.) – бедовый ребенок, сорванец.] В один из таких вечеров состоялся описанный Платоном «Пир», [19 – См.: Платон. Соч. – Т. 2. – М., 1970. – С. 95–156.] на котором, кстати, присутствовала и мудрая Диотима. [20 – «Образ мантинеянки Диотимы достаточно загадочен у Платона. Его можно считать чистой фикцией и видеть в имени этой мудрой женщины только символический смысл (мантинеянка – из г. Мантинеи; *mantis* – по греч. «пророк», «пророчица», *manticos* – «пророческий»). Мантинея в Аркадии славилась прорицателями; Диотима – «чтимая Зевсом» Не исключена, однако, возможность ее реального существования» (см. коммент А.Ф. Лосева в кн.: Платон. Соч. – Т. 2. – С. 527).] В один из таких вечеров Бетховен импровизировал на рояле в честь своего отъезжающего друга шутливый канон «Метроном» (все присутствовавшие подпевали ему); из этого канона позже возникло великолепное Скерцо из Восьмой симфонии. Короче говоря, там, где есть дух и творческая сила, мужское общество находит гораздо более удачную форму отдыха.

Здесь надо учитывать и своеобразную дифференциацию личности в последнем столетии: добросовестная дневная работа занимает рассудок и волю человека, чувством же, фантазией и интуицией, напротив, пренебрегают и подчиняются диктату примитивного инстинкта; получается, что они пытаются содержанием последнего.

Тем не менее возможно общение и на более высоком уровне; но это стоит усилий и стараний, кажущихся по вечерам «едва ли выносимыми». К этому добавляются еще и инфантильный инстинкт тщеславия: весь день он голодал и был подавлен, а теперь стремится взять реванш, опускаясь до анекдотов и непристойностей. Так «приятно» и «свободно» сидеть вместе; появляется «настроение»... часто люди «вместе» делают такое, чего бы не сделал никто из них в одиночку. Многие «делают за компанию» – «из любезности»: иные – чтобы не показаться «заносчивыми»; третья поддаются своеобразной силе инерции, инстинкту толпы; и все катятся вниз. Глубокий социолог формулирует закон: «Чем больше социальная группа, тем примитивнее ее уровень»; только великим людям дано не подчиняться этому закону.

Гете сказал однажды: «Каждый, в отдельности взятый, довольно умен и понятлив; взятые в массе своей являются лишь тупость одну». [21 – См.: Гете. Изречения в прозе. – Спб., 1885.] Затем пробьет поздний час, и коллективный «дурак» опять разлагается на «умные индивидуальности». Потому что на свете не существует «вечных» мужских обществ.

ИЛЬИН И. Я вглядываюсь в жизнь filosoff.org
Ах, как коротка жизнь и сколько чудесного и божественного мы упускаем, не замечая их отсутствия!

IV. ОПАСНОСТИ

23. Материалист

В том, что он таков, каков есть, не его вина: скорее, это бремя естественной предрасположенности. Но мы, иные, должны отвечать за то, что он остается таким, какой есть. Разумеется, нелегко расширить кругозор материалиста и облагородить его душу; тем не менее это надо сделать.

«Существует только материя и ничего, кроме материи!» Это тупик, в который он попал и где ему так приятно, что он хотел бы затянуть в это тупиковое мировоззрение все человечество: так как оно кажется ему настолько простым, настолько само собой разумеющимся, настолько «все объясняющим», что он не может постичь, почему мы, иные, не хотим согласиться с ним; «не хотим» – категорически.

Так возникает эта комедия недоразумений вокруг материалиста: кто сам является таковым, не понимает, как можно быть кем-то другим; а кто таковым не является, тот не может постичь, как можно им быть.

Как человек становится материалистом? Он становится им сначала по природе, а затем из-за недостаточной заботы о своем духовном и умственном опыте.

Бывают люди как бы прилепившиеся к своему собственному телу и к своим чувственным ощущениям. Здесь – главный источник их жизненных содержаний, надежное пристанище их возлюбленного «Я». Реальность для них предстает то, что являются им зрение, слух, обоняние, осязание и вкус; на остальное они не обращают внимания. Только внешний опыт, только внешний вид, только внешние отношения принимаются ими всерьез. Можно сказать, что они «поворнуты наружу» (экстра-вертны), внутренняя жизнь их не заботит. Их удовольствие – чувственное удовольствие; отвращение – физическое отвращение; любовь – чувственное наслаждение. Голод, холод, боль, бедность, роскошь, успех в обществе, в общем, видимость – означает для них все. Они ужасающе мало знают о том, что такое сердце и совесть; их не мучит чувство ответственности, чувство социального они воспринимают с кривой усмешкой; добро и зло для них – «предрассудок для глупцов»; а о том, что нам открывают опыт и наблюдения, они и вовсе не подозревают. Лирическое говорит им мало; трагическое служит для них отвлечением; живопись и музыка для них не более чем возбуждающее средство – они ищут пестроту, яркость, броскость, какой бы безвкусицей это ни было. Они не могут представить себе, что такое религия и вера, и постоянно чуют за этим обман...

Приблизительно так выглядит «практический материалист». Теоретик же творит из этой практики абстрактную догму и «мировоззрение». Отсюда – настоящий волевой парень – марксистская революция и воинственное безбожие; экстравертные завистники и зложелатели бегут за ними; а остальной мир смотрит на это и толком не знает, что он может противопоставить материалисту.. С какой охотой я бы дал этим беспомощным людям небольшой совет – несколько коротеньких детских сказочек!..

Жил-был человек, который так долго и рьяно смотрел из своего окна, что и сам потерялся в нем; теперь он думал, что он не что иное, как окно, и «только» окно, и что на всем белом свете не существует ничего, кроме окон. Вскоре он попал в сумасшедший дом, где сидит и поныне...

Жила-была умная улитка. Однажды она заметила, что без своей раковины и жить-то не может. Это было для нее большим ударом! Тогда она забралась обратно в раковину и не хотела ничего больше знать о самой себе, лишь бы только жила раковина. И вот скоро улитка высохла в ней и умерла; мертвая раковина осталась лежать на дороге, а на следующее утро ее раздавил грузовик...

В одной далекой стране жил-был когда-то дерзкий парень, который ничего не хотел

Ильин И. Я вглядываюсь в жизнь filosoff.org

знать о Боге. Тогда Бог наказал его так, что все, что он видел отныне,казалось ему мертвой материей. Для него не цвел больше ни один цветок; не сиял ни один священный образ; и радость перестала петь в нем. Неподвижно и бедно, пусто и мертвое ухмылялась ему отовсюду мертвая материя. А другие не могли понять, что с ним, радовались цветам и сами цвели радостью. Тогда он пришел в отчаяние и лишил себя жизни...

Уродливый и слепой черный домовой хотел сделать человечество слепым и уродливым и наколдовал котел шипучего яда. Тогда собрались преданные и мужественные люди и опрокинули этот котел, и избавили от его содержимого добрых людей...

Потому что у добрых людей есть дела и лучше, и благороднее, нежели жалкие и злобные пошлости слепого материалиста...

24. Безбожие

«Если ваш Бог существует, покажите нам его! Где он? Где обитает? Где место его? Нигде! Ни один микроскоп не обнаружил его. Ни из одной подзорной трубы его не увидеть. Поэтому не лучше ли прекратить подобные толки».

На столь вызывающий вопрос следует непременно дать ответ – ответ простой, ясный, научный и точный. Мы достаточно долго медлили с ним.

Где находится наш Бог?.. Если под этим «где» предположить определенное место в пространстве, то он не находится нигде. Но вы, господа безбожники, должны тем не менее признать, что есть реалии, которыми занимается позитивная наука, однако пространственно они не существуют. Это предметы без «где», без резиденции, места пребывания и местожительства; применительно к которым бессмысленными оказываются микроскоп и подзорная труба, атомный вес и химическая формула; но которыми тем не менее занимаются целые факультеты. Попробуйте-ка, господа, обратиться с вашим «где» к юристам (примерно так: надо рассмотреть в микроскоп – покупку, сдачу внаем, право выбирать); или – добиться ответа от математиков (примерно так: «Где местонахождение дифференциала или чистой величины в пространстве?»); обратитесь к психологам и спросите об удельном весе души, помучайте логика вопросом, может ли он разглядеть в подзорную трубу понятие. Для вас из этого выйдет одна стыдьба, а для любого другого – бессмыслица. Итак, прекращайте свою болтовню о «где»!

И спасайтесь, мои господа! Измените скорее свой неосторожный вопрос. Хорошо, так-то лучше: вы спрашиваете теперь, не происходит ли познание Господа из определенного опыта и доступен ли этот опыт всем?

да, конечно, такой опыт есть; и как о любом опыте, о нем надо заботиться и облагораживать его. Поэтому он недоступен для всех. Примерно так, как в науке и искусстве: три, четыре, пять лет подряд заботится слушатель высшей школы о своем опыте и облагораживает его для того, чтобы правильно осознать и понять что-то; а вы хотите безо всякого судить о Боге? Кто научил вас превратному мнению, что силой суждения обладает каждый? Кто сведущ во всем? Кто чувствует себя в любой области как дома? Познают и учатся жестянщик и сапожник, а вы в самой глубокой и тонкой области духа хотели бы рубить сплеча?!

Что это за опыт? Мне придется вас тотчас препроводить в переднюю; где я вас покину, поскольку там начинаются самостоятельные жизнь и видение; там надо отдать самого себя, распахнуть свое сердце, открыть духовное око, чувствовать, усваивать, схватывать, созидательно творить... Там необходимо заботиться о своей душе и очищать ее.

Этот опыт начинается с любви. Кто ею не обладает, кто проповедует лишь ненависть, тот остается за дверьми. Однако любовь должна быть истинною, задушевною и искреннею; здесь не поможет тепловатое лицемерие. Эта любовь должна иметь дело с качеством, истинным, неподдельным качеством, совершенством; во всем – в природе, и искусстве, в отношениях человека с человеком, в науке, в социальном строе. Там, где скрещиваются любовь и качество, где любовь к совершенству становится пламенем, там начинается религиозный опыт, там человек находится в луче Господнем, там он смеет перейти из передней во внутренние покой. И нам не дозволяется открыть ему то, что придется ему пережить в них.

Не хотите этого, господа, тогда идите своей дорогой; но будьте корректны и не судите о том, что вам не по силам. Иначе то-то будет опять стыдова!

25. Зависть

добрые и злые феи подошли к колыбели человека и принесли ему свои дары. Самая злая из них подарила ему зависть. Возможно, это была переодетая фурия.

Пока люди живут на земле, они должны ладить, находить дорогу друг к другу, объединяться, помогать один другому. Иначе земля развернется под ними и небо расколется над их головой. Но зависть – сильнейшее средство развала: его выдумал когда-то мастер «Врозь» и «друг против друга».

для того, чтобы ладить, людям надо «прощать» друг другу свою непохожесть, свои преимущества, свое первенство. Не только в обладании состоянием, но во всем: ты умен, одарен, образован, красив, силен, богат, высоко стоишь по службе – я нет, ты – наверху, я – внизу; ладно, я принимаю это, я довольствуюсь этим... Мой «низ» меня устраивает; он для меня достаточно «высок»; оставайся выше меня, если можешь и если тебе это нравится. Я не завидую тебе. Если же мне станет недостаточно моего «низа», я буду бороться за «больше» и «лучше», но не желая отнять у тебя твоего. Я буду трудиться; творчески работать; перемещу себя «вверх» – в соревновании, но без зависти. Ты только оставайся «наверху»; я поднимусь, к тебе.

Соревнование как внутренняя побудительная причина – явление здоровое, созидающее, братское. Его формула разумна и нравственна. Она гласит: «я, и ты, и он! Мы все! Вместе – вопреки противостоянию вместе друг с другом! да здравствует качество!»

Зависть – как внутренняя побудительная причина, – напротив, болезненна, разрушительна, враждебна. Ее формула – неразумна и безнравственна. Она гласит:

«я, а не ты и не он! Я один! Пошли все вон! То, что не станет моим, – пусть погибнет!» А так как «моим» может быть лишь малая толика, в зависти дремлет инстинкт убийства и разрушения.

Зависть – прежде всего склонность и алчность. Она ненасытна, как любопытство; она означает тем самым – вечную бедность, вечную заботу, вечно плохое настроение; всякую удачу она превращает в неудачу и оставляет человека бедствовать в безнадежном одиночестве. Жестокий завистник – зложелатель: он обижается на человека за чужое счастье; его задевает всякий чужой успех; любое положительное качество в другом мучит его как рана на сердце; гнев лишившегося на обладателя наполняет его; как ярость неполноценного, постоянно чувствующего свою неполноценность, а поэтому пристрастно отмечающего чужое превосходство. К «делу» он даже не подступается: он застревает в борьбе между «я» и «ты»; и в этой вечной борьбе изводит себя самого и своего противника. Если же его ярость расширяется до социальной программы, тогда она выливается в классовую борьбу; и начинается марксистская гражданская война.

Где же спасение и утешение? В искусстве не завидовать. Оно вовсе не сложно. Дари каждому то, что у него и так есть; и не копайся непрестанно в собственной неполноценности. Отбрось это жалкое «вычитание» – твоей мнимой «малости» из якобы чужого «превосходства». Знай, ты сам стоишь «сложения». Поднимайся вверх, не сталкивая вниз другого. Не завидуй! Не завидуй! И – самое важное – научись в большом деле забывать о себе!

26. Самомнение

Оно имело место во все времена, но прежде никогда не встречалось в подобном масштабе. Эпоха все опоясывающей популяризации, эпоха полу-науки и полуобразованности вызвала к жизни этот тип человека. Он воображает, что умен и рассудителен, что все понимает, что знает «это» и еще кое-что, что он может «то» и еще многое. Наконец, он «всё» может. И уже из одного этого он орет, третирует

Ильин И. Я вглядываюсь в жизнь filosoff.org
всех, загоняет в угол, клеймит позором. Он выступает самоуверенно и напыщенно и повергает в изумление весь мир; его могло бы, пожалуй, устроить разве что всемирное землетрясение. Меньшим он едва ли будет удовлетворен.

Чего он только не «знает»! Для него не существует трудностей и тайн: все плоско и примитивно. С Богом – давно покончено. Отечество – предрассудок. Национализм–предубеждение. Частная собственность–хищение и злоупотребление. Человек – похотливая тварь. Наука – классовый обман. Свобода – лишь во всеобщей пролетаризации. И вообще – мир должен склониться и не пищать.

Понятно: не могут все быть равно образованными и равно скромными. Многие знают немного. Ладно. Но вот один знает мало и не подозревает об этом; он наивен. Другой знает столь же мало, как и первый, однако воображает, что знает много и точно; значит, он предается высокомерию. Наивный еще даже и не размышлял о самом себе; его собственная умственная способность и власть, их пределы еще не стали для него проблемой. Высокомерный, напротив, поднял на щит самого себя. Он безмерно переоценил свои возможности. Он неверно очертил свои пределы. Мания величия точит его нутро, как червь.

Каждому из нас нужно здоровое доверие к себе («то, что я могу, я точно могу»); никому не впрок дурная заносчивость («я больше того, что я есть»). Заносчивость возникает из иллюзии; но ведь на иллюзии не построишь ничего верного; а то, что все же на ней строится, – гнило и хрупко. Так, высокомерие как будто создано для того, чтобы наказать себя. Свои опасности оно несет в себе; его тяжкие последствия дремлют в его лоне. Его слабость суждений, его надменность, его глупо-дерзкая работа локтями ведут его к гибели.

Умный часто подвергает свой ум сомнению; он постоянно осозаёт собственные пределы; а когда находит их, старается расширить органично, а не перешагнуть через них механически; он упражняется в аскетичности суждений. Глупый – наоборот: ему даже в голову не приходит, что он может быть глупым; свою малость он считает истинной величиной и полнотой, и кара следует за ним по пятам.

Это – подлинная судьба коммунистического государства. Возникшее из высокомерия – ибо марксизм, прежде всего, духовное и экономическое высокомерие! – оно впадает в большевистскую грубость и в коммунистическую манию величия. И кара дремлет в его лоне: она означает разрушение качества во всех областях жизни.

От высокомерия нет спасения. Ему надо пройти суровую школу объективности; оно должно научиться первой христианской добродетели – смирению и усвоить его. Ибо в смирении человек постепенно становится тем, чем на самом деле должен быть. Ему раскрываются высота и глубина, он предстает перед Лицем Господа и чувствует себя в Руце Божией. Только так у него вырастают крылья; и он ощущает их, не впадая в высокомерие.

27. Коллективная мечта

Когда мы порою следуем своим мечтам и пытаемся, беспокойно вопрошая и беспомощно советуя, все же как-нибудь «истолковать» и «понять» их, то целесообразно и разумно прислушаться к коллективной мечте и верно истолковать ее. Хотя бы так, как герой сказки, приложивший ухо к земле, чтобы услышать далекий топот.

Тысячелетиями в трудах и муках несем мы возложенное на нас бремя жизни и нам является вочных видениях и дневных грезах усмаждающая и утешающая радость жизни. Всему, что обременительно и тягостно, мы противопоставляем не только расхожее пожелание «чтоб оно пропало», но и полуосознанное представление о том, «как могло бы и должно бы быть совсем иначе».

У нас мало времени для раздумья об этом счастливом и желанном «совсем иначе»; у нас также слишком мало фантазии, чтобы верно выстроить его образ. Но если попытаться опросить людей о том, как они представляют себе желанное «всеобщее состояние счастья», ответы, вероятно, получатся сплошь отрицательными: вот если исчезнет все неприятное, докучливое, постыдное, утомительное, а явилась бы, пусть неясная, но «противоположность», – тогда «оно здесь!». Бессознательное в человеке страшится безотрадности и мечтает о радости; оно одновременно страстно и наивно, ненасытно и легковерно, первобытно в своих побуждениях и инфантильно в

Ильин И. Я вглядываюсь в жизнь filosoff.org
своих претензиях и ожиданиях. Оно не думает, оно живет в своих неясных мечтаниях и доверчиво слушает туманные сказки о счастье. Оно не любит трезвых речей о «необходимом» или «невозможном», о «власти нужды», о «победе неутомимости», о творческом движении в сторону «величайшего сопротивления»; все это – язык разума и жизненной мудрости и остается уделом победного духа.

Так, с древнейших времен мечтает носитель коллективного сознания о счастливом «нигде», утопическом сказочном счастье, стране с молочными реками и кисельными берегами, о рае, где есть лишь радость, наслаждение и абсолютная справедливость, а все остальное – слабость, боль и болезнь, работа и хлопоты, голод и нужда, запрет и грех, преступление и наказание, принуждение и несправедливость – исчезнет раз навсегда. Порою эта мечта относится к прошлому: так было однажды, в «Эдеме» (буквально: блаженстве), а потом потерялось, порою она относится к будущему, в котором нас ждет «золотой век» или «тысячелетнее царство» «хилиазм». [22 – Хилиазм – вера в «тысячелетнее царство» Бога и праведников на земле, предшествующее концу света. Хилиастическое учение, основывающееся на ложно толкуемых словах Апокалипсиса (гл. 20), держалось в христианской церкви со II по V век. В 255 г. хилиазм был осужден христианской Церковью. В дальнейшем не раз претерпевал возрождение (учение Иоахима Флорского о царстве Святого духа и др.). Плебейский хилиазм, характерный для ряда еретических движений позднего средневековья, достиг своей кульминации в учении Т. Мюнцера, вождя Крестьянской войны в Германии (1525), идеолога радикального крестьянско-плебейского крыла Реформации. В новое время хилиазм является составной частью идеологии некоторых религиозных сект.]

Одни переносят исполнение этой мечты на тот свет; другие придерживаются мира земного. Вера в потусторонний мир дает людям надежду, душевное просветление и терпение, в то время как младенчески-земные «перспективы» могут принести лишь нетерпение, революционное брожение и разочарование.

Век, в котором ожидают эти земные коллективные мечты, обычно век волнений и брожений. Тогда кажется, что усталость и уныние овладевают коллективной душой; будто эту мечту воспринимают всерьез и дерзают воплотить в жизнь; будто «терпение» коллективной души «исчерпано», будто она больше не может выносить и терпеть. Затем появляется толпа мнимых «пророков», вознамерившихся вещать от имени «коллективной души» и представлять ее истинные интересы. Порою это наивные мечтатели, которые сами разделяют коллективную мечту и, объятые слепым «пафосом», начинают религиозно-сектантское подстрекательство. Но чаще, однако, это честолюбивые демагоги, ведущие с коллективной душой злую и опасную игру.

Девятнадцатый век одарил нас антирелигиозным, безбожным «хилиазмом», ничего не желающим знать о потустороннем мире и цепляющимся за этот, земной, мир. Он проповедует нетерпение; ведет себя разрушительно; манил коллективную мечту в реальную жизнь. Несколько десятилетий марксистские «пророки» колебались между «постепенно» («эволюция») и «сразу» («революция»), между «уважением» и «бестактностью», пока не взял верх скрытый механизм максималистской химеры. Прошло уже двадцать лет с тех пор, как во всем мире бесцеремонно приветствуют, ободряют и раздувают коллективную мечту; с несбыточной мечтой-желанием обращаются как с «ближайшей действительностью», не считаясь более с неумолимыми законами природы и человеческой сущности. К этому призыву внемлет сегодня полуущербная в религиозном смысле коллективная душа, все еще надеясь успешно превратить древнюю мечту в трезвую, бодрствующую жизнь...

Какое ужасное пробуждение им предстоит! Что будет с современным миром, если ему не удастся заворожить раскрепощенную от «хилиазма» коллективную душу новыми духовными и социальными идеями? И где он найдет эти созидательные идеи, если не захочет прислушаться к христянскому откровению?

28. Гражданская война

В тот день мы были вместе. За нашим постоянным столом сидело много людей, и все слушали незнакомого, но с очень хорошей репутацией пожилого господина. Вероятно, это был англичанин. Благородное, немного усталое лицо с умными, пылающими глазами, с упрямым подбородком и двумя большими шрамами на лбу. Он много пережил, лично участвовал в трех гражданских войнах в чужих странах, говорил довольно медленно, с внутренней силой, короткими, в форме афоризмов, фразами.

Ильин И. Я вглядываюсь в жизнь filosoff.org

Мне удалось записать немного из сказанного им, что я воспроизвожу сейчас из своей записной книжки.

«Гражданская война – это взрыв ненависти, за которым следует всеобщий пожар. Часто оставляют без внимания, как и где накапливается эта ненависть в стране; тогда создается видимость, что разразилась буря среди ясного дня. В действительности же ненависть и травля давно уже были налицо. Классовая борьба – это ведь замаскированная гражданская война; а гражданская война – не что иное, как открытая и беспощадная классовая борьба.

Гражданская война подобна эпидемии; это – психоз ненависти, распространяющийся все дальше и захватывающий все новые слои общества. Чтобы верно понять этот психоз, нужно вернуться в средние века, во времена страшных народных болезней, чумы, пляски святого Вита[23 – Пляска святого Вита, или Витова пляска – болезнь, сопровождаемая непроизвольным судорожным подергиванием мускулов лица или какой-нибудь части тела. Названа по имени св. Вита, от которого ждали исцеления больные истерией во время волны психических заболеваний в Германии в XIV в.] и т. д. Создается впечатление, что люди так заражают друг друга ненавистью и жаждой мести, что все нравственные тормоза и общественные устои постепенно парализуются или вовсе отбрасываются. Тогда торжествует злая воля. Никто более не думает о примирении. Товарищ из народа более не является таковым. Враг в интернациональной войне никогда не удостаивается такой ненависти, как враг-земляк в гражданской войне. Нигде так не борются за уничтожение врага, как здесь, где пленных часто уничтожают, где нередко встретишь людей, которые похваляются количеством убитых врагов-сограждан.

Гражданская война подобна землетрясению: все колеблется, все рушится, с той только разницей, что люди сами вызывают это нескончаемое землетрясение и бушуют в нем. Как сказал великий философ Гоббс,[24 – Гоббс Томас (1588–1679) – английский философ, создатель первой законченной системы механистического материализма. В труде «Левиафан» (1651) он изложил свои взгляды на человека, общество и государство. Гоббс не считал человека стадным существом по природному инстинкту, но естественное состояние людей он представлял в виде «войны всех против всех».] человек человеку становится волком. О порядке и безопасности нет больше и речи. Исчезает взаимное доверие. Все стремятся принять иное обличье и скрыть свои истинные симпатии. Все настроены на двойную мимикрию, полуоткровенно славословия то одного, то другого временщика. Враг везде; и донос отовсюду угрожает. Тебя везде подслушивают, тебе завидуют, ненавидят и угрожают. Пробуждаются наихудшие страсти; объявляется забытая неприязнь и стремится излиться наружу. Это – время всеобщего предательства и грубого сведения счетов.

Это также время всеобщей потери нравственности. Законы молчат или непрестанно меняются. Правовое сознание не успевает за ними и сдается. Никто не знает, что правомерно, что должно, что разрешено, а что не разрешено. Уголовники открыто выступают и беспрепятственно бесчинствуют. Они стремятся присоединиться к обоим фронтам, что им и удается; они проникают повсюду и увлекают нравственно слабых. Поэтому это время малого и большого авантюризма. Этих людей, авантюристов гражданской войны, надо было наблюдать непосредственно, лично, чтобы понять их природу: честолюбивые и алчущие власти, совершенно лишенные корней, деморализованные, они делают из гражданской войны профессию; бедность собственного народа им ни о чем не говорит; всеобщую разруху страны они даже не замечают; разрушение национальной культуры им безразлично. Это безродные карьеристы, которые привыкают купаться в крови и которым все равно, где добывать деньги.

Так страна, в которой идет гражданская война, снедается, как от налета саранчи, и разрушается, как от землетрясения. И чем плотнее населена страна, тем свирепее бушует гражданская война. Только беспощадное наступление обещает здесь победу... Наступление? Против кого? Против собственных соплеменников... Против соблазненных, спровоцированных, ослепленных сограждан...

Вряд ли существует большее злодейство против своего Отечества, чем развязывание гражданской войны. А кто не хочет учиться на чужом примере, тот пусть хотя бы представит, какую личную ответственность он будет нести. Здесь существуют три упреждающие задачи: нельзя допускать, чтобы в народе накапливалась социальная ненависть; нельзя, чтобы она перерастала в отчаяние; нельзя, чтобы отчаяние приводило к развязыванию гражданской войны. Не стоит ли считать счастливой ту страну, в которой верно решены эти задачи?»...

С тех пор прошло уже шесть лет, а мне все слышится голос оратора и полная тишина, наступившая после речей англичанина. Спорить не хотелось, и мы разошлись, погруженные каждый в свои мысли.

29. Бесчестие

Зияющая расщелина образовалась в современном мире. Ее начало простирается далеко в XIX век. Ее истинной глубины, кажется, еще долго не достигнуть. Нельзя не замечать ее по слепоте или близорукости; скорее подобает обозреть ее спокойно и решительно. По одну сторону расщелины стоят люди, отстаивающие свое достоинство, серьезно и свято относящиеся к своей чести; по другую – люди, презирающие честь как «буржуазный предрассудок», воспринимающие и трактующие бесчестие как основу жизни. Два непримиримых противоречия, два мировых лагеря, связанных друг с другом, как «да» и «нет», как жизнь и смерть, как созидание и разрушение. Ибо бесчестный скатывается в пропасть.

Четыре ступени, одна за другой, отмечены ходом бесчестия.

Начинается оно с простенького бесчестного деяния. Им человек еще не обесчен, но честь его уже подвергнута проверке. Это – время искушения: тут надо сделать выбор – объявить себя сторонником чести, честно осудить свое бесчестное деяние и отвергнуть его; честь восстанавливается уже тем, что ей остаешься верным и рассматриваешь свое подлинное «я» в истинном свете. Проступок может совершить каждый; главное тут – не «случай», а – результат: так человек поднимается к понятию истинной, непоколебимой в дальнейшем чести.

Но он скатится вниз, на вторую ступень, если попытается оправдать совершенное им бесчестное деяние. Для этого ему надо исказить верное чувство чести и превратно истолковать добро во зло. Искаженное чувство будет сопротивляться, пока не будет бесповоротно искалечено или приведено к молчанию. Ложная казуистика заведет его в чащу ложных выкладок, умозаключений и установок. Таким образом, он сам работает на свое собственное бесчестие и скоро зайдет так далеко, что уже не будет испытывать почтения перед этой святыней и уважения к тому, кто его заслуживает. Равнодушно глотает он тогда мутную воду бесчестия, уже не испытывая к ней отвращения.

Сознательное, принципиально одобренное бесчестие характерно для третьей ступени. Здесь человек уже так привыкает к своему бесчестию, что считает его единственно верным состоянием души и отрицает все остальное. Честь кажется ему вовсе чем-то неважным. Она не нужна, она – глупый «буржуазный предрассудок», как охотно выражаются последовательные марксисты. Чувство чести – лишь помеха в классовой борьбе. Существуют иные побудительные мотивы и положения, пред которыми честь должна напрочь отступить, например, «классовые интересы», «мировая революция» и т. д. Отсюда – обесчещивающая все и вся «теория» и последовательно бесчестная практика.

Вполне логично скатываешься с третьей ступени на четвертую. Раз честь – вредная помеха, нелепое препятствие, ее надо преодолеть и устраниТЬ: необходимо отлучить людей от понятия чести, теоретически и практически научить их бесчестию. Не удивительно, что идеологи бесчестия стремятся разрешить эту задачу бесчестным путем. Неудивительно, что они* обращаются не к людям уважаемым, с чувством чести, а скорее к кругам деклассированных элементов общества: к закоренелым каторжникам, профессиональным шулерам, опустившимся. Для бесчестного человека чести – всегда бельмо на глазу: многозначительный, презирающий, живой упрек, счастливый «буржуй», которого сейчас же надо сломить экспроприацией собственности, монополией работодателя, террором, и притом – «во всем мире».

Так начинается процесс бесчестия – с простого, часто случайного нечестного деяния, а кончается «гигантским планом» бесчестия всех людей. Этот план рассчитан на каждого бесчестного, каждого, кто утратил чувство достоинства и самоуважения, кто плюет на святое и на свою добрую репутацию, – он рассчитан на всех подобных, чтобы победило дело бесчестия на земле, чтобы людей доброй чести одолеть, связать и обесчестить.

Зияющая расщелина образовалась в современном мире. Она стремительно расширяется.

Ильин И. Я вглядываюсь в жизнь filosoff.org
Она не случайна; она принципиальна; она бездонна. И только наивные могут думать, что им удастся безучастно проскользнуть мимо.

Сегодняшний «христианский мир» стал наполовину христианским. Тем самым он утратил божественный источник истинного достоинства. Удастся ли ему устоять перед всеобщим бесчестием?

30. Несправедливость

О несправедливости говорят и пишут с древних времен – возможно, с тех пор, как человечество вообще научилось говорить и писать. Что же она такое, все еще не ясно. Очень непросто прийти к согласию в этом вопросе, поскольку в данном случае спор сводится к практическим результатам в перспективе и никогда не ведется с достаточной долей «незаинтересованности». Каждый хочет, чтобы с ним обошлись «справедливо», и жалуется на «несправедливость»; однако пытается так истолковать справедливость, чтобы сразу же стала очевидной явная несправедливость по отношению к нему. И каждый обладает достаточным самомнением, чтобы судить «справедливо» об отношении к другим людям, и совсем не замечает, что другие возмущаются его мнимой «справедливостью». Так проблема искается страстями и окружается предрассудками; целые поколения застrevают в этих предрассудках, и замечаешь порой, как само слово «справедливость» вызывает язвительную улыбку.

Но мы неутомимо стремимся сохранить приверженность старой, благородной идеи, которую противопоставляем любой классовой борьбе и любому несправедливому уравнительству; мы также твердо уверены, что ей принадлежит великое будущее. Только как надо понимать ее?

Французская революция научила и передала по наследству человечеству вредный предрассудок, будто люди от рождения или от природы «равны» и вследствие этого с ними надо обходиться «одинаково». Ничто так не препятствует разрешению нашей проблемы, как этот самый предрассудок. Ибо сущность справедливости состоит как раз в неодинаковом обхождении с неодинаковыми людьми.

Если бы люди были действительно равны, жизнь была бы предельно простой, и справедливость было бы чрезвычайно легко найти и ввести в обиход. Стоило бы только сказать: одинаковым людям – одинаковую долю; или – всем всего поровну. Тогда справедливость можно было бы обосновывать арифметически и создавать механически; и все были бы довольны, потому что стали бы ничем иным, как одинаковыми атомами, своего рода механически всюду катящимся шариком внешне и внутренне одинакового душевного склада. Как наивно, как просто, как мелко! Прошло сто пятьдесят лет; думалось, этот плоский материализм давно уже отжил свой век, и вдруг – видишь его проявление во всем мире.

На самом деле люди не равны ни телом, ни душою, ни духом. Они рождаются существами различного пола, с различным здоровьем и силой, с совершенно различными предрасположенностями, дарами, инстинктами и желаниями, они творят неравнозначное, принадлежащее к различному духовному уровню, и с ними (в силу справедливости!) надо обходиться различно. В этом заключается основа и главная трудность справедливости: людей – бесконечное множество; все они различны; как сделать, чтобы каждый получил согласно своей особливости? Они не одинаковы – значит, и обходиться с ними надо не одинаково; а именно – каждый раз согласно их живому своеобразию. Иначе возникает несправедливость.

Тем самым справедливость вовсе не означает равенства; скорее – неравенство; но применительно к каждому предмету, так сказать – «предметное неравенство». Что-то вроде: беречь ребенка, помогать слабому, снисходить к уставшему, ухаживать за больным; проявлять больше строгости к безвольному, больше доверия честному, больше осторожности к болтуни, с одаренного справедливо взыскивать больше, герою подобают почести. Справедливость поэтому – искусство неравенства и присуща лишь благородным душам. Она проистекает от доброго сердца, живой наблюдательности; у нее обостренное чувство реальности; она отвергает механический метод; она интуитивна и созерцательна; она хочет чувствовать, индивидуально подойти к каждому случаю. В ней есть нечто художественное; она старается уловить в человеке его сущее, его своеобразие, и соответственно этому обходиться с ним. Она делает человека деликатным, «социальным», настраивает его на меру, располагает к состраданию. Справедливость родственна такту, чувство

Ильин И. Я вглядываюсь в жизнь filosoff.org
ответственности ей ближе всего. И если где-нибудь на свете – возможно в небесах? – есть весы всеобщего уравнительства, верно взвешивающие неравенство, то справедливость стоит у этих весов как строгий и снисходительный страж.

Однако самое важное в жизни – не найденная справедливость, а всеобщая уверенность, что ее искренно хотят и честно ищут. И если это на самом деле так, тогда несправедливость переносится легко, ибо ее воспринимают как нечто «преходящее» и сглаживают готовностью к самопожертвованию. Тогда несправедливость перестает быть «опасностью»...

31. Оторванность от корней

В современном мире есть большая беда, а именно: оторванность человека от корней. Люди блуждают, носимые ветром судьбы, как блеклые листья, нигде не закрепляясь, ни с чем не срастаясь, нигде не оседая, нигде не становясь верными, как внешне, так и внутренне.

В социальном смысле их называют пролетаризированными; в культурно-политической сфере – не имеющими Родины; в религиозном отношении – неверующими. Не едино ли это явление единого происхождения? Разве земля привязывает одновременно к работе, к природе, к Богу, к семье, народу и Родине?

Два социальных элемента противостоят один другому: связанный с землей, пустивший в нее корни, оседло трудящийся и не связанный с землей, лишенный корней, скитающийся элемент. Никто не может без земли: ведь и не связанному с землей нужна земля, и даже цыган использует ее на свой, пусть худой, манер. Вопрос состоит лишь в том, как правильно заботиться о земле; мы говорим лишь о связи или об отсутствии связи человека с землей, о длительности и надежности ее; что есть естественное, инстинктивно верное, покровительствующее хозяйству, морально воспитывающее, образующее характер, строящее культуру, привязанное к Родине, определяющее национально, закрепляющее в духовном и религиозном смысле? Что делает свободным человека в Боге и что освобождает его для хаоса разрушения?

Не связанный с землей, лишенный корней покидает природу и теряет обвязующее и благодатное общение с ней; становится жертвой города и машины; погрязает в болоте слишком человеческого, произвола, разума, пустоты. Связанный с землей остается связанным с природой, породненным с ней, включенным в ее вечный ритм. Он думает реально, чувствует и уважает ее законы, вживается в ее насущные потребности, в ее глубокую мудрость. Живая тайна природы будет в нем живое лицезрение Бога и приводит его к Богу...

Инстинкт не связанного с землей лишен корней и беспризорен: он остается предоставленным собственному эгоизму, живет одним днем, задыхаясь, утопая в заботе и зависимости будней, без прошлого и настоящего, прислушиваясь ко всякому роду мудрствованиям и утопиям, чуждым инстинкту. Инстинкт связанных с землей имеет свой установленный и оберегаемый круг действий. Его инстинкт самосохранения обусловлен, побуждает и силен наследственностью. Его хозяйство для него одновременно – святое прошлое, созидающее настоящее и полное надежды будущее...

Не связанный с землей чувствует себя в глубине своего существа как бы «лишенным прав». Скованный неуверенностью, считающей свою мастерскую временной, он и к работе относится почти без интереса: как на чужого, холодно смотрит на него отстраненное и равнодушное окружение. Он не отдается работе сполна, бережет свои силы, он не любит свою работу. А что такое работа, что такая жизнь – без любви?.. Связанный с землей чувствует себя уверенным в своих правах и в отмеренном ему сроке владения частной собственностью. Поэтому он «выкладывает» себя самого, свой труд, свои сбережения: он работает интенсивно, настраивается на качество, стремится создавать лучшее. Он любит свой клочок земли, любит свою работу, и от любви цветет его предприятие. Фридрих Великий был прав, говоря: «Люди срастаются нутром лишь с тем, что им принадлежит»...

Рабочего на производстве его труд лишь дисциплинирует: его сковывает и механизирует машина. А связанных с землей органически и нравственно труд воспитывает. Он как бы дышит духом своих предков, учится уважать и любить своих отцов. Его поле учит его работать добросовестно и ответственно; с детских лет он

Ильин И. Я вглядываюсь в жизнь filosoff.org выполняет обязанность, возложенную на него природой, и, став взрослым, он уже имеет привычку созидательно думать о детях и внуках. Земля дает человеку семейный очаг, жилище, учит его заботиться об интимном семейном круге. Из этих здоровых клеток состоит народный организм...

У не связанныго с землей отнято счастье этого наследственного, прочного «где». Нигде нет у него родного дома, он всюду «у себя». Это запечатлевается в его душе и сердце. Его характер создается и закаляется в социальных «битвах» и «завоеваниях»; поэтому он слишком часто застывает в судорожном, завистливом «отрицании». Совсем по-иному происходит все у связанныго с землей: его характер становится самостоятельным ввиду того, что он работает по собственному побуждению в собственном хозяйстве и наслаждается тем, что сам себе позволяет. Его правовое сознание происходит из частной собственности. Из спокойного собственного бытия, из достойного самоопределения – у него появляется здоровое чувство свободы...

И как часто, ах, как часто лишенный корней теряет живое чувство Отечества: ибо Отечество – это «страна отцов», об образе которой он конкретно слишком мало знает. Напротив, счастлив связанный с землей, который знает, что его участок есть живая часть государственной территории и которому территория его Отечества кажется собственным обширным участком. Он знает, что его народ – огромный живой поток, в котором течет и жизнь его рода. Он дышит вместе со своим народом, и его собственное дыхание гарантирует жизнь его народа...

Не целесообразна ли связанность с землей и не угодна ли она Богу? Не лежит ли в основе всякого «дела» возделывание пашни? Не первая ли культура – земельная? Ведь и вправду, там, где приходит в упадок земельная культура, гибнет всякая материальная и духовная жизнь, прекращается всяческое созидание, и всякая культура оказывается мнимой...

Отрыв от корней – большая опасность в современном мире: потерявшая корни жизнь становится противоестественной; лишенная корней душа – безбожной. Затем наступает развязка: человечество разрушается.

ибо без Бога человеку не удается ничто на земле.

V. ПРОБЛЕМЫ ХАРАКТЕРА

32. Улыбка

Были ли вы когда-либо счастливы без улыбки, без с улыбкой сказанного друг другу «да»? Тем не менее счастливыми нас делает не всякая улыбка...

Стоит лишь вымолвить слово «улыбка», и каждый тут же представляет себе милое, приветливое лицо с несказанным выражением здоровья и доброжелательности. Искра счастья – для себя и для других. Пусть хотя бы немного облегчения, утешения, а может быть, даже любви... Так бывает порою. Но так бывает далеко не всегда.

Улыбка «играет» не только вокруг рта; она «играет» на всем лице и особенно в глазах, из которых она лучится. Когда улыбаются лишь рот, а глаза остаются серьезными или застывают, нам становится как-то неуютно и даже жутко. Когда же улыбаются одни глаза, то мы нередко наслаждаемся скрытым, сдерживаемым юмором. Но мертвые, с закрытыми глазами, улыбаются лишь чуть-чуть – выражая общее для них блаженное успокоение.

Поэтому улыбка не так уж и проста и не всегда говорит о счастье. Существуют, можно сказать, бесчисленные разновидности улыбки. Стоит только, например, принять во внимание, что преобладает в улыбке – собственное здоровье или доброжелательность к другому. Здоровье переносит акцент на дражайшее «я» улыбающегося: он подразумевает самого себя, дела у него идут хорошо, чувствует он себя уютно. Доброжелательность, напротив, переносит акцент на отношение к другому; тогда улыбка подразумевает «тебя», ближнего.

«Я – улыбка» чаще всего самодовольна, отвергающа, бессердечна и несимпатична.

Ильин И. Я вглядываюсь в жизнь filosoff.org

Она может совершенно по-детски, наивно означать: «я здоров и наслаждаюсь, что мне до других?» Или самодовольно: «все во мне и на мне превосходно». Или, более того, заносчиво и высокомерно: «чего стоят остальные по сравнению с моим совершенством?» Далее улыбка может стать даже насмешливой и язвительной: «что, кто-то осмеливается сравнивать себя со мной?» Или – презрительной: «и вы тут, низменные создания?»; разочарованной, обиженной и т. д. И когда эта обиженная, презрительная ирония обращается против «верхов», она становится саркастичной и богохульной: «эти там, наверху», или «тот там, на небесах». Пропитанная затаенной злобой, рассеивая черные лучи ненависти, зависти, неутоленного чувства мести, улыбка становится инфернальной[25 – Инфернальный (лат.) – находящийся в аду, происходящий из ада. Здесь: проявляющий дьявольское, сатанинское начало.] и сатанинской – судорожная гримаса неудавшегося самообожествления... Так самоутверждающееся «хорошее здоровье», не связанное с сердечной доброжелательностью, из-за примитивного эгоизма скатывается в ад, чтобы улыбаться еще и из ада...

«Улыбка тебе», напротив, улыбка сердечной симпатии во всех своих оттенках, от наивно-чувственного желания до навеянной потусторонним миром жертвенной, духовной любви, улыбающейся из дали неверному возлюбленному на счастье. Бывает улыбка целомудренной скромности: «Я – цветок в саду» и улыбка бесстыдной навязчивости. Бывает улыбка дразнящего кокетства и улыбка святой тайны; улыбка вопроса, изнемогающей тоски, пробудившейся ревности, прощения, утешения, благодарности. Бывает улыбка блаженного просветления и улыбка счастливой матери. Бывают случаи, когда уродливое лицо спасает улыбка и когда самое прекрасное лицо она искажает и компрометирует. В целом – неисчерпаемое богатство выражения.

Но истинная улыбка всегда вызвана вполне конкретными условиями. Улыбка – это выражение, продиктованное чувством «да», и это «да» должно светиться полно, живо и искренно. Неискренняя улыбка – всегда фальшива и отвратительна: она отравлена изнутри и обессилена отрицанием «нет». Настоящая улыбка, однако, должна быть полноценной – внешне, светясь на лице, и внутри – лучась от души. Ясность и искренность образует ее душевное благоухание. Человек в своей улыбке должен быть весь на виду, подобно ребенку, вести себя чистосердечно и свободно. Только тогда он предстает как «дитя сердца» и его улыбка действует чарующе. Легкая, светлая нить протягивается тогда от человека к человеку; сразу возникает взаимное расположение душ, а по мере того как улыбка становится все сердчнее и ласковее – дружба и любовь.

Такая улыбка может и вправду стать орудием Бога на земле.

33. Легкомыслие

Не дар ли оно богов, которые порою сочувствуют нашей тоске? Или оно лишь случайный сквозняк в пашен чердачной каморке? Безобидный и радостный порыв в танце жизни или чреватая последствиями ветреность неполнценного человека? Цветение невинности или дорога в вину? Возможно – все вместе?

Легкомыслие – род свободы, получаемой путем душевного стряхивания приобретенного бремени; свободы, достигнутой не силой, покорением и властью, а скорее – отсутствием проблем. Задачи не разрешаются, но делается вид, будто их вообще не существует. Легкомысленный убегает в свободу, он закрывает глаза и грезит, что он свободен. От чего?

Во-первых, от прошлого и от будущего. Пусть исследователь копается в прошлом и сидит над своими раскопками. Пусть беспокойный мечтатель утомляет свое зоркое око на пустом будущем. Оба «ищут», потому что у них «этого нет». У легкомыслия «это есть». Что? Мгновение. Он живет в настоящем, а настоящее – лишь мгновение:

краткое «сейчас» в маленьком (редко – большом) «здесь». Это мгновение так же быстро исчезает, как и возникает; так же кратко пребывает в нем и легкомыслие, не ломая себе голову над «почему» прошлого или «куда» будущего. Легкомыслие забывает прошедшее и весьма близоруко по отношению к приходящему. Оно сжигает нить жизни и горит само вместе с ней – дитя легкокрылого времени.

Потом ему грезится, что он свободен и от ответственности. Ответственность – бремя. Бремя унаследованного прошлого, которое надо достойно нести и творчески

Ильин И. Я вглядываюсь в жизнь filosoff.org передать будущему. Но тот, кто живет настоящим, ничего об этом не ведает. Кто ныряет в мгновение и в каждом мгновении находит «жемчужину», тот не спрашивает ни о чем и не дает ответа. За что может отвечать бабочка-однодневка? Ведь удовольствие и забава беззаботны и живут без оглядки. Поэтому легкомыслie не умеет и действовать: оно отдается своим «настроениям». Оно не знает, что значит деяние; оно знает лишь «состояние»; и жизнь несет или влечет его из одного состояния в другое. Так легкомыслie предстает дитятей легко порхающей беззаботности.

Легкомыслie свободно и от высочайшего смысла жизни. явление внешнего мира и события мира внутреннего не «предвещают» ему ничего более глубокого, таинственного и святого. Раздумывать о смыслах и символах бытия оно предоставляет философам. Факты для него – просты и безобидны; они во множестве проносятся мимо него;

они не вызывают ничего иного, кроме любопытства; они не приносят ему ничего более, кроме развлечения; и если они не обещают ему никакого, пусть мимолетного, наслаждения – оно хочет знать о них как можно меньше. Потому что легкомыслie – дитя простодушной радости и не хочет грустить.

Таково легкомыслie. Оно живет без раздумий и, пытаясь быть счастливым, не считается ни с чем. Оно не любит связей и избегает трудностей. Оно не любит стараний; не его дело строить; оно не склонно к выдумке. Оно как дитя: ему трудно и скучно делать выводы и принимать решения. Особенно сильно оно не любит, когда его хулят и осуждают, оно находит это «нелюбезным» или даже «бестактным». Здесь оно умеет и нападать. Тогда оно засыпает нас издевательски-дразнящими вопросами:

«Всегда ли трудное верно? Всегда ли глубокое ясно? Всегда ли прав мечтатель? Всегда ли старание неподдельно?»... И тут уже приходится думать, как нам защититься.

Если легкомыслie дается нам как дар богов, которые опять же сочувствуют нашим жизненным тягостям, нашей тоске и нашим вечно бесплодным мечтаниям, тогда надо принять его радостно, как весенний воздух. Оно принесет успокоение, отдых и покой, оно оживит, укрепит и исцелит нас. Тогда оно цветет невинностью и дарит нам в жизни радостное воодушевление. Отвергнуть его могут лишь педант и ханжа. Хорошо и необходимо время от времени страживать душевые тягости; делать вид, будто их вовсе и не было; убегать в раскрепощающее безналичие проблем, в привидевшуюся свободу. А кто не может или не хочет этого, пусть постараётся хотя бы не сорваться.

Тому, однако, кто легкомыслен; кто никогда не нес бремени прошлого и будущего; кто вообще не знает ничего об ответственности и легкомысленно лишь служит легкомыслию, тому и стараться долго не надо, так как он уходит в вину и крах его произойдет в ночи.

34. Словоохотливый

Существуют люди двух типов: один замолкает, когда вдоволь наговорится; другой начинает говорить, когда вдоволь намолчится. Послушаем сначала словоохотливого.

Каждый человек цветет по-своему; словоохотливый цветет лишь тогда, когда получает слово. Тут он находит себя, благоухает на все четыре стороны, парит в своей стихии. Напрасным делом, несправедливостью было бы препятствовать ему в этом благоухании и парении. Это – внутренний порыв, который ведет его; это – неосознанная необходимость, которой он подчиняется, – раскрыться, позволить бить фонтану, исчерпать себя в словах. У него своеобразное ощущение, что он постоянно переполнен; чем? – этого он сам не знает, как не знает и того, откуда течет поток его «мысли» и как он возникает. Но всегда есть запруда. Он должен открыть шлюзы, иначе произойдет наводнение. Порою создается впечатление, что он распространяется о чем-то, что он не в состоянии высказать и что ускользает от него самого: всегда слишком многословно, потому как не то, что надо; всегда мимо цели; отсюда эта вечная жажда слов. Знал бы он сам, где сидит у него гнойная заноза...

Ильин И. Я вглядываюсь в жизнь filosoff.org

Речь для него не поступок, тем более не действие; скорее состояние: так падает снег, так сыпется песок... Разговор становится его главным душевным двигателем. Рот – главным жизненным органом: думать, чувствовать, желать он может только тогда, когда говорит. Поэтому его ощущения – не более чем слова об ощущениях; его мысли–лишь движения губ; он даже не замечает, как шарахается от исходной «точки зрения» к противоположной. Как часто он дает себя «убедить» только для того, чтобы беспрепятственно говорить далее. Что такое «слово», он не знает вообще, поскольку слова извергаются из него, подобно толпе праздношатающихся гостей или подобно великому переселению народов. Он – великий расточитель; но расточает только слова, в которые вкладывает ужасающе мало одухотворенного смысла. Он подобен мельнице без зернохранилища; или трескучему фейерверку, оставляющему после себя неприятный запах и грязь.

Молчание для словоохотливого неприятно, чаще невыносимо. Нередко создается впечатление, что он страшится тишины, не выносит одиночества; или, что, оставаясь один, разговаривает сам с собою. В обществе он говорит, как если бы был один. Он злится на желающего говорить одновременно с ним: это его соперник. Прерывающего он презирает как нарушителя покоя. Ему нужен молчаливый или, точнее, его уши. Паузы в беседе он ощущает как нечто неприятное, как брешь в общении; и никогда не может постичь того, что полные значения, насыщенные содержанием паузы могут дать человеческому общению отраду и благодать.

То, что он сказал, никогда не надо принимать всерьез: это лишь капли осеннего дождя, за которыми не последует ни грома, ни солнечных лучей; это словесная трескотня; разрядка без заряда; излияние «переполненной» пустоты. Если он что-то обещает, то столько, что кажется, будто он оговорился. Его слова как чек без покрытия денежной массой. И то, что словесный чек требует точно так же духовного покрытия, совсем не приходит ему в голову.

Как мало он знает о нас, его друзьях! Как мало склонен к «познанию людей» вообще! И когда он, полностью «выговорившись», однажды уйдет, с каким удовольствием мы беремся за удочку, чтобы насладиться молчаливостью маленьких рыб в глубоком озере, чтобы отдохнуть от его суety...

35. Молчаливый

А теперь послушаем молчаливого. Он ведь тоже говорит, и его речь достойна особого внимания, поскольку молчание исцеляет слово.

Да, у слова свои болезни, и наиболее опасная в том, что слово, легкое как пух, случайно рожденное, ничем не сдерживаемое, ничем не связанное, ослепительное и забавное, обманчивое и ненадежное, бесчинствует среди людей. Такие слова пусты и мертвы; им несвойственно истинное значение; ни одно сердце они не заставят забиться; никакого действия они не вызовут; в целом – это духовный ублюдок, смутное призрачное существование. Религия, искусство, наука, политика – все вырождается, когда смерч духовного разложения поднимает в огромном множестве такие слова. Тогда хочется прямо-таки взывать к спасению и требовать: пусть говорит только тот, кто умеет и молчать. Потому что молчание исцеляет слово...

Он внемлет и молчит. Часто создается впечатление, что слова, которые он слышит, разбиваются об него или всецело в нем исчезают. Однако они не пропадают, а спускаются на дно. В душе молчаливого есть внутренние пространства, значение которых он сам едва ли сознает; тихие покой, куда он помещает свои сокровища; надежные тайники, где ничто не пропадает бесследно; таинственные колбы, где медленно бродит, оседает и отстаивается в тиши вино мысли. Этот процесс он не пытается искусственно ускорить; это было бы для него неприятно, возможно, болезненно. Это должно происходить само по себе; и так оно действительно происходит. Из сердца исходят лучи света: они должны пронизать каждую колбу и прокалить ее. Мысль должна сформироваться, стать образной; это требует воображения и фантазии. Тогда пробуждается и поднимается из глубин воля: мысль требует выхода. Тысячи нитей заявляют о себе из других покоев и тайников; стараются прикрепиться; пытаются создать творческую ткань. Здесь нельзя мешать, прерывать, спешить; Боже упаси – подстегивать!

Если мысль должна действительно родиться, она должна зреТЬ в тишине, пока не потребует слова. Греческие философы знали различие между словом «изреченным»

Ильин И. Я вглядываюсь в жизнь filosoff.org
(т. е. произнесенным) и «существующим внутри». Последнее не имеет ни звука, ни формы. Это скорее внутренний, духовный заряд. Оно дремлет под сводами душевного царства теней; но оно пробудится. Это уже мысль, но еще не слово; но оно станет словом, оставаясь мыслью сердца, воплощением чувств, идеей воли. Тогда и только тогда оно станет истинным словом, которое приходит в мир как реальность внутреннего: лишь высказаное, но уже деяние; подобно дитю рожденное, но уже созревшее; простое, но насыщенное смыслом настолько, что может стать роковым; не существующее само по себе, но проявляющее невидимую, возможно, божественную власть.

И когда молчаливому, который говорит подобные слова, сердечно внимают, порою возникает впечатление, что в душе его заключен тигель, в котором переплавляются в жидкий огонь, поднимаются вверх, падают в жизнь раскаленными каплями все восприятия мира, все мысли и слова человечества. Поэтому такие слова светят и зажигают; поэтому они так весомы; поэтому каждый раз они сами по себе событие; поэтому их так долго и с благоговением повторяют.

На свете есть творческое молчание, святая тишина, в которой рождается истинное слово; божественная наполненность, которая бесшумно ведет себя вовне; обращенное в себя созерцание, в котором возникают слова, подобные деянию, и деяния без слов. В таком молчании мы дадим нашим словам исцелиться...

36. Хитрец

Все люди хитры, за исключением, может быть, душ наивно-чистосердечных и детски-невинных. Наша хитрость происходит из инстинкта, из чувства самосохранения и от сознания, что очень немногие действительно хорошо к нам расположены; а иные, большинство... кто знает, как они относятся к нам? Подобно пугливой птице, подобно робкой серне, ходит человек по лесным дебрям жизни и осторегается, не хочет подвергать себя опасностям; он оглядывается вокруг, скрывает свои намерения, готов спрятаться от возможных врагов или направить их по ложному пути. Это простой социологический факт, и только в раю, возможно, будет иначе.

И тем не менее не каждого из нас можно назвать хитрецом; да и саму хитрость не следует так уж переоценивать.

Хитрец не тот, кто постоянно настороже и прибегает несколько чаще к хитрости, чем остальные; а скорее тот, кто возлюбил хитрость, кто наслаждается своими уловками и проделками, кто верит в «жизнетворную власть» хитрости и принимает ее за «мудрость». Он презирает открытых сердцем и прямых, считая их всех простофилями. Он питает отвращение к прямым путям, яркому свету солнца, ко всякому смелому утверждению или отрицанию. Все это представляется ему «глупым»; а «умный» лишь он один – большой хитрец.

В действительности же все не так. Умный тоже может быть хитрым; однако хитрость отнюдь не является субстанцией разума. Напротив: когда истинно умный человек прибегает к хитрости – а это бывает, – у него нередко возникает чувство, что он деградирует, действует мелочно, малодушно, возможно, даже «низко» и изменяет истинному пути. Он делает это крайне неохотно, в исключительных случаях; и всегда готов признать, что «хитрость есть не что иное, как замена ума у маленьких и глупых людей».

Безусловно, хитрец никогда не признается в этом. Ведь он не «теоретик», занимающийся «общими» и «принципиальными» вопросами; это он предоставляет «доктринерам», «филистрам» или, по пренебрежительному определению Наполеона, «идеологам». «Настоящий мужчина» в противоположность этому – «практик». «Владеть методом познания» – для него слишком высоко и скучно; он желает завоевывать и господствовать, не изучая и не познавая. Он хочет вообще выгоды, успеха в жизни, прибыли; и в его интересы не входит различать между «плохими» и «хорошими» средствами; для этого у него также нет времени. «Хорошо» для него то, что целесообразно; а целесообразными ему представляются окольные пути и притоны. Его устраивают сумерки, когда трудно отличить волка от собаки. Ему удобны переулки; охотно приемлет он и черные ходы. Когда он говорит, то никогда не смотрит в глаза собеседнику; если обещает, значит, уже нашел «умный» выход. И там, где никто не может сориентироваться, он уж точно что-то намудрит, что-то придумает.

О «деле» он знает мало; о деловитости говорит только с иронией. Главное для него – сделка, и не в одной торговле, что совершенно естественно, а вообще в жизни: он не «усердный», а просто «карьерист». Собственные идеи и убеждения он не воспринимает слишком серьезно: он всегда может иметь и другие. Прекрасных и величественных слов Лютера: «На том стою и не могу иначе»[26 – Лютер Мартин (1483–1546) – видный деятель Реформации в Германии, вождь ее умеренного крыла, основоположник лютеранства – одного из направлений протестантизма, «На том стою и не могу иначе! да поможет мне Бог! Аминь!» – слова, произнесенные Лютером в ответ на предложение Вормского рейхстага (1521 г.) отречься от «ереси».] ему никогда не постичь. Он всегда «может» «иначе»; а внезапно – еще и «совсем иначе». При этом он не думает о предательстве: он предает, не подумав о предательстве. Поток его жизни растекается сотнями маленьких ручейков над тысячами камешков. И чем старше становится он, тем пронырливее и лукавее становится его душа.

Там, где властвует такой муж, вся жизнь представляет собой мастерское, но ложное сплетение корысти. Тут совесть молчит; тут стоят большие часы «государственного разума»; не процветают великие идеи; не используются широкие пути. И Божественное исчезает из жизни, потому что там, где так много хитрости и коварства, царит иная стихия...

37. Умный

Если кто-то действительно умен, другие замечают это очень скоро и сходятся на том, что он «умен», даже весьма «умен». Но если задать вопрос: «Что значит умный? Как это распознать?» – никто не знает. «Умный и есть умный, можно также сказать: толковый, понятливый, интеллигентный, что еще?» Удовлетворяясь такими «родственными по смыслу» словами, которые, собственно, и не являются таковыми, переадресуют этот вопрос мыслителям по профессии: пусть помучаются с этой проблемой, если у них есть время и охота. Но в действительности мука эта не так уж велика, стоит только понаблюдать и подумать. И прежде всего над тем, что не является умом.

Не следует смешивать ум и образованность. У умного может не быть образования: так, умный крестьянин, самобытный, некультурный, мало знающий, но смышленый, остро и, вероятно, глубоко думающий, возвышается, подобно горе, над уровнем обывателя, и образованным людям есть чему у него поучиться. И наоборот: ни диплом, ни ученая степень, ни энциклопедическая память не являются порукой ума человека. Так думал и древний Гераклит: «Многознание уму не научает».[27 – См.: Фрагменты ранних греческих философов. – Ч. I. – М., 1989. – С. 196.]

Существует также предрассудок, что умный «быстро соображает». Конечно, есть умные люди, которые Мгновенно все обдумывают; но есть такие умные и глубокомысленные люди, которые соображают медленно, с опозданием; и как часто завзятый остряк, который, казалось бы, «хватает все на лету», не более чем легкомысленный недалекий турица.

Совсем неосторожно было бы также употреблять «понятливый» вместо «умный». Разумеется, тупого невежду (этого «не могу знать» по призванию) едва ли можно причислить к умным. Однако способность понимать чужие мысли, т. с. способность пассивного восприятия – это в общем-то немного. Людей, не имеющих «собственных мыслей», Аристотель считал «рабами по природе»,[28 – По Аристотелю, «раб от природы тот, кто причастен разуму лишь настолько, чтобы понимать чужие мысли, но не настолько, чтобы иметь свои» (Аристотель. Политика // Соч.: В 4 т. Т. 4. – М., 1984. – С. 383).] пригодными лишь к послушанию.

И, наконец, что не следует переоценивать, так это так называемую последовательность мышления. Прямолинейная последовательность может импонировать, увлечь и прельстить; но не следует забывать, что такой образ мышления подобен падающему камню, что он задействован пассивной силой тяжести, что это наиболее легкий вид мышления и особенно присущ людям полуобразованным. Первичный заряд мышления задан, и нужно лишь решительно использовать его. Общий закон установлен, и надо только подводить его к различным конкретным случаям. «Движение» мысли здесь обманчиво: на самом деле происходит топтание на месте. И тем самым «дедукция» является образом мыслей ограниченности.

И все же – что такое разум? Как думает умный?

Он думает творчески. Разум есть созидающая энергия, энергия понимания. В разуме заключен особый порыв: порыв – овладеть методом понимания. Мышление умного в известной мере поглощает прочие духовные силы. Часто умный человек производит впечатление «безвольного»; это впечатление обманчиво: его воля раскрывается именно в мысли, в этом его сила. Умный человек также не «холоден»: это его страсть думает в нем. В мышлении расцветает и его воображение. Мышление постепенно становится главным органом его жизни: оно становится воинственным, пылающим, победительным, завоевательным. Его мышление – это власть; то, что он продумал и понял, он подчинил себе, творчески обработал и включил в свое «царство». Он добился своего и отправляется к новым завоеваниям. Эту власть понимания чувствуют, в нем и другие и подчиняются ему. Часто даже создается впечатление, что сами предметы чувствуют эту силу и легко и охотно предаются ему...

Таков истинный мыслитель: умница по преимуществу, призванный овладеть широким полем земной деятельности или небесных идей.

Разум, таким образом, – это творческая прозорливость в восприятии и творческая сила оценки в единстве, разъединении и упорядочении воспринимаемого. Он предполагает способность к концентрации и силу интуиции. В его власти охватить сущность всего и целесообразно оформить его. Поэтому разум не сводится к «мышлению». Умный – это умный человек в целом: у него также умное сердце, умная воля, умная фантазия. Только тогда он умен: только тогда дышит в нем сущность мира, только тогда его разум становится мудростью.

38. Одиночество

На дитя человеческое, приходящее в этот мир, негласно возлагается тяжкое испытание. Никто ничего не говорит ему об этом; он должен сам пережить ситуацию, осмыслить ее и справиться с нею. Часто проходит слишком много времени, пока это произойдет; часто понимание приходит слишком поздно, и тогда человек становится беспомощным и потерянным.

Задача гласит: по своему основополагающему принципу существования ты, как все люди, одинок в мире; ты должен понять это одиночество, принять его, подружиться с ним и духовно преодолеть его; оно ведь останется с тобою до конца дней твоих, но твой характер обретет благодаря ему силу, достоинство и доброту.

Одиноким приходит человек в эту жизнь с первым вырвавшимся криком страдания, требующим глотка воздуха; одиноким покидает он этот мир с последним вздохом, стараясь произнести слово. Как много порою делается для него вокруг; а он так и остается отшельником, заключенным в камеру своего тела. Того, что он за всю свою жизнь в этой камере ощущает, воспринимает, чувствует, чего жаждет, о чем думает – никто не сможет пережить так, как он; все, что он в своем одиночестве избирает, решает, исполняет, жертвенно осуществляет, переживает и выносит в бессоннице, в болезни, в заботах, в неудаче, в отчаянии – знает он один. Всякое значительное событие в жизни, от первой любви до смерти своих родителей, всякое важное решение, всякая возлагаемая на него ответственность, всякая великая боль и скорбь – дают ему ощутить свое одиночество. Лишь очень немногим пришлось пережить предельное одиночество в величайшей нужде – в бушующем море, в безмолвных горах, в забвении вчерашнего поля боя, в тюремной камере, – чтобы постичь свое душевное и духовное одиночество.

Это пожизненное одиночество – тяжкое бремя. Но оно одновременно и великое благо.

Когда человек осознает свое одиночество, он вопрошают: «Кто поможет мне?» И ответ гласит: «Я сам должен помочь себе»... И заложен первый камень характера. А еще ответ гласит: «Господь в небесах поможет мне тем вернее, чем преданнее ему буду я»... И заложен основополагающий камень живой веры. В одиночестве человек находит самого себя, силу своего характера и святой источник жизни.

Когда же человек постигает чужое одиночество, а именно то, что каждый существует, замкнувшись в себе, и пока не постиг бремени и блага одиночества,

ИЛЬИН И. Я вглядываюсь в жизнь filosoff.org
это – сострадание и любовь, которые овладевают им: сострадание к слабому, любовь к сильному. Тогда он говорит: «я помогу им! Братья, я помогу вам – поскольку вы одиноки, а я знаю тягость и выкрутасы одиночества». Сам находясь в одиночестве, человек находит своего одиноко страдающего брата и помогает ему. И как раз тут – зарождение духовной любви, братства и истинного единения чувств.

Нам не дано избавиться от одиночества. Но все мы призваны достойно и с верою каждый нести свое одиночество; и, любя и помогая, делать чужое одиночество сносным, достойным и духовным.

В этом – утешение. Так и только так сможем мы преодолеть одиночество, мы, одинокие дети человеческие, взирая ввысь и с любовью помогая друг другу.

VII. ОБ ИСКУССТВЕ ЖИЗНИ

39. Подарок

Как легко ее развеять, хрупкую душу подарка! Какой безжизненной, какой пустой покажется нам тогда подаренная вещь! Как неосторожно, как «беспонятливо вел себя дарящий»! Как неуютно становится получающему подарок! Дарить – это искусство; и дар имеет скрытый смысл и говорит на тайном языке. Чего хочет дарящий? Он стучится в дверь, можно ли войти. Он стучится в дверь любви. Потому что хочет сказать что-то о любви. Возможно, спросить, можно ли ему любить. Возможно, сообщить, что он уже любит; или что он будет любить вечно. Может быть, он хочет просить о любви; или ответить любовью на любовь. Если он ничего не знает обо всем этом, он лишь злоупотребляет символом подарка; и его поступок покажется неестественным и плоским. Почему? Потому что духовный аромат жизни не выносит холодного неискреннего сердца.

А получающий подарок, каково ему? Ему ведь нельзя отказаться от подарка, это было бы оскорблением. Однако иногда все же приходится это делать: бывают ложные подарки, которыми хотят подкупить или скомпрометировать; бывают высокомерные подарки, которые выступают символом завоевания и власти; бывают подарки оскорбительные, унижающие, вызывающие («ты – мой»). Кто принимает эти дары, приносимые с недобрыми намерениями, тот лицемерит с самим собою, тот наносит урон собственному достоинству и участвует в фальшивом замысле злого дарителя. Иногда дарят, чтобы показать, что любви конец или чтобы не любили: последняя обида исчезнувшей любви, которую только и можно принять как обиду, не как подарок.

Не безразлично и то, кто, и кому дарит. Если хочешь подарить «наверняка», то твой подарок должен верно выразить твою любовь. Что ты любишь в любимом? Его душу, его творчество, его работу, его отдых, его красоту, его здоровье? Каким ты любишь его более всего – когда он молится, музицирует, читает или когда он болтает, играет в шахматы, может быть, когда он курит?.. Что бы тебе хотелось сказать охотнее всего любимому без слов? Спросить его? Помочь ему? Отучить от чего-то? Утешить? Ободрить? Связать? Освободить?

Твой подарок должен сам говорить за тебя. Он должен принять в себя твою тайну и незаметно раскрыть ее.

И что бы это ни было, пусть это станет символом живой любви!

Поэтому подарки делают к Рождеству, в день, когда в мир пришла живая любовь.

40. Светская болтовня

Болтать могут все, даже те, кто никогда этим не занимался. Говорить умеют лишь немногие. занимаются светской болтовней – некоторые; сомнительно, чтобы многие. Остальные разговаривают. А так как мы все относимся именно к «остальным», то нам хотелось бы сейчас «поговорить» о «светской болтовне».

Ильин И. Я вглядываюсь в жизнь filosoff.org

Светская болтовня есть нечто легкое, «естественное», приятное. Она возникает без особых стараний и усилий, ни для кого из собеседников не утомительна или неприятна: лишь только покажется, что она становится таковой, она должна принять оборот еще более легкий, еще более приятный. Подобно тому, как если бы аромат цветов веял в комнате, и неизвестно, откуда появился этот аромат. При этом нельзя ни «беседовать», ни «выяснять», ни слишком углубляться. Здесь не уместен никакой «обмен мнениями». Бога ради, не надо никаких «дискуссий», никаких споров! Поэтому для болтовни совсем не годятся мыслители, педанты, всезнайки, ханжи, а также слишком самовлюбленные, которые умеют говорить только о себе...

Светской болтовне свойственно легкомыслие. Кто не обладает легкомыслием, тот должен уметь изображать его. Кто и этого не может, тот выключается из светской болтовни: он ищет подходящего для себя «спорщика», садится с ним в удобный эркер и полемизирует с ним сколько душе угодно.

Так что существует искусство светской болтовни; и это искусство требует упражнений и опыта. У того, кто владеет этим искусством, нужные слова текут как бы сами собой: беззаботно, непосредственно, нередко в кажущемся самозабвении или наивности. Часто создается впечатление, что для него самого означает отдых и подкрепление так доверительно, так искренне изливаться в словах. Мастера светской болтовни следуют своим внезапным, случайным мыслям; эти случайные мысли всегда к месту, всем понятны, никого не задевают, всегда занимательны, увлекательны, забавны и со вкусом преподнесены. Здесь вовсе не требуется слишком много «утверждать»; напротив – как можно меньше, чтобы оставить открытыми двери и для других возможностей и мнений. Ничего не следует слишком подчеркивать. «Солидные суждения», «убеждения» лучше совсем оставить в стороне. Не следует также вводить ближнего в искушение, скажем, вопросом, поскольку он может вдруг принять его всерьез и «совершенно серьезно» на него ответить. Тогда словно привели слона в посудную лавку, и порхающей и щебечущей светской болтовне – конец...

Настоящий болтун и не ищет никакой темы. Все для него тема, ибо он так берется за любую вещь, как если бы она была плоской или, еще лучше, круглой и гладкой. Светская болтовня подобна игре; и как хорошо играть со всем, что гладко и кругло! Болтают примерно так, как катаются на коньках; пусть это дается с трудом – выглядеть должно воздушно и грациозно. Должно отдавать радостью, радостно начинаться и радостно заканчиваться. Тогда все идет как надо!

Часто видишь, что человек чувствует себя в этой среде хорошо. Но не легко поверить, что эта среда способна исчерпать все сердце и заполнить всю жизнь человека. Конечно, такое случается. И все же надо чувствовать, что болтающий знает и другую жизнь и живет ею, что он принимает эту установку на болтовню лишь традиционно и следует ей. Есть серьезность, которая может скрываться за этой игрой. Есть убеждения, которые в данный момент нельзя высказать. Болтающий может также обладать отменным даром наблюдательности, совершенно не забывая при этом о своих жизненных проблемах. Его легкомысленная болтовня вовсе не означает, что он стал безвольным. Умный и болтая думает. Хитрый болтает, чтобы что-то утаить, может быть – о чем-то умолчать.

Отсюда порою после часика-второго светской болтовни у нас возникает жутковатое чувство, как будто мы счастливо проскользнули на санях по тонкому льду едва замерзшей реки. Как хорошо, что это позади! И какой мелкой, какой плоской становится часто наша жизнь – такой незаметной, такой самой по себе!..

41. Опоздание

«Ах, это время – никогда с ним не справиться! Оно выкидывает с нами скверные шутки. Оно непредсказуемо: то его в избытке, то опять страшно в обрез. И не знаешь, как это происходит, но порою становится так поздно, так поздно, что все упускаешь. Будто застrevаешь во всем; или будто ноги становятся свинцовыми, как во сне; или будто все говорилось против нас. И тогда видишь везде кислые, раздраженные лица!»...

Так жалуется на свои горести бедолага, не научившийся искусству управлять временем.

Ильин И. Я вглядываюсь в жизнь filosoff.org
Не будем слишком строги! Каждый из нас может случайно опоздать. Как это ни неприятно – хороший тон и такт требует не попрекать виноватого провинностью: помолчать, простить, дружески улыбнуться. А если он сам смущен и вдобавок чувствует себя несчастным из-за своего опоздания, ему нужно помочь. И тогда виноватый благодарно наслаждается своим «оправданием», а партнер – своим мягкосердечным благородствием. А иногда непоправимое, что стоит за любым опозданием, умный умеет просто «списать», и не фиксирует это постоянно.

Если же опаздывает уже известный этим грешник, тогда лучше не ждать его, а с элегантной непреклонностью оставить наедине с досадными для него же последствиями его образа действий. Лишь таким способом можно воспитать его, чтобы он преодолел свою медлительность и отрекся от скрытого удовольствия опаздывать.

Возможно, звучит парадоксально, однако факт: существует тайное удовольствие от опоздания. Это удовольствие пассивной приверженности к внешним обстоятельствам жизни: предаешься волнам случая и, как лягушка в пруду, наслаждаешься своим безволием. Это удовольствие наверстывающей спешки и гонки, вид компенсирующей судороги воли со всеми ощущениями азартной игры. То есть это не время, которое то «тянется», то «мчится», а сам опаздывающий. Это он, у которого запас времени то в избытке – и тогда оно тратится попусту, то, напротив, в обрез – и тогда вызывает гонку. Мнимый «заговор обстоятельств» сидит в нем самом.

Нет, время не играет с ним никаких шуток. Его ход прекрасно устроен: соразмерно, спокойно, легко. Свободно и благосклонно оно раскрывает нам свое пространство и длительность. Мы должны лишь правильно заполнить его. Не давать ему протекать впустую. Иначе наступит скука. Не расточать! Иначе наступит гонка. Не заполнять сверх меры! Иначе мы обречены на опоздание.

42. Право на глупость

«Что же касается глупости, то она действительно нечто нестерпимое: она ведет себя мелко, близоруко, самоуверенно, претенциозно; она воздействует вредно, зачастую просто опустошающе. И такое выносить – из мнимой терпимости? Почему? Для чего? Такая терпимость сама не что иное, как разновидность глупости. Убрать ее! Выполоть, искоренить, растоптать! А вы, господин профессор, конечно, молчите и стоите на стороне глупости?»

«Ах, нет, господин директор, это не так, защищать глупость вовсе не в моей компетенции. Но мы, кто действительно в силу своей профессии борется с глупостью, мы знаем точно, как запутан этот вопрос. Поскольку Вы причисляете к глупым преступников, предателей, растлителей, мошенников, коммунистов и других социальных вредителей, совершающих злодеяния против закона человеческой общности, я, конечно, буду рекомендовать борьбу. Каждый из них требует особого подхода. Впрочем, искоренение их дела не простое: эти дураки часто весьма продувные ребята. Но учтите: здесь, собственно, и начинается проблема»...

«То есть как это начинается? Глупость надо изгнать вообще!»...

«Да, но куда же? Она пребывает в каждом заурядном человеке. Куда мы его денем? Вам наверняка удастся заменить два-три глупых мнения более умными; при этом исчезнут симптомы болезни, но болезнь останется. Что есть глупость? Она есть тупая интуиция и слабые умственные способности; как можно их искоренить? Вы пробовали когда-нибудь одолжить свою замечательную память забывчивому? Свою волю – слабовольному? Свое чувство ответственности – легкомысленному? Нельзя же заменить другого в жизни, умно размышлять за него, умно поступать за него, умно любить на его месте, умно жениться, умно устроиться?»... «Но – наставлять его?»

«Правильно – будешь наставлять его, дурака, не задевая при этом бремя его глупости и тем самым обеспечивая ему право на глупость... [29 – для И. А. Ильина «право на глупость» было не «красным словцом», а принципиальной, глубокой интуицией – способностью непосредственного постижения истины. Он считал, что в абсолютной глупости дремлет мудрый совет, который приходит к нам задним числом. Вот отрывок из его письма, датированного 5 июня 1917 года: «я был при старом режиме буржуазным радикалом и федералистом-демократом (прибл.) вне партий. Я и сейчас вне партий (не могу отказаться от драгоценного права на глупость!)»]

Ильин И. Я вглядываюсь в жизнь filosoff.org
(ЦГАЛИ, ф. 131, он. 1, ед. хр. 130, л. 66 об.). Позже в парижской газете «Возрождение» (№ 736, 8 июня 1927 г.) он опубликовал замечательную статью «Право на глупость».] Даже умные суждения, которые Вы хотите ему преподать, он наверняка обдумает и истолкует в своем глупом смысле и, вероятно, исказит на свой глупый манер; а в следующий миг создаст новое глупое суждение в другой области. Кто станет и кто захочет бегать за ним? Кто сможет ему помешать, когда он по-дурацки вложит свои сбережения, когда он по-дурацки снимет жилище, когда он по-дурацки оденется и вечером, отходя ко сну, будет бормотать под нос свои дурацкие суждения? Глупость остается – ее не выполоть, не искоренить. Ее надо терпеть, пока она касается личной жизни дурака. Ведь у умного есть дела поважнее, нежели опекать дурака на каждом шагу. И здесь начинается второе осложнение».

«да, если осложнения накапливаются до такой степени?!»...

«Вы, конечно, согласитесь со мной, господин директор, что каждый из нас совершает глупость, если в своих суждениях выходит за рамки умственных способностей. Кто из нас не делал в жизни глупостей и не терпел дурацкого краха? И что же, мы взялись тут же искоренять, растаптывать нашу собственную глупость? Ничего подобного! В абсолютной глупости дремал мудрый совет, который пришел к нам задним числом. Да, дела на свете обстоят не так, будто глупость сосредоточена в отдельных особях, которые нужно растоптать, а остальные бегают умненьками. Каждый в отдельности – одновременно глуп и умен; всегда относителен и неустойчив. И наущение, истинное наущение дается страданиями из-за собственных ошибок. Никто не становится умным, не пострадав; никого не научишь на чужом опыте. Мы обязаны всегда предостеречь, но не должны ожидать от этого многого. Терпимость есть лишь сочувствующая доброта умного, который сам поднялся над глупостью; и не забыл этого... Право на глупость – это как раз право на то, чтобы потом сделаться умным. Не так ли?»

43. Порицание

Кто бы ты ни был, готовься: упрек доберется и до тебя! Устоять перед ним – сила характера; творчески использовать его – искусство жить.

Ясно, что нам бывает не легко его вынести. «Я хотел как лучше, преодолел все трудности, сделал все, что в моих силах, а теперь мне говорят: плохо! Эти брюзги! Они меня унижают. Они парализуют мой жизненный взлет! Они сдерживают мои творческие силы. Они хоронят мою уверенность в себе. Мне что – отчаяться и отказаться? Или – как мне стряхнуть позорную тягость этого порицания?»

В такие моменты появляется искушение изменить тактику и повергнуть самого порицающего. Примерно так: «Кто вы, наносящие мне оскорбление? Откуда у вас права контролировать и порицать меня? Вы же сами негодные люди! Ваша критика завистлива и бесчестна. Все ваши претензии возникают просто из нездоровой придирчивости. Это же совершенно несерьезные и несведущие критики; это критиканы, зложелательные брюзги, и их придирки к каждому слову не что иное, как презренная интрига»...

Никогда не идите этим путем – в пустоту и злобную мелочность! Никогда не унижайтесь до этого! Бесчисленные завистники, придиры и привередники бегают вокруг и изливают желчь; и кто не устоит перед этой желчью, тот начинает им подражать.

Тот же, кто начинает созидать, пусть запасется сначала доброю волею. Кто искренне хочет добра, того не сможет сбить с ног или хотя бы выбить из колеи никакая придирчивость, никакое критиканство. То, чего я действительно хотел, знаю лишь я один и Господь надо мною; то, что мне удалось, пусть критикуют. Но тогда уже не станет критики, которая отняла бы у меня мое доверие к себе, мой жизненный полет, чтобы я отчаялся и отказался.

Чтобы еще более усилить это спокойное равновесие, рекомендуется рвать духовную пуповину, связывающую меня с моим трудом, но не ранее, чем труд окончательно завершится; и тогда, после завершения его, радикально отсечь ее: не задерживаясь более на нем, удалиться, чтобы этот труд, как нечто законченное и преодоленное, воспринимался через мое прошлое, о котором сужу я сам как господин и мастер,

Ильин И. Я вглядываюсь в жизнь filosoff.org
«ибо теперь – я смог бы сделать его лучше». Тогда меня уже не представляют как автора таких-то трудов, и я уже неуязвим; совершенно независимо я спорю как критик с другими критиками о моей работе: они уже задевают не меня, а лишь мою тень, лишь мое прошлое, в то время как я сам живу уже в будущем, в моих новых замыслах.

Великодушно и свободно встречаю я тогда моих критиков и критиканов; у меня нет потребности унижать их. Деловито и спокойно я выслушиваю их мнения, они могут как угодно хулить и порицать мой труд. Они служат мне и помогают мне. Если они правы, я проанализирую свою работу и свой творческий акт, попытаюсь установить, почему эти недостатки и ошибки ускользнули от меня, ибо я хотел совершенства. Таким образом, я учусь скромности и смиреннию, ибо я понимаю, что даже мои «лучшие намерения» не спасают меня от несовершенства. Если критики не правы, я учусь на их неверном взгляде, на их плоских суждениях, на их извращенном вкусе...

Только не обижаться! Оставаться спокойным! Спокойствие дает свободу взгляда; свобода взгляда ведет к объективности. А в ком есть вкус к объективности и кто служит ей – в том есть нечто королевское: он подобен «калифу инкогнито». Да, инкогнито: ибо другим совсем не положено этого знать...

44. Искусство похвалы

Самое легкое – порицание; а именно: необъективное, страстное, безмерное порицание. Самое трудное – похала; а именно: объективная похала. Для этого человеку требуется подлинное искусство. Но не для того вовсе, чтобы говорить комплименты или тем более льстить (это было бы само по себе умение!), а для честной, искренней и объективной похвалы, которую так редко услышишь в жизни и которой так сильно недостает.

Чтобы хвалить объективно, человек фактически должен научиться дышать в стихии объективности. Он должен хорошо знать, что речь идет не о субъективной «любезности», личном «удовольствии» или собственном «наслаждении», а о реальном качестве деяния, стихотворения, сонаты и т. д. Мир полон случаев, когда добротно-совершенное людям «не по вкусу», а дурное и мелкое пользуется «большим успехом». И вот объективная похала говорит не о субъективном «удовлетворении» или «удовольствии», а о действительно добром отношении. Совсем не похоже на: «Ах, это доставило мне большое удовольствие», скорее: «это хорошо», «значительно», «самобытно», «совершенно», возможно – «прекрасно, истинно, справедливо».

Пусть еще или уже нет аплодисментов – деяние говорит само за себя; «труд хвалит мастера», будь мастер даже более скромным или вовсе смиренным. Объективная похала исходит как бы из самого деяния, а говорящий похалу выступает лишь как представитель деяния.

Разумеется, он должен обладать известной компетентностью и силой суждения в соответствующей области. Хвалящий сапожник, который мерит всех на свой аршин, должен быть готов к расспросам о причинах его похвалы. Тогда его разоблачат по его запутанным, бессвязным, пустым речам. Впрочем, те, кого хвалят, очень редко склонны детально расспрашивать выражавшего хвалу; но завистливые соперники – эти часто смотрят в корень...

Искусство объективной похвалы требует еще и многоного другого. Так, похала должна – внутренне и внешне – быть выше скрытого и утонченного эгоизма, умения делать комплименты. Произносящий хвалу должен держаться, подобно приверженцу идеи – искренне, убежденно, от всего сердца; однако быть свободным от всякой аффектации, от всякой позы, без всяких ужимок и речей. У него должна быть одна цель – истина; ему надо не милости хвалимого и не славы «первооткрывателя», который старается вытащить на свет новое дарование. Объективность скромна; объективная похала дышит целомудрием. Она коротка; она знает, что ее сила рождается из духовной глубины и не требует жеманства. Порою все зависит не от того, что, собственно, сказано, а от того, как это сказано. Часто довольно одного взгляда; возможно, слеза на глазах скажет больше любого краснобайства...

Однако все происходит совершенно по-особому, когда имеешь дело с великим человеком. Тогда надо всегда считаться с тем, что он живет в объективности и

Ильин И. Я вглядываюсь в жизнь filosoff.org
обладает чувствительностью, которая часто переходит в ясновидение; что он тонко
чувствует всякую разумную лесть, неискренность, искусственность, аффектацию и –
презирает их; что ему немного нужно, чтобы многое понять; что он точно знает,
как следует толковать его деяние или его труд; что он, наконец, знает себе цену.

И если все это принять во внимание и взвесить, то понимаешь, что объективная
похвала скрывает в себе претензию – «я также один из объективных и вместе с вами
могу сказать решающее слово», и духовная зрелость и искусство предполагают
творческий такт, тонкое чувство меры и формы, объективно-критический дар.

Возможно, поэтому так редко слышишь объективную похвалу. Кто не способен на это,
 тот застrevает в необъективных любезностях; а кто способен, тот часто
воздерживается – из скромности. Ибо атмосфера великой вещи делает человека
скромным.

45. Противник

Если я слышу, как кто-то говорит, что он хотел бы «избавиться» от своего
«противника», я далеко не уверен, что это действительно так... «Едва ли!» – шепчу
я тайком, но сочувственно киваю головой – из любезности. Легко сказать:
избавиться – от противника, т. е. от своего «собственного» противника... Ведь он
нужен мне! Каждому из нас, для себя – по крайней мере один. Без него я в жизни
не справлюсь. Он оказывает мне огромные услуги! Какие же?..

С детства ношу я в сердце негативные аффекты – сердечные раны, которые возникали
из неотмщенных обид, из несправедливых наказаний, из обременительных запретов и
унижений и остались втуне неудовлетворенными. Что с ними делать? Они связаны с
противником; ему приписываются; в нем объективируются. Он становится как бы
живым гардеробом для моей ненависти; кладовой для моего осуждения; манекеном для
моей враждебности. Нередко невиновный, без малейших на то оснований, терпит он
на протяжении своей жизни мою антипатию; почему – не знает никто, ни он, ни я
сам. Для него это чаще всего бремя жизни; для меня – облегчение. Бедный
«противник»! Добрый «противник»!..

далее он нужен мне для того, чтобы «объяснить» многие мои неудачи и ошибки. Ведь
я всегда был прав! Ведь я постоянно на высоте! Когда мне чего-то недостает,
когда наступает крах, в этом виноват он, он с его недоброжелательностью,
интригами, ядовитой завистью. Черт! Козел отпущения! Так, он нужен мне
во-вторых: он переносит вину и тяготы; у меня же есть утешение и успокоение.

В-третьих, он нужен мне как трамплин в состязаниях. Без него я, возможно, заснул
бы; лежал бы я, вялый и рыхлый, профессиональный лентяй, шапка на ушах.

Одна мысль о нем будит меня; назову его по имени – это для меня как звук трубы,
«ржание и топот коня». Что? Он – впереди? Я – позади? Он – вверху, я – внизу?
Никогда! Вперед!! Спасибо, мой верный противник...

Так, я имею в нем, в-четвертых, живое мерилом своих задач и достижений. Из-за
него – вверх, во вдохновенный полет! Я уже так далеко? Что-то достигнуто? У меня
лучше, чем у него? Я уже усвоил его умение? А еще есть у него какая-либо
способность, которой нет у меня? Тогда я поосновательнее посмотрю за ним,
возможно, изучу кое-что, возможно, воспитаюсь на его примере. Только пусть он
остается, мой противник! Только пусть служит мне противником!..

Появляется искушение, и я думаю о нем: он-то обрадуется случившемуся со мной!
Если я колеблюсь, тут же вспоминаю о нем: моя слабость равна его победе. Так его
порок поддерживает мою добродетель. Так он служит мне как бы перилами, если
закружится голова. Отрицание, которое я выкрикиваю ему, помогает мне в
утверждении. Отрицаю, я утверждаюсь. Проклятие становится мне отрезвлением и
укреплением. В-пятых, мавр делает свое дело.

Наконец, он служит мне зеркалом. Свообразным зеркалом: мои недостатки
преувеличены, мои хорошие стороны сильно преуменьшены. Безобразно выгляжу я в
этом зеркале враждебного мнения. Путем созерцания моего отраженного в нем
искаженного образа я приобретаю силу характера и самопознание. О,
самопреодоление! Мужество и свобода моего взгляда!..

И я должен «избавиться» от тебя, мой дорогой противник? Я должен лишиться тебя? Никогда. А если кто-то другой говорит об этом, я участливо киваю головой – из любезности.

46. Искусство спора

Если два поезда идут по одним и тем же рельсам и сталкиваются – это несчастье; порою катастрофа. В споре – наоборот: он удается только тогда, когда противники движутся по тем же «рельсам» и по-настоящему «сталкиваются». Один должен утверждать именно то, что другой отрицает; иначе возникает масса недоразумений, нечто вроде мальчишеской игры, когда один все время перепрыгивает через другого. Тихо улыбается этому Богиня мудрости; а меленькие кобольды[30 – Кобольд – в германской мифологии нечистый дух, вроде русского домового.] комического, которые постоянно окружают нас, хохочут над нами до смерти...

В этом их упрекать не надо. Ибо неосмотрительно поступает тот, кто, начиная спор, делает вид, что намеревается добиться истины и объективно спорить за нее с другим, а вместо этого самодовольно заводит медвежий танец с рычанием или впадает в ярость. Тогда он проигрывает сражение уже только потому, что не постигает сущности борьбы и принципиально грешит против искусства спора.

Прекрасно присутствовать при удачном и солидном споре. Почему? Потому что в таком споре объективная гармония господствует над чисто личной дисгармонией и духовное единство празднует победу над человеческой разобщенностью. Как бы велики ни были разногласия и напряженность противоречий – стремление к истине и искусство объективности преодолевают все и объединяют противников, которые оказываются подлинными сыновьями истины и настоящими братьями объективности!

Кто хочет такого рыцарского и творческого спора, тот прежде всего должен усвоить следующее: не воспринимать столь серьезно свое дорогое «я» и по возможности оставлять его дома. По-человечески, слишком по-человечески хотеть быть всезнайкой, всегда быть правым и отдавать должное тому, что с этим связано: тщеславию, честолюбию, стремлению к власти и, наконец, страху перед возможностью опозориться. Кто хочет настоящего спора, должен пробиться через эти дебри.

Настоящий спор требует спокойствия, почти олимпийского спокойствия. Это спокойствие достигается тем, что целиком отдаешься делу и забываешь себя в нем; а на это способен лишь тот, кто обладает настоящим стремлением к истине. Тогда приобретаешь остроту взгляда на существо дела, чуткое ухо, чтобы слышать противника, и рыцарскую форму выражения. Противник не будет ни презираем, ни ненавидим; его откровенность не подвергается сомнению; его умственные способности не будут ничтоже сумнящиеся приравнены к нулю. Напротив: с ним будут обращаться как с другом, с которым исследуешь предмет спора. Оба противника тогда подобны богам, обсуждающим проблему, и кто уступает по существу, того чувствуют как героя спора.

Кобольды комического тогда уже не осмелятся показаться. Ибо там, где совещаются боги, мир внемлет им в священной тишине.

47. Такт

Жизнь – искусство; а всякое искусство призвано создавать гармонию. Существует и социальная гармония; искусство подготовить ее, создать и сохранить называется «тактом».

Но что такое такт, не знает никто. Ибо тот, кто им обладает, пользуется им почти бессознательно, интуитивно, творчески; а у кого его нет, тот живет, как будто «этого» и вовсе нет. Бестактный от природы не поймет и проблемы такта.

Человек сразу становится бестактным, если он внимателен лишь к себе и оставляет без внимания чужую душу. Так, однако, поступают многие – отчасти от душевной грубости, которая вовсе не воспринимает сложное и тонкое, отчасти от высокомерия и самодовольства или от жесткой негибкости характера, делающей невозможным какое

Ильин И. Я вглядываюсь в жизнь filosoff.org

бы то ни было вчувствование в чужую жизнь. Бестактный в известной степени подобен близорукому или слепому, который не подозревает, однако, о слабости своего зрения; каждый его шаг неверен, он бредет на ощупь, часто неуклюже, он губит все, перекрывает себе все пути, окружает себя изгородью постоянно возникающих невозможностей и, конечно, не подозревает о том, что он неотесанный парень. Он относится к другим так, будто все они подобны друг другу или все они – «низкие заурядные люди»; то есть он не видит присущее им своеобразие и обходится с ними грубо. Возникающую при этом неудачу он, «разумеется», инкриминирует тому самому «обычному человеку-каналье». Однако неудача следует по пятам бестактного – в дружбе, в работе; в личной жизни, общественных делах.

Изначально ясно, что нельзя доподлинно изучить человека своего окружения. Часто довольно подчас быстрого взгляда, мгновенной интуиции. Однако же требуется постепенное вчувствование в жизненный ритм и содержание других, то есть тонкость восприятия, повышенная чувствительность и дар наблюдательности восприимчивой души. Это вчувствование позволяет человеку верно предвидеть душевную и реальную реакцию своего партнера (возможно, своего врага) или с уверенностью ожидать ее. Для этого часть души обособляется, чтобы жить как бы противником или как бы «в противнике», чтобы освещать и претворять в дело разрешаемую задачу не только с своей собственной, но и с чужой точки зрения.

Такт является, таким образом, ценным искусством для правильного понимания других – и друга, и врага; избегать ненужных уколов; не разжигать вредных страстей, а успокаивать их; сдерживать центробежные силы. Такт подобен дорожному сторожу: он «прокладывает путь», «расчищает», «перекрывает». Он умеет воздать должное каждому, так что все чувствуют себя «хорошо понятыми» и окруженными вниманием. Он владеет любой ситуацией, в том числе неприятной и запутанной. Он вносит посредничество, меру и вкус. Он создает «взаимное понимание» и творит мир; «примирение» – его пароль; «взаимность» – его лозунг. Он «дипломатичен» в самом благородном смысле слова. Он всегда заботится о том, чтобы люди не только «спорили» между собой, но и «находили» друг друга; чтобы созидательное общество и органичное сотрудничество стало возможным на земле.

Тут Платон, возможно, спросил бы: не заложено ли в такте нечто «божественное»? А Конфуций утверждал бы, что такт относится к «тао», [31 – «Тао» есть имманентный всему существу ритм божественной жизни, т. е. как бы путь Бога, в который человек призван включиться верным блюдением Его закона в личной и общественной жизни (нравственной, правосознание, правопорядок). «Тао» есть воля неба и верный «метод» («путешествие») человека» (Ильин И. А. Аксиомы религиозного опыта. – Т. 1. – С. 131).] то есть к созидательному «пути середины», к вечному ритму мира, из которого и возникает гармоническое равновесие.

48. Юмор

Есть люди, которые владеют прекрасным искусством: они умеют в любой ситуации – сколь бы трудной, запутанной или безнадежной она ни была – отыскать присущий ей издревле комизм, задержаться на нем и наслаждаться им. Мы же часто вовсе не замечаем, что многое вокруг нас как бы несет в себе скрытый «источник смеха», как будто оно лишь ждет мастера, который вот-вот появится и освободит для действительной жизни это «спеленутое» ядро смеха. Сколько истинного утешения и душевной отрады он может подарить нам!

Однако, когда приходит мастер юмора и демонстрирует нам комизм, у нас нет ощущения, что он произвольно выдумал его и опоэтизировал ситуацию, а скорее создается впечатление, что он лишь извлек его: он уже был здесь сам по себе, возможно, только в дремотном состоянии, а сейчас его разбудили, чтобы он играл и цвел. Подобно тому, как умелый ювелир помещает драгоценный камень на свет, чтобы он заиграл своими скрытыми внутренними лучами, чтобы он цвел, играл и дарил нам утешение.

Если внутренний комизм проявляется неожиданно, смех просто одолевает нас. Было бы, однако, благоразумно не поддаваться смеху, удержаться. Тогда юмор действует безотказно и внутренне расцветает, как «буket» старого благородного вина, неописуемый аромат которого оставляет послевкусием изысканное, мечтательное чувство радости. Сдерживаемый смех как бы одухотворяется: его душевный заряд существенно перерабатывается и поглощается, «комическим» жизненным содержанием.

Ильин И. Я вглядываюсь в жизнь filosoff.org

Тогда становится ясным, что комическое значительно сложнее, чем может показаться с первого взгляда, и что собственно «смешное» есть лишь поверхность, лишь внешняя оболочка явления. Теперь смотришь глубже и впервые замечаешь серьезность комизма, которая доставляет тебе наслаждение. Ах, эта изысканная серьезность комического, столь богатая мыслями и столь остроумно освещенная! Играющее мышление! Мыслящая радость! Смех превращается в улыбку, морщинится и умно светится лучистое око.

Еще один острый взгляд, и мы открываем самый глубокий слой – затаенную боль. Ибо так оно в действительности: что для смеющегося – шутка, для осмеянного – боль; на поверхности – веселье, а глубина жизни движется, страдая; и боль есть изначальный корень комического. Мы прибыли в место, где прекращаются веселье и игра и где они могут начаться снова; где даже улыбка исчезает и где она тем не менее имеет самые глубочайшие корни; где слеза сострадания может появиться на мечтательном оке зрителя.

Собственно, здесь и рождается юмор. Ибо юмор возникает из меланхолии духа, который преображает свою боль в улыбку и тем самым преодолевает ее. В такие моменты он пытается утаить глубину страдания и выступает как явный комизм. Он сделал большую работу, сам не смеется – пусть «смеются» другие, которые ничего не знают о тайне.

Итак, искусство юмора в том, чтобы заставить себя улыбаться в своих страданиях. О, эта драгоценная улыбка отступающей боли, этот первый шаг к своей победе над тварью!

Существует ли душевная боль, которая может противостоять тебе? Улыбка вырывает меня из моих страданий. Я рассматриваю их уже «снаружи». Я уже схватил, постиг и превратил в искрящуюся шутку исходный комизм поющегого, запутанного созданьца, которое способно думать лишь о себе самом. Я завоевал свободу. Я возвысился над своей «креатурщиной»...

Я наслаждаюсь утешением юмора. А глубину моей боли другим знать не надо.

VII. НАСТАВЛЕНИЯ

49. Деловитость

Не надо! Я имею в виду не строгое исполнение служебных обязанностей, не верность долгу и не деловое умение. Давайте-ка взглянемся поглубже! Вникнем прямо в суть!

В каждой работе, в каждом деянии имеется большое, идеино-направляющее «для чего?». Это высшее и последнее предназначение наших усилий; прекрасная и святая цель нашей жизни. Ведь все мы – от подметальщика улиц до высшего чиновника, от фабриканта до ученого – не машины проклятого долга, не рабы или галерные арестанты, не равнодушные поденщики мира, не трутни Божьи. Мы призваны смотреть в суть своей работы, думать о живом и творческом смысле своего труда. Все мы служим делу – главному в нашей жизни, и призваны привязаться к нему, никогда не забывать об этом. И тот, кто так работает, тот привносит в свой труд истинную деловитость!

Где бы я ни находился – я служу. Не просто «хозяину»; не просто «начальству». А гораздо более важному: я служу великому делу Господа на земле.

Итак – прежде всего, сознание! Где и как моя профессия включается в великое дело – совести, веры, права, моего народа, моего Отечества? И далее: как мне ему лучше всего служить? Не так, чтобы я механически крутил шарманку своей повседневной работы; но чтобы я самым наилучшим образом способствовал делу. Чтобы вечером я чувствовал: сегодня благодаря мне стало немного лучше на белом свете; и завтра пусть будет так же; и каждый последующий день. Кто никогда не испытывал этого чувства, тот должен позволить себе хотя бы иметь его.

Благодаря этому наш взгляд, наше сердце, наша воля проникают в самые глубинные
Страница 48

Ильин И. Я вглядываюсь в жизнь filosoff.org

слои жизни и труда, для которого только и имеет смысл жить и работать: мы творим тогда, исходя из нашего самого существенного для вечной сущности нашего народа. Тем самым преодолевая и устранивая обоих врагов: рабское безразличие и личную корысть. Строгое исполнение служебных обязанностей остается тем же, но оно становится добрым и справедливым. Утверждается верность долгу, однако она исходит уже из сердца и теряет налет обязательности. И деловая сметка начинает прислушиваться к совести и правовому сознанию.

Ибо дело – главное дело, одновременно живо и священно. Оно требует от нас, чтобы мы не только выполняли «обязательное», но чтобы мы созерцали, любили и служили. Оно хочет, чтобы мы почаше обращали свои взоры вверх, к Богу, и следовали Божественному на земле.

50. Ответственность

«А если этого никто не увидит? И никто ничего не узнает?» – интересовался маленький Ганс чуть обеспокоенно и упрямо. «Тогда, дитя мое, – тем более». – «Почему тем более?» – «Потому что тогда ты совсем один; ты должен сам решать и сам нести ответственность». – «Что такое ответственность?»

Как мне объяснить малышу, чтобы он не только постиг это, но и принял сердцем, и жил, и стремился к этому? Как пробудить в нем чувство ответственности, чтобы оно никогда не исчезло, никогда не заснуло? Ведь в противном случае придется нам, родителям и воспитателям, отвечать за безответственность грядущего поколения...

«Смотри: мир вокруг нас есть одно огромное единство, где все взаимно связано. Тучи приносят нам дождь, дождь наполняет реки, реки влекут свои воды к морю, а море омывает весь земной шар. Далекое солнце освещает каждый уголок и посыпает нам тепло, свет и радостные дни. То же происходит и с нами, людьми: мы все вплетены в великую и прекрасную ткань мира, чтобы сделать этот мир и, прежде всего, нас самих еще прекраснее и совершеннее. Прекрасны дела земные, где все связано живою связью и где каждое деяние, а также каждое недеяние незаметно оказывается на всем остальном. Сегодня ты не помог человеку в беде; завтра он обессилел в отчаянии и сделал что-то дурное, попал в тюрьму, и его дети голодают, крадут и следуют плохим людям. Да, это так; мы все едины – мы поддерживаем друг друга, мы вместе стоим и вместе падаем. Своеобразное единство народа: здесь нет отделенных или обособленных людей; где страдает и несчастен один, там одновременно страдают все; каждый обездоленный – это беда и проблема общая. Вытяни одну нитку из своей кофты и посмотри – ты повредил всю ткань. Если у тебя болит зуб, ты уже несчастен; если выскочила одна клавиша из фортепиано, то фортепиано испорчено. Каждый из нас, конечно, может закрыть глаза, следовать собственной корысти и изображать независимого счастливца; но беда от этого не станет меньше, скорее, еще больше: ибо покинутый ожесточится, подавит чувство возмущения и предастся зависти и мщению...

Так, каждого из нас можно сравнить с крупицей радия, которая непрестанно посыпает излучения во внешний мир. Этим мы можем отравить и погубить воздух общечеловеческой жизни или же очистить и оздоровить его, в зависимости от того, какие излучения мы посыпаем: злые или добрые. Здесь каждому из нас приходится выбирать: продумать, взвесить все и решить. Кем ты хочешь стать: отправителем и вредителем или праведным и надежным человеком? Будешь ты разрушать или строить? Разбойничать или служить? Ненавидеть или любить? Соответственно ты должен подготовить свою душу, свое сердце, свою волю, свои мысли. Тогда можешь быть уверен: что ты выбираешь и что делаешь в душе, то будешь претворять и вовне. Твое сердце проявится в твоих поступках; и даже, когда этого «никто не видит», об этом все же узнают. Итак, ты должен стоять за каждым из своих решений, за каждым поступком, быть в нем сердцем и волею, обосновать его и суметь защитить. О каждом своем действии ты должен иметь право сказать:

«Я это сделал, я творческая причина тому, я принимаю на себя все добрые и худые последствия». А это как раз и есть ответственность: ты держишь ответ перед Господом на небесах и перед людьми на земле и не уклоняешься от него. Только трус увиливает; только шельма пытается выкрутиться. Праведный отвечает за свой поступок, считая его наилучшим из возможного и утверждая его как искренне-желанный. Он знает, что хотел поступить хорошо, что сам решился на этот поступок, старался предусмотреть его возможные последствия и поэтому ему не

ИЛЬИН И. Я вглядываюсь в жизнь filosoff.org
страшно.

И заметь еще одно, малыш: все добрые, которые умеют любить, которые созидают и служат, совершенно особо относятся друг к другу: они узнают друг друга легко и скоро, испытывают взаимное доверие и сообща делают свое дело. Они сплетаются в одну живую ткань, которая охватывает их всех; они стараются расширить эту ткань, укрепить ее и тем самым искренне и верно служить делу Бога на земле. И знаешь, по чому они узнают друг друга? По чувству большой ответственности».

«А если я совсем один и меня никто не видит, ведь я и тогда отношусь к добрым?» – «Да, дитя мое. Так и есть. Я уже вижу: ты меня правильно понял... Ты и вправду дитя Божие и носишь в своем сердце живое Царство Божие».

51. Нет и да

ДА, разумеется! Без НЕТ в жизни нельзя. НЕТ нельзя просто отнести. Ни теоретически, ни практически.

Итак, сначала – теоретически. Изучаемое необходимо выделить, как бы вырезать, изолировать; все, что к нему не относится, откладывается в сторону, отвергается, то есть ставится под НЕТ. И горе тому, кто не умеет удержать за собой эту изучаемую сущность, не умеет подтвердить ее. Определяемое понятие сначала, как пилкой, обтачивается со всех сторон НЕТ: оно не «этот», не «это» и также не «тот». И горе тому, кто знает лишь логическое НЕТ: его понятие остается неопределенным, как если бы он подразумевал ореховую скорлупу без ядра.

А затем – практически. Искусство говорить НЕТ, отвергать, образует форму и характер: все – злое, фальшивое, уродливое, неверное, несправедливое, низкое, мелкое и все прочее должно натолкнуться на наше мужественное и твердое НЕТ. Нельзя, конечно, предаваться всем желаниям, побуждениям и страстям; иначе человек переродится и станет похотливым животным. Жить означает выбирать; тот, кому приходится выбирать, должен уметь отказываться. Никакое созидательное начало невозможно без внутренней цензуры, то есть без избирательного НЕТ. Кто хочет угнаться за всем, тот все потеряет. Быть дилетантом – мало; пострелом – еще меньше. Кто не умеет терпеть лишения, у того вообще ничего не получится. Кто хочет все подтвердить, тот вообще не знает, что значит сказать ДА. Мастер – это сконцентрированность на чем-то одном, главном, остальное же – по ходу дела отвергается.

Вот в чем сущность дела; НЕТ само по себе не путь, не цель, не решение проблемы. НЕТ здесь лишь для того, чтобы служить ДА.

Отвергай, отвергай многое, но все же сохраняй и утверждай существенное, святое, больше всего любимое! Только НЕТ и всегда НЕТ – не более чем ничто, или менее того, ибо из ничто еще может что-то образоваться, но из вечного НЕТ – ничего никогда.

НЕТ – подметальщик улиц; он подметает для ДА; НЕТ – оруженосец; ДА – сам рыцарь; НЕТ – подготовительная школа; ДА – творческая работа. НЕТ – не более чем чистилище; рай начинается с ДА. НЕТ – отвращает, ликвидирует; ДА – предполагает, утверждает, связывает. НЕТ – разрушает; ДА – творит и строит. НЕТ – пустота; ДА – полнота. НЕТ – смерть, ДА – жизнь.

Горе тому, кто довольствуется НЕТ и упорствует в нем. В лучшем случае он станет мастером разложения. Вечное НЕТ в мышлении создает завистливо-ненавидящего эгоиста, это – развал и смерть. НЕТ в желаниях создает неудержимого ниспровержателя, а это означает революцию, гражданскую войну и смерть. Родственные явления. Единая судьба. Симптомы одной и той же болезни. Но во всем – безбожие как образ жизни.

Современный мир более НЕТ. Созидательное, верующее, святое ДА дается ему с трудом. Как можно исцелить его? Определенно ясно лишь одно: для победы решительного, святого ДА ему вновь придется бороться, а возможно, и страдать! Ибо, действительно, кто есть человек, который ничего не исповедует? Что наше сердце без живого, истинного вероисповедания? Чем было бы сегодняшнее человечество и его культура, если бы оно две тысячи лет тому назад не признало

52. Верность

Что могут люди без верности? Что удается без верности? Ничего. Но нынешний мир мало что хочет знать об этом. Он славит корыстный произвол; он ослабляет все связи; он жаждет освобожденного человека. Он лишен верности и не замечает ее отсутствия. Всеобщее освобождение от оков, всеобщее взаимное предательство ведут человечество к гибели.

Все великое заложено глубоко; оно зреет медленно; требует людей с глубокими чувствами и твердой волей – людей, имеющих потребность в окончательной крепости своих убеждений и чувствующих себя только тогда хорошо, когда знают, что их поддерживает верность. Скоро возникает лишь неполноценное; зато оно и живет недолго, как бабочка-однодневка, и оно незначительно, как сметенная пыль. Великая идея – глубокие раздумья – долгие усилия – истинная верность: это единая цепь предпосылок, на которых зиждется все творчески-великое как в жизни народа, так и в духе отдельного человека.

Как просто и точно звучат вот эти слова: «Я остаюсь тем, кто я есть; я буду любить то, что привязало мое сердце; и я буду действовать так, пока моя грудь будет подниматься от дыхания жизни». Кажется, как просто ведет себя верность! Однако она – редкий гость на земле. Почему?

Потому что верность идет изнутри и предполагает цельность души; но современный человек склонен к распылению, рефлексии, резонерству, ко всеотрицающему критиканству. Если человек целен, он обладает одним-единственным духовным центром, который и определяет его жизнь; тогда он склонен к верности. Если же он распылен, в нем наличествуют несколько состязающихся друг с другом и потому бессильных «центров», между которыми он колеблется и которые постоянно обессиливают и предают друг друга. Но верность – это то душевное единство, та духовная «тотальность», из которой рождается внутренняя уверенность верного.

Чтобы быть верным, надо что-то любить; то есть надо вообще уметь любить, а именно безраздельной полной любовью. Эта любовь и определяет человека. Она привязывает его к любимой ценности, и верность таким образом есть приверженность ценности. Кто ничего не любит, тот, неприкаянный, порхает, ничему не верный, все предающий. Кто действительно любит, тот «не может иначе»: в нем властвует внутренний закон, святая необходимость. Не то чтобы эта необходимость была ему в тягость или закабала его: нет, но он и не хочет иначе, он ничего другого и не желал бы и не мог. Эту необходимость он воспринимает как нечто избранное им и желанное: как самоопределение, как истинную свободу. Она для него легка и «естественна»; и он несет свою верность, как единственную и естественную возможность своей жизни...

Верный человек обладает глубиной характера. Тому, кто неглубок и пуст, верность не «удастся». У верного человека ясное, честное сердце. Тот, кто живет с сумбурным, мрачным сердцем, однажды теряет свою верность в этом мрачном хаосе. Верный человек обладает сильной, твердой волей. Как может соблюсти верность слабовольный человек? Верный человек есть та духовная сила бытия, та непроизнесенная присяга и клятва, та точка опоры, которую требовал Архимед, чтобы перевернуть мир. Возникшая из внутренней силы, верность сама является источником силы. Она подкрепляется характером, достоинством и честью. Она – искра Божия, благословение Божие, она – истинное укрепление в Господе...

Все, что сделалось в человеческой истории по-настоящему истинным и «реальным»; что сумело победить все сомнения, страхи и опасности; что черпало из глубины и страждало по-рыцарски – жило в верности. Верность для нас, таким образом, как зов наших предков и – обет нашим внукам; а для нас это слово звучит как глубокое убеждение, утешение и успокоение. А кто действительно ведает верность, тот сумеет поведать кое-что о блаженстве и высшем счастье ее.

53. Месть

Ильин И. Я вглядываюсь в жизнь filosoff.org

Передо мною старое письмо. По всей видимости, оно могло бы вскоре отпраздновать свой столетний юбилей. Пожелтела бумага, подобно старой слоновой кости; края вот-вот осыпятся, складки подобны шрамам. Можно думать, его годами носили в кармане на груди. Как память? Как наставление? Этого никто уже не скажет. Я подобрал это письмо во время войны в заброшенном замке и сохранил его. А сейчас я хотел бы опубликовать его без изменений и дополнений.

«Мой любимый сын! Тяжестью легло мне на сердце твоё последнее письмо. Читая его, я не верил своим старым глазам. Какими же гнусными, какими подлыми могут быть люди! Какие отвратительные последствия имеют похоть и ревность. Поверь мне, я пережил все вместе с тобой. Сначала эта попытка вкрадаться в доверие, когда старый граф хотел тебя перехитрить и подкупить; затем эта бесстыдная клевета и, наконец, издевка и приказ по службе отправиться в дальние края. И сейчас кровь пульсирует у меня в висках. А твоя милая, бедная невеста! Сумеет ли она противостоять этим козням? Ах, как хорошо я понимаю тебя в том, что ты поклялся отомстить и ищешь мщения. Но возьми себя в руки, мой дорогой Фридрих, и спокойно выслушай меня.

На усмотрение человека предоставлено – мстить или не мстить; многие считают, что месть сладка. Сладка месть лишь тому, кто отвечает натиску незаслуженного злодействия никогда не ослабевающим натиском ненависти. Для этого он или должен носить в себе огромный первобытный заряд ненависти, и тогда это далеко не благородный характер; или он с удовольствием выставляет напоказ силу своих оскорблений, что недостойно мужчины. Разжигание старых обид мы должны оставить злым бабам. Увы, месть горька, как желчь, это – медленно действующий яд. Если ты еще не остыл на месте и не можешь с собой совладать, взорвись от возмущения. Если же все позади и ты предаешься мечтам о мщении, то ты опутан чужим злодейством и заболел им. Ты будешь непрестанно вынашивать месть и дышать мщением, яд неутоленной ненависти поразит твое сердце и голову.

Держись, мой любимый! Иначе злодей одержит победу над тобой, ведь ему удалось втянуть тебя, доброго и благородного, в круг своей злобы. И ты находишься теперь под властью его злого произвола. Подлец сделался теперь твоим злым роком, змеем, которая впрыскивает яд прямо в твою душу. Ему удалось покатить камень зла; если ты ответишь, расщелина будет все увеличиваться, все больше камней будет приведено в движение, пока не возникнет настоящая лавина зла. И если он подло поступил и скомпрометировал себя – неужели это причина для того, чтобы ты поступал по его примеру и уподобился ему? Если так будут поступать все, мир вскоре потонет в подлости, на нас обрушится поток ненависти. А мститель погибнет от своей собственной жажды мщения.

Что бы с тобой ни случилось, никогда не думай о мщении. Если нужно – да, думай о борьбе, о победе, о наказании. Но никогда – о мщении. Находи в себе духовные силы, чтобы сохранить холодную голову. Надо устраниТЬ последствия злых деяний. Надо обезвредить злодея. Надо установить истину и справедливость. Но стремление к возмездию, к тому, чтобы он страдал, чтобы ему было плохо, чтобы он был унижен – не должно быть ни твою заботой, ни твою радостью. Оставь место для всезнающего судьи; не пытайся ничего вершить прежде него. Оставайся христианином и рыцарем; будь верен нашему роду!

Естественно, я помогу тебе, но при одном условии: откажись от мести! Уж я найду дорогу наверх и положу справедливый конец дворцовым интригам.

Сердечно и искренне, твой старый отец».

54. Прощение

Я должен простить, считаете вы, чувствительные люди? Да, конечно, я хочу это сделать. Я это и сделаю, хотя мне это не всегда удается легко. Люди часто так неблагодарны, зложелательны, коварны! Моя оскорблённая душа порою так ожесточается, что я не знаю, что с нею делать! И тем не менее я стараюсь искоренить в глубине своей души личную обиду, сохранить спокойствие и объективность, не думать более об отвратительном мщении, скорее, взвесить вопрос с точки зрения общечеловеческих ценностей, проявить по отношению к психологии оскорбителя понимание и воздать ему, где только можно, благодеянием. Я должен прямо признаться: мне не удается ответить на подлости личного врага христианской

Ильин И. Я вглядываюсь в жизнь filosoff.org
любовью; я – не святой, и подобное «прощение» превышает мои силы.

Но этого недостаточно вам, безмерно размягченным моралистам! Вы стараетесь всегда втолковывать нам исчерпывающее «всепрощение» и требуете его от нас; и если внимать вам, то возникает впечатление, что для всего злого на свете в вашем сердце есть лишь сострадание и участие, лишь терпимость и симпатия, и вы ничего не хотите ведать о естественном отвращении, справедливом возмущении, долге защищать других и самим воспитывать совершающих злодеяния. Странное участие! Противоестественная симпатия! Роковая терпимость!

Речь идет сейчас не о личном ущербе, а о субъективной обиде. С личным покончено; жажда мщения погасла. Что мне еще тут «прощать»?

Для того, чтобы быть «должным» прощать, мне надо прежде всего «сметь» прощать. А именно: существует полномочие на прощение, без которого любое «прощение» становится пустой и бессмысленной болтовней. Если оскорблен, предан, ограблен и изнасилован другой, то ведь я и не должен ничего «прощать». Или же я призван из «сострадания» к злодею скрывать любое преступление, тем самым непосредственно принимая в нем участие? Или, возможно, я должен, руководствуясь христианской любовью, вымогать «участие» не к пострадавшему, а к злодею – виновнику чужого страдания? Однако христианство требует участия к страданию, а не к тому, кто заставляет и оставляет страдать; подобное участие было бы прямым предательством пострадавшего и, следовательно, общечеловеческих ценностей.

Если то, что я должен простить, – «грех», то прощение грехов – в Руце Господа; у меня на это нет полномочий. А если вы – христиане, то я напоминаю вам о том, что Христос далеко не всем прощал грехи и далеко не всем грешникам обещал прощение. Если же то, что я должен прощать, – нарушение закона или преступления, то здесь я тоже не компетентен. Мы, простые граждане государства, имеем лишь свои «настроения» и «мнения». Вы хотите, таким образом, чтобы прикрыли нашими «настроениями» и «мнениями» такие злодеяния, как клевета, разбой, убийство, осквернение детей, торговлю девушками, измену Родине, большевистское подстрекательство и т. п., чтобы мы с размягченным сердцем их прощали, сентиментально «сочувствовали» им, выступали симпатизирующими им заступниками и помощниками? Кто же вы тогда сами, заботящиеся об этом? И за кого вы принимаете нас, полагая, что мы способны на такое? Все это мы могли бы понять, если бы это было хоть как-то уместно: внимание, справедливость, мягкость, милость, помилование, амнистия; но не фальшивую сентиментальность участия или даже оправдания и не извращение здравого рассудка, которое делает человека соучастником!..

Такова ваша сентиментальная доктрина «всепрощения» – всего лишь нравственная попытка и моральное право. Леонардо да Винчи – большой знаток душевных глубин и тонкий наблюдатель разгула предательства среди его современников – однажды заметил: «Кто не наказывает зло, тот поощряет его». И он был прав: прощенье без предела равносильно предательству в великом деле.

55. Путешествие

Есть прекрасная даль, в которую все мы стремимся. Об этой прекрасной дали втайне мечтает наше сердце, когда мы говорим о путешествии. Ах, если бы нам только знать, где эта даль и как найти к ней верную дорогу!

Такими легкими, такими обычными сделало для нас путешествия новое время. Равнодушно отправляемся мы в путешествие, безропотно даем себя возить. Чем скорее и приятнее, тем лучше. Путешествие становится все более простым движением в пространстве: отдаленное «там» становится близким «здесь», и наоборот. Так легко нам сидится в мчащемся «четырехместном автомобиле» или в купе для курящих скорого поезда и воображается нам, что мы «освеженными» и «отдохнувшими» вернулись в привычную круговорть мельницы жизни. Не утратили ли мы важный смысл путешествия, а заодно и дивное утешение в жизни? Способны ли мы путешествовать пешком, паломничать?

Не стоит труда менять одно место на другое, если тащишь за собой душевный застой и спертый воздух будней. Путешествовать значит странствовать, меняться, становиться другим. Итак, довольно избитых вещей! Долой запыленные очки!

Ильин И. Я вглядываюсь в жизнь filosoff.org

Выбираемся из узкой, улочки только-такого-бытия, из болота жалкого крохоборства! Долой бремя собственной банальности! По-иному дышать, по-иному смотреть, по-иному слушать! Да, конечно, путешествие – это «движение»; но это «движение» должно иметь начало во внутреннем пространстве духа. Истинное путешествие, которое меняет и превращает, есть прежде всего «переход в другую разновидность бытия», о котором говорил еще Аристотель. Было бы безнадежным предполагать эту «иную разновидность бытия» извне, хотя бы так: «Я остаюсь закоснелым и окаменевшим, а ты, пестрый внешний мир, мучайся, чтобы рассеять и развлечь меня». Мертвые кости, кто сможет вас оживить? Жизнь дается лишь живому. Кто не, светит сам, для того нет и света. Лишь тот, кто сам умеет молиться, сумеет подслушать и гимн природы...

Есть прекрасная даль, в которую все мы стремимся. Однако эта даль не так уж и далека: она начинается в нас самих. У кого нет ее внутри, тот не найдет ее и вовне, пусть он заездит свой «четырехместный автомобиль» до смерти и злоупотребит всеми поездами и пароходами мира. У кого, однако, внутри есть эта прекрасная даль и кто знает о ней, тот непременно возьмет с собой в путешествие! Каждый, кто собирается в странствие, должен спросить себя об этой глубине духа: «Где Я, который хочет самого лучшего в жизни? Где Я, которого касается все Великое и Святое? Где Я, который так искренно жаждет самых скрытых тайн природы и творения? Где во мне благодарный сын, чтобы восхититься своим отцом и воздать хвалу и ему? Это он должен путешествовать, это он берет меня с собой!»

И вот путешествие свершилось, а путешественник счастлив и утешен. Так путешествие становится изменением и превращением, духовным обновлением. Нам открывается возможность иного, желание иного и разрешение иного. Путешествие становится «возвращением в родной дом», проникновением в собственные, свободные глубины, странствием, паломничеством; и мир расцвечивается перед нами тысячами прекрасных образов...

Есть прекрасная даль, и ее мы должны достичь в нас самих. Тогда мы достигнем ее и в мире земном, и в мире ином: ведь однажды все мы отправимся в вечное путешествие. И мы должны подготовиться к этому последнему путешествию, как к возвращению в родной дом, в прекрасную даль...

56. Истинная любовь

Никому не ведомо, как возникает любовь между мужчиной и женщиной, откуда она приходит и что приносит с собой... Но однажды она приходит.

Я не имею в виду флирт, когда прикидываются, будто «немного влюблены», в то время как знают, что это не так, и согласны удовлетвориться таким же «невинно-виноватым» игривым, легким притворством с другой стороны. Здесь каждый втайне знает, что и он не принимает всерьез эту «любовную игру» и его самого не принимают всерьез, что он может и «по-иному», может играть и с другими, сможет обойтись и без своего теперешнего «партнера»... Это именуется времяпрепровождением, настроенным не более чем на похоть, и в результате все опошляющее, то же мимолетное стрекотание двух безответственных стрекоз... далекое от любви, как небо от земли!

Если приходит настоящая любовь, человек теряет чувство свободной бесшабашности, вольной игры. Он вдруг чувствует себя связанным, как будто его пронзила необходимость или он подпал под действие какого-то закона: теперь он не может по-иному, он как бы во власти чар.

По этому узнают настоящую любовь: кто «может по-иному» и «может с другими», тот еще ничего не знает о любви. Любовь – это избранность, в которой часто ничего не ощущается от избрания. Видишь себя определившимся, а возлюбленное существо единственным и незаменимым.

С этим избранным существом любящий хочет быть вместе, наслаждаться его присутствием без помех со стороны других, уже не играть, отринуть сдержанность, стать с ним совершенно искренним и придать этой искренности цельную форму. Приближается решающий момент: любимый должен узнать, что его любят; – ужасный момент... Вдруг он не ответит на любовь?!.. Тогда всему конец, мир и жизнь

Ильин И. Я вглядываюсь в жизнь filosoff.org
становятся грудой развалин...

По этому узнают истинную любовь – она не только сосредоточенна и исключительна, но и «тоталитарна», она требует человека всего, она поглощающа, предписана судьбою. Истинная любовь хочет в человеке всего: не только внешне-человеческого, но и душу, и внутреннее содержание ее – сущность человека, святую тайну личной духовности, древний источник божественного дыхания в нем, чтобы сделаться единым в жизни, желаниях и молитвах. А кто ничего о том не ведает, тот не ведает ничего об истинной любви.

При этом совсем не всегда думают о «женитьбе». Этот «итог» подводится как бы сам собою. Ибо, если мужчина и женщина охвачены истинной любовью и уже не могут жить друг без друга, тогда они образуют творческую жизненную общность, как новую, великолепную жизненную ценность, которая стремится быть признанной Богом и людьми – одобренной, освященной, уважаемой, охраняемой... Мы, разумеется, знаем: многие вступают в брак и без любви (бедные люди!); но если это любовь, то она ищет победы и свадьбы, подобно тому, как розовый куст добивается розы. Вовсе не стоит говорить о «вечной любви». Истинная любовь воспринимается, однако, как единственная и вечная – продолжающаяся вечно, связывающая навечно и ведущая к блаженной вечности. И тот, кто никогда этого не испытал, вероятно, не много знает о любви.

Любить и быть любимым своей возлюбленной. Какое счастье, какое богатство творческих возможностей... Уже само по себе – живая хвалебная песнь Господу. Исполнение лучших желаний, парящая радость, одухотворенный показ, восходящая утренняя заря... В человеке пробуждаются потаенные силы его далеких предков, с которыми он удивительным образом чувствует себя единым... Все просыпается для него, все живое окликает его; и он чувствует себя цельным и окрыленным. Ему, одному, «самому великолепному из всех» – можно цвести... Ей, единственной, чудесной – возносить хвалу, сметь служить, ею жить!..

Кто, однако, воспринимает эту радость не как невинную и святую – ибо она идет из неразделенной любви, ибо желаема природой, ибо она освящена Господом!.. кто от всего этого счастья не чувствует легкой грусти – ибо в любви столь многое сгорает, потому что в ней просыпается предчувствие наступающих любовных страданий, ибо достигнута вершина жизни, и вечно преходящее хочет поднять свой голос!.. кто при этом не думает о бремени ответственности и не чувствует мировой боли – тот пока не знает, что такое истинная любовь...

И еще одно: любящий хочет счастья для себя, счастья творчески-прекрасной общности, грядущего счастья среди многочисленной детворы. Если же он одновременно не хочет счастья любимого существа, если его сердце не думает в своей глубине о жертвах, если оно не ставит счастье любимого существа выше своего собственного, то его любовь корыстна и себялюбива: о, тогда это не истинная любовь...

Ибо истинная любовь это искра Божия в человеке.

57. Счастье

Что ты имеешь в виду, друг, что ты хочешь, когда говоришь о счастье? – «Вполне естественно: здоровья, чтобы требовать всего, богатства, чтобы все мочь; власти, чтобы всего достичь. Вот я и счастлив!»

Счастлив? Едва ли! Лишь тогда ты поймешь, что тебе не хватает самого существенного; что ты бредешь по большой и широкой дороге разочарования.

Прежде всего здесь нет ничего «естественного»: дающие счастье условия жизни точно так же различны, как и люди. Из-за богатства и власти можно стать таким несчастным, что будешь стремиться к смерти. И толькольному здоровью кажется счастьем. Ведь мир полон здоровыми, богатыми, могущественными людьми, которые в отчаянии ищут счастья. Ты разве этого не замечал?

«Требовать всего!» Бедняга! «Всего» ты никогда не достигнешь; ведь счастье – не вечная гонка, не охота за абсолютной невозможностью. Если хочешь счастья, научись искусству лишений. И большей требует отнюдь не «всего», а лишь

Ильин И. Я вглядываюсь в жизнь filosoff.org
«здоровья»; и если он не соблюдает меру в «здравом», то скатывается в болезнь, чтобы вынести из болезни для себя немного мудрости, без которой счастье невозможно. И наконец: чего ты хочешь – вечно требовать или что-то и получать? Ибо без получения нет покоя, а без покоя нет счастья...

«Богатство, чтобы все мочь». Ты не настолько дитя, чтобы думать, что богатый «все может»? Он может лишь купить! А ведь лучшее в жизни не продажно. Продажное счастье вовсе не счастье, оно скорее – разочарование и несчастье.

Богатый может ослепить, тогда возникают видимость и обман; и это ты называешь счастьем? Богатство дает роскошь; и ты настолько наивен, чтобы воображать, что роскошь и счастье идентичны? Значит, ты не знаешь, каким глубоко несчастным, каким жалким можно быть в пышности и великолепии...

И – «власть, чтобы всего достичь»... Разве ты так близорук, чтобы не видеть, что власть налагает на человека невероятное бремя разных «должен» и «обязан»? Это бремя настолько велико, что у него нет времени вспомнить о своих «смею» и «могу». Необходимость власти подавляет ее свободу. Глядя снизу, наивный чудак-человек восклицает: «Боже, чего только он не может!» Глядя вниз, властелин вздыхает: «Боже, чего только я не терплю, за что только не отвечаю и сколько всего мне нельзя!» Ибо его большое «могу» есть лишь скучный отблеск его изнурающего долга. Лишь у злых властителей, у тиранов, дело обстоит по-другому. Не подумать ли мне, что ты считаешь счастьем тиранство?.. Видишь: от всей твоей «естественности» не осталось и следа. Так, вероятно, случается со всеми: сначала нам кажется, что мы точно знаем «наше счастье»; затем выясняется, что мы его никогда не знали... Поэтому какое тщеславие – гоняться за определенно мнимым «счастьем».

Хочешь узнать секрет счастья? Так послушай.

Счастье нельзя поймать. Не ищи, не гоняйся за ним, оставь старания и мучения! Счастье приходит само. Но не жди его, не вопрошай о нем, не требуй ничего! Ищи чего-нибудь другого: чего-нибудь верного, великого, за что стоило бы жить, бороться и умереть.[32 – ...за что стоило бы жить, бороться и умереть – это девиз И.А. Ильина. Впервые он встречается в его работе «Духовный смысл войны» (М., 1915). Здесь см. также с. 55, 60, 224, 262, 301, 339–340, 354, 543.] Посвяти себя этому делу с любовью, живи им так самоотверженно, как только сможешь; служи ему верно и самозабвенно, но не ищи «счастья»...

И в один прекрасный день ты обнаружишь, что на правом плече твоем сидит орел[33 – Орел – символ небесной (солнечной) силы, огня и бессмертия, один из наиболее распространенных обожествляемых символов богов и их посланец в мифологиях различных народов мира. В библейской мифологии орел – воплощение божественной любви и возвышенности, силы и мощи, юности и бодрости духа.] и нашептывает тебе на ухо святые, возвышенные вещи. С этого мгновения ты будешь счастлив; даже тогда, когда тебя постигнет личное несчастье; потому что орел подымет тебя над несчастьем и даст тебе блаженное утешение.

Ты этого не можешь? Или ты этого не хочешь? Тогда пребывай в заблуждении и дальше. Ты предупрежден.

VIII. ДИФИРАМЫ

58. Слеза

Пусть свободно течет, коль уж она появилась. Я знаю, она появляется очень редко. И тот, у кого ее никогда на глазах не бывало, тот, вероятно, чуть меньше, чем человек; он, возможно, так «мужественен», что потерял что-то человеческое. Ибо человеческому существу свойственно, что глубокая душевная боль застилает слезами глаза, и слеза, робкая и скромная, как цветок страдающего сердца, расцветает на глазах. О, люди, берегите эти нежные цветы!..

Нет сомнения: телесно есть у человека сердце. А душевно и духовно?

Ильин И. Я вглядываюсь в жизнь filosoff.org

У нас, цивилизованных людей, бытует предрассудок: сильному, мужественному человеку не нужно сердца, «этого источника слабости»; оно ему ни к чему; от него лишь затруднения и паралич; поэтому оно не должно ни трогать нас, ни влиять на нас. Тем более слезы – как нечто неприличное и недопустимое; и появление их – настоящий позор.

Что есть жизнь без сердца? Без сердца – значит без любви! Кто ничего не любит, тот не умеет и служить; приносить жертвы; оставаться верным. Что можно сделать с подобными людьми? Есть ли на свете великое дело, которое было или может быть осуществлено без любви и верности? А теперь сердце надо подавить или вовсе окончательно иссушить. Что же тогда останется людям? Непродолжительные причуды, злые капризы, пустые мелочи. Лишь эти жалкие паразиты могут побеждать и перебиваться без сердца и любви... Горе, горе бессердечному народу!

Если же сердце есть – страдаешь, и страдаешь тем сильнее, чем чувствительнее, шире и глубже восприятие сердца. Такое сердце участвует невольно в страданиях мира, видит все несправедливости и жестокости внутренним оком, из которого никогда не исчезает невидимая слеза. Эта слеза говорит о мировой боли; и насколько помнит человечество, нигде и никогда не было значительного художника, философа или пророка, который не знал бы этой слезы и которому она не помогла бы сделаться ясновидящим. Да, ясновидящим. Ибо лишь зрякая слеза омрачает взор на недолгое для нее время; невидимая слеза сердца, напротив, открывает человеку духовное зрение. И если такая слеза однажды блеснет из телесного ока – неужто это уже позор?

Я дал бы людям возможность выплакаться спокойно, в тишине. Нехорошо так много страдать и все хоронить в своем сердце: постепенно образуется целое кладбище с погребенными в нем мнимыми мертвцами; и однажды толпа этих заживо погребенных болей внезапно восстанет и будет мучительно искать воздуха и жизни. Нам дана тишина ночи и верность друга, чтобы они видели наши слезы и навсегда умолчали о них. Пусть эти бутоны страдающего сердца расцветут и завянут в оке, никем не осужденные, никем не осмеянные...

Каждый плачущий – знает он это или нет – плачет от избытка мировой боли.

59. Любовь

Если ты когда-либо был счастлив, то это было из-за любви. Если ты сейчас несчастен, знай: это от недостатка любви.

Я уже слышу возражения. Черствый «чересчур умник» возражает: «Что такое любовь? Нужно сначала определить понятие любви». А корыстный, падкий на наслаждения человек думает: «Но на любовь надо отвечать... Бывает же и несчастная любовь!»

Нет, любовь не надо «определять»; достаточно однажды по-настоящему пережить ее. На нее необязательно и отвечать; она сама по себе счастье; и того, кто «томится» от безответной любви, все же должно считать счастливым.

Там, где она начинается, кончается равнодушие, вялость, рассеянность, скука. Душа становится как бы раненой; однако эта рана необходима для счастья и здоровья. Она выполняет созидательную миссию. Непроизвольно, часто даже совершенно неосознанно, человек становится собраннее; его интересы унифицируются, внимание концентрируется. Начинается новая, интенсивная жизнь; скрытая внутренняя сила, творческая власть действуют в его душе уже по собственному побуждению. Сердце начинает воспламеняться; затем оно горит; а в точке горения – возлюбленный предмет. Из жизни как бы исчезают будни, и каждый новый день приносит надежды, желания и перспективы. Возникает новый центр жизни; возлюбленное «главное»; уютно обиженное убежище.

Кто обладает подобным источником внутренней жизни, тот счастлив. Кто обладает таким внутренним «убежищем», тот богат. Пусть судьба его любви сложится «несчастливо»; пусть его жажда любви останется неутоленной, его счастье все же будет живым, а его богатство – настоящим. Поэтому любовь подобна радости, которая светит любящему, как солнечный луч, даже сквозь страдания, заботы, неудачи и болезни. И в одиночестве любви есть настоящее утешение; и слеза любви блаженна. Любовь подобна радостному свету, который светит человеку изнутри и

Ильин И. Я вглядываюсь в жизнь filosoff.org
дарит ему неиссякаемое тепло. То сердце, что чуть было не окаменело,
растворяется, становится мягким, подвижным, легким, гибким, текучим. Душа
становится нежной и чувствительной; она обращается с участием и пониманием ко
всему свету. Поэтому любовь подобна доброте; ибо счастливому свойственна живая
потребность осчастливить всех вокруг и наслаждаться чужим счастьем как
отражением собственного...

Кто любит по-настоящему, тот может вчувствоваться в возлюбленное им. Чувство и воображение соединяются; отсюда возникает новая душевная сила, нежная и зоркая одновременно, чуткая и пронизывающая: таинственная идентификация с влюбленным, интуитивное ясновидение, безошибочное удаленное предчувствие. От такой любви рождаются великие поэты: Хафиз, Овидий, Петрарка, Шелли, Гете; люди, для которых каждый цветок раскрывается по-особенному, каждая пташка поет по-другому, каждый солнечный луч приносит откровение, каждое человеческое сердце открывает свои тайны, – люди любовного, бескорыстного созерцания.

Мир полон дремлющей любви. Счастлив тот, в ком она проснется и кто сумеет не упустить ее, не опошлить, а сохранить живой. Тот несет в себе источник внутреннего блаженства и око духовного откровения; счастье, чтобы осчастливить людей; свет, чтобы светить другим; вечный поток и вечную песню...

А если эта любовь к другому человеку и не находит ответа, тогда ей еще надо очиститься, до полного самоотречения. Да, болью; по-другому не получается; но из этой боли счастье любви светится еще ярче. Якоб Беме писал, что как раз великое рождается в муках.[34 - Бёме Якоб (1575–1624) – немецкий философ-мистик. См.: Бёме Я. Аврора, или Утренняя заря в восхождении. – М., 1990. – С. 245–405.]

60. Грода

Это чудесное буйство небесных сил! Это светящееся и грохочущее утешение! Оно приносит нам так много; и так мало мы от него берем. Почему?

Горд просвещенный человек. Он «знает все»; он все понимает; и стихии природы «покорились» ему. Он гордится своим «разумом», « властью», «техникой», своими «завоеваниями». Ему уже кажется, что он «господин вселенной», будто он действительно проник в тайны природы, будто совокупность внешних, материальных вещей – и есть совокупность мира. Человек отломил лишь чуть-чуть от законов природы; и знает чуть-чуть о законах своего «я». В целом он – гордо выступающее дитя, которое по наивности и из самомнения все больше отчается от драгоценной добродетели смирения и обращается с самыми роковыми вещами все самонадеяннее; дитя – у которого нет добродетелей ребенка, но которому свойственны пороки взрослого.

Для простодушного смирения таких людей, как Бетховен, Новалис,[35 – Новалис (Фридрих фон Харденберг) (1772–1801) – немецкий поэт и философ. Среди прочих высказал идею о всеобщем символизме природы.] Эйхендорф – любое явление природы было живым символом, прекрасной аллегорией высоких вещей, как бы тайнописью Господа, которую надо с восторгом читать и разгадывать в своей душе. Солнце и луна, цветок и гора, море и облако, снег и радуга – не «напрасно» находятся здесь; они скрывают в себе мудрость, они говорят, поучают, провозглашают. Дух может услышать от них немало замечательного; он делает это еще и сегодня. Каждый поэт, художник что-то знает об этом; как и каждый человек, у которого еще живо и восприимчиво око сердца.

Что нам вещает гроза?

«Не забывай, человек, что ты земное создание, что над тобою, по небу, бегут легкие облака, которые уготовили тебе тяжелую долю. Знай, что ты мало знаешь и что вся твоя сила немногим больше бессилия. Не забывай, что тебя ожидает смерть и что ты можешь быть отозван в любой миг, как удар молнии. Одумайся: там, наверху, есть высшая сила, могучая, как гром, и чистая, как пламя.

душна и мрачна твоя жизнь. Но она может сделаться еще мрачнее, тогда суэтная тревога придет к тебе и страх овладеет тобой. Где съшешь ты тогда прибежище, человек? Где место твоего отдохновения? Тогда ты смотришь вверх, туда, где исчезло солнце, где зловещий гнев связал черные горы и где чудовищные силы

Ильин И. Я вглядываюсь в жизнь filosoff.org
кричат тебе и друг другу грозным голосом. Тогда довольно; тогда чаша переполнена и ты должен осушить ее до дна. Дрожи, тварь! Ты идешь навстречу грозе...

Ослепляющей молнией приходит сверху просветление и облегчение. Со стремительной и разящей очевидностью открывается тебе тьма твоей души. Над твоей головой оглушительно рокочет, катится и гремит. Посмотри в пламя! Вслушайся в голоса! Так – благодаря молнии совести и грому раскаяния – для тебя обновляется жизнь...

Ты ведь не думаешь, что небо молчит, видя происходящее на земле. Однажды оно заговорит и пошлет утешение верным и сознание тем, кто блуждает и чинит злодеяния. Гроза учит их смирению. И всех – чудесной надежде, что на небесах все прекрасно и могущественно»...

Так с помощью грозы обращаются к высокомерию твари земной.

61. Снег

Только бы он остался лежать, радостный и чистый, как небесный подарок, чтобы радовать и облагораживать наши сердца. Только бы не исчез он так быстро, как прелестный сон, который делает нас счастливыми в течение ночи, чтобы почти бесследно рассеяться к утру... О, как же преходяще, как краткосрочно все прекрасное на земле! Оно является подобно чуду и ускользает как счастье...

Порхающим воздушным хороводом он приходит к нам, кружась, падая вниз из облаков. Почти жуток этот неудержимый танец на всех высотах, этот танцующий хаос на всех расстояниях.

Белые твореньца! Откуда вас столько? Куда вы так отважно? Парите ли вы в опьянении свободой? Напились ли с радости? Что манит вас вниз? Что будете делать на земле, если научились там, наверху, этой дикой радости беспорядка? Легкое племя, радостная невинность, дети неба, жертвы ветра – кто упорядочит вас? Хотите увлечь меня с собой в своем вихре? Считаете, что человек может вынести такое?!

Но танец кончается. Они лежат тут, как нечто единое целое, великолепно собранные в своем блистательном убранстве. А вокруг – святая тишина, которая приказывает моему сердцу повиноваться; с напряжением прислушиваюсь я к ее взвещению.

Всю свою жизнь ты стремился к преображению; ибо существование представлялось тебе в серых тонах. Ты сомневался и отчаявался; и вот смотри – все достигнуто, все исполнено. То, что еще вчера тускло лежало здесь, погруженное в безнадежную тьму, – сверкает, блестит и ликует, преображенное милостью, погруженное в радость. Каждая травинка – украшена для себя, каждая веточка – любима и ухожена в отдельности. Голое поле – как нива блаженных; печальный лес – как тончайшее воздушное плетение из белых и черных нитей; пустой сад – переполненный дарами, неистощимый в новой красоте. Смотри: то, что так освящено, – опять ново и чисто, молодо и целомудренно; то, что так укутано, – забыто и прощено; то, что так светит, – примирено; то, что так преобразлено, – посещено в радости, воскресло к новой жизни; то, что так упорядочено, – говорит о вечной гармонии...

И благословенная тишина становится внутренним спокойствием. Сомнение исчезает. Светится око. Ощущающая собственную невысказанность душа поет хвалу и благодарность – сходящему с небес благословению...

Снег идет! Снег идет! Только бы он так и остался лежать, как радостное ручательство за прекрасные предсказания!

62. Цветок

Приди, моя любовь! Но осторожно! И не говори громко. Сегодня, рано, при первом дыхании утра расцвела (ты знаешь?) наша желтая роза. Еще вчера, когда уходило солнце, она, будучи робким бутоном, позволяла укачивать себя убаюкивающему вечернему ветру. А сейчас она уже цветет чистою красотою. Знаешь ли ты, что ей надо от нас? Чтобы мы почтительно восхищались ею, чтобы в ее присутствии

Ильин И. Я вглядываюсь в жизнь filosoff.org
становились такими же простыми и скромными, такими же доверчивыми и счастливыми, как она. Приходи, мы насладимся ее видом, а затем я доверительно расскажу тебе о том, что говорит цветок человеку...

Если мир для тебя стал слишком пустым и слишком суровым, вспомни о цветке, как он рождается и как он живет; и тогда тебе не надо будет искать более благородного утешения. Как одиноко в себе несет он, растение, свою хрупкую тайну и медленно зреет для своей самоотверженной доли, беспомощно подверженный непостоянной или даже суровой погоде, доверяясь тайком лишь самому себе и Богу. Он спокоен и молчалив; покорившись судьбе и все же одолевая ее изнутри; подготавливая драгоценный дар и сам заранее готовый к неблагодарности мира.

Затем появляется бутон, как живое обещание красоты, как увлекательное будущее еще невидимого цветка. Он снисходителен к себе, будто знает, что все верное приходит само и в нужное время, что нельзя ускорять тайный ход жизни; как будто ему хочется научить нас, ворчливых, нетерпеливых людей, этой нежной и спокойной мудрости.

И вот цветок цветет! Мы находим его после прохладной ночи напившимся росы и погруженным в мечты. С чистосердечием младенца смотрит на нас он, совсем открытый и все же – весь в себе, такой щедрый и непосредственный, прелестнейшее и чистейшее создание в мире. Ничего от тщеславия, ничего от пышности. Он лишь то, чем он является; а то, чем он является, это действительно и целиком он. Он счастлив, ибо ему не надо чего-то хотеть: ведь он достиг высшей точки своего существования, он переживает теперь собственный апофеоз.

Поэтому его любят все, что тут живет и что способно к восприятию. Ему улыбаются феи, когда он был еще бутоном; и эльфы заранее радовались красивой чашечке. Он греется на солнце; и солнце радуется своему собственному земному зеркалу. Ему поют птицы, громкие – безмолвному, как будто они поют о нем или от его имени. И даже Изегрим[36 – Изегрим – волк, персонаж поэмы Гете «Рейнике-лис».] крадется мимо него со склоненной головой и смущенно удирает...

Затем приходят люди и восхищаются тихим чудом будней. Они смотрят в открытую душу растения и вдыхают его блаженное благоухание, которое они называют «ароматом». Они прислушиваются к тихой молитве природы – этому красноречивому молчанию, этой радости и наслаждению, этому посланному в мир безмолвному дифирамбу – и их сердце начинает исцеляться. Каждому жертвует цветок свой дар; и то, что он дарит, имеет свой особый вид. Это как зов, обращенный к еще не влюбленному; как утешение несчастливо любящему; как гимн для счастливого; как напоминание жестокосердому; как предостережение заносчивому; как упрек пустому рационалисту. А мечтатель, чья душа создана из такой же нежной материи, что и погруженный в мечты цветок, видит и слышит все, что предназначено другим, и черпает из этой прелестной мечты мира наслаждение, смешанное с печалью...

да, с печалью. Ибо прекрасное мгновение кратко, ах, как кратко! А кружящий ветер уже ждет опадающих листьев цветка...

Приди, моя любовь! Мы еще посмотрим и насладимся. Ведь наша роза будет еще цвести, и благоухать, и безмолвствовать для нас.

63. Корова

Играли в фанты. Две красивые дамы бросили жребий. Одна вынула из старого цилиндра мой брелок – маленькую золотую головку коровы. «Произнести хвалебную речь», – потребовала она. «Корове!» – вскричала вторая. – «Две минуты на подготовку, соберитесь!..» И вот я прижал к стене! Что тут можно сказать?! Но внезапно на душе у меня стало серьезно; почти благоговейно, немного печально... Затем оно пришло.

«Когда я думаю о той, которую мы все так легко забываем, то вижу ее вызывающий настоящее почтение образ, так, как я видел ее однажды высоко в горах. Огромная, как первобытный бык, и спокойная, как сами горы, она стояла там, на холме, среди покрытого цветами альпийского луга, – единственное живое существо во всей округе. Не было ни дуновения; не раздавалось ни единого звука; лишь полуденное солнце сжигало все вокруг. Божественное великолепие повсюду, светящаяся глушь и

Ильин И. Я вглядываюсь в жизнь filosoff.org
одиночество, отрешенная забывчивость, когда исчезает время и начинает свою безмолвную речь вечность... Большиими мечтательными глазами она смотрела вдали, преданно и немного печально, покорная судьбе и все же со скрытым вопрошающим упреком. Она смотрела на эти величавые пространства; и величавое наслаждение струилось из ее глаз. Это было почти счастье; но едва нарушенное. Была ли это мягкая грусть? Была ли это торжественная серьезность? Будто она была старой, древней, как эти горные зубцы; будто она знала так много, возможно, самое существенное в жизни; будто несла ношу и делала это с охотой; будто тайно страдала, возможно, за других, возможно, как жертва, и делала это с достоинством... И все же это был поток несказанного блаженства, невинного сладострастия, доброжелательной интимности, который светился навстречу мне. Странно, чудесно, молитвенно стало у меня на душе. Теперь я знал... этот глаз был материнским и святым.

Мечтала ли она? Возможно, размышляла? Откуда мне знать... Но с тех пор меня не покидает чувство, что я мог бы понять индуза, который воспринимает дух коровы и поклоняется ему.

Каждая мать носит дитя и страдает. Каждая мать кормит грудью своего малыша. Это существо – кормит своим молоком и чужих, всех нас с молчаливой добротой, с преданным, спокойным терпением. Вся его жизнь – самоотречение, вечное ношение, вечное жертвование, вечное кормление своим молоком. Щедрость как профессия. Жертвенность как образ жизни. И так же – в смерти.

Проходят тысячелетия. Приходят в мир и уходят поколения. Поднимаются и рушатся большие империи. Она остается, она не уходит, эта мечтательная кормилица мира, чьим молоком вскармливаются целые народы; немая носительница мировой истории; материнское древнее лоно человеческой культуры. Так верна природе – и поэтому эксплуатируема им и оставляема в небрежении и забвении.

Самодовольно и безразлично принимаем мы ее дары и сердимся, если их не хватает; отделенные от нее законами рынка; так мелочно и ворчливо потребляя обезличенное, абстрактно-общее молоко большого города; без живого, сердечного отношения к матери-земле, к матери-корове».

Смущенно высушали мой неожиданный дифирамб. Мы, робкие молчальники, порою бываем бес tactными... Но затем все пошло по-прежнему, и мы занимались пустяками до поздней ночи.

64. Радуга

Медленно проходит сильная гроза. Только что дождь льет, как из ведра; еще кружится вихрем хаос облаков; еще сердито раскатывается гром; еще, дрожа, вспыхивают молнии; все потрясено и оглушено. И вдруг появляется она: воздушна, смела и ликующа. И все взирает вверх, на нее: «Смотрите же, смотрите!»

Насколько серьезен был этот час небесного мятежа, насколько торжественно, предупреждающе и сердито разговаривала с нами высшая сила – и вдруг, как мягкая улыбка высшего судии, как прощение и прощание после трагического часа, как веселая игра на полной серьезности, над нами ликует воздушно и смело божественная радуга. Радостно наслаждается человек этой возвышенной игрой, в наивной надежде, что она имеет отношение к нему, ко всем нам; нас считали зрителями, нам хотели что-то поведать, что-то дать, нам нужно было что-то заметить, как бы прочесть что-то в небе и взять с собою в жизнь. Поэтому речь идет теперь о том, чтобы – быстро собраться, забыть все и жить небесным символом; ибо прекрасные мгновения сосчитаны и знак скоро пропадет...

Она исчезает и бледнеет в своем охватывающем мир полете беззвучно, совсем иначе, чем шумный ветер, чем хлещущий дождь, чем сопровождаемая грохотом молния... Ни одним звуком не сообщает о себе спокойное великолепие; ни один шорох не извещает о ее появлении. Настоящему победителю не нужны фанфары; настоящий герой появляется без герольда.

Из хаоса туч, из напряженного буйства дождя, из всей неразберихи природы – надо всем, что вздыбило дикие стихии, – поднялась, дружески и приветливо светясь,

Ильин И. Я вглядываюсь в жизнь filosoff.org

законченная, чистая форма, самая чистая из всех – форма круга. Правда, видна лишь ее половина, возможно, даже меньше половины. Но наше внутреннее созерцание уже ликует, дополняя ее; ему довольно лишь отрезка совершенной формы круга, и оно уже наслаждается целым, совершенным кругом, ибо закон круга проявляется в каждом из его отрезков. Но все же эта форма круга создана не нами; ни один человек не рисовал ее, ни один даже не представлял себе. Скорее она пришла к нам извне, объективно и реально; она смотрит на нас, вниз, с небес, в своей светящейся и легкой радости. Радугой называется этот радостный круг мгновения, который вдруг удовлетворяет и ободряет наше подсознательное стремление к совершенной форме в великом масштабе неба и мира, и подтверждает наши беспомощные рисунки и представления: показывает победу формы над бесформенностью, закона над стихиями, порядка над анархией... Это – радуга, кротко принесенная дуновением гостья облаков, которая словно безмолвно шепчет нам: «Не страшитесь, люди! Дыхание совершенства сильнее всех страхов на свете! Только мечтайте, спокойно мечтайте о власти возвышенной красоты... Это не пустые мечты... Вашими мечтами грезит и мир... Правдивы и пророчески эти образы... Ведь есть таинственная гармония между вами и вселенной... И святая власть является порукой триумфа прекрасного закона»...

Так с неба сходит к нам прекрасное утешение. Утешение и ободрение. Успокоение и просветление. Тихое откровение мировой гармонии. Обещание будущей победы высшей силы над силами угрожающей и бунтующей бездны. Теперь пускай нас попытаются убедить, что это – лишь случайная игра красок, лишь странное мгновение искусства в природе, лишь преходящее отражение солнца в тучах. Наше сердце знает об этом больше; наше чувство не обманывается в глубоком значении символов...

Она еще тут, светящаяся гостья. Ее свет еще дышит, еще живут ее легкие, сверкающие краски... Как огромно это богатство! Как четки всеобъемлющие ступени! Как строга и красива связь! Итак, эта яркость красок живет в небесах? Или она ниспослана скорее от солнца, к нам, как дар, как зов, как творческий источник? Кто из нас может посмотреть в ослепляющее око солнца? Скорее всего никто. Но вот оно показывается нам, открытое в своей сущности, смягченное в своей резкости, верное и неизменное в своей форме; чтобы мы посмотрели на него, чтобы мы порадовались, чтобы мы его полюбили. Оно открывается нам в радуге, чтобы наше око могло вынести его...

Радуга, ты тень солнца! Ты отблеск вечности! Ты символ Бога в юдоли земного существования! Какая радость, что мы увидели тебя сегодня! Как счастливо то место па земле, где соблаговолит отдохнуть твой лучистый конец!..

65. Осень

«Она опять здесь, суровое, безутешное время года! Она всегда приходит слишком рано, чтобы укоротить наслаждение мимолетным летом. Она приходит, чтобы отнять; и то, что она однажды отнимает, она, как смерть, никогда не отдает обратно. Прелестные цветы! Кому они мешают! Щебечущие, звонко распевающие пташки! У кого на них не распахнулось сердце? А теперь – все по-иному: короткие дни, суровые ночи, пустые поля, густые туманы; и повсюду лужи, лужи. Мрачная бесперспективность!»

По-детски ропщет человек на всех перекрестках жизни, сокрушаясь о промчавшемся мимо, призываю прийти неопределенное «прекрасное», близоруко и бессердечно спеша мимо великолепия настоящего. Почему? Стоит лишь открыть глаза!..

Великолепна осень, и каждый день она приносит нам нечто великолепное.

Посмотрите, какой пышный лес в своем день ото дня, меняющемся богатстве красок! Ничего подобного никогда не могло показать лето – этого золота, этого багрянца, этого красно-коричневого цвета, этой покрытой бронзой зелени, этой радостной светлой желтизны, этого несказанного переплетения и неразберихи светящихся тонов на синем фоне и в нежной игре солнечных лучей. Так что нельзя наглядеться на это несмолкающее богатство! Как будто оно хотело сказать нам: «Наслаждайтесь, люди, и учитесь; проходит все, что было; но благородное умеет проходить в благородной красоте, придавать своему увяданию вид пышного расцвета, в своем исчезновении пропеть еще и дифирамб Всевышнему». Так происходит в природе. А мы, считающие себя умными, умеем лишь тосковать и роптать?

да, пустыми стоят поля и сады. Но лишь потому, что они отдали свои спелые плоды. Это не пустота пустыни или даже смерти, но пустота отдохновения, благодарного покоя, тихого расслабления, жертвеннего, самоотверженного приношения плодов. Все погружается в себя, чтобы возродиться изнутри; все погружается в себя, чтобы подготовить новые дары – со скромным достоинством, с тихой уверенностью, больше доверяя собственной, внутренней силе, чем внешней пустоте и мнимому бессилию. Как будто все хочет сказать нам: «Наслаждайтесь же, люди, этим несомненным доверием, этим гордым послушанием! Прислушивайтесь к этому тайному, внутреннему плетению, к этой самоотверженной скромности служения. И учитесь чему-то лучшему, чем сетования и ропот!»

да, световой день становится все короче; все позже появляются на небе скучные следы редкого солнца; все раньше окутывают нас сумерки. Но если однажды прорвется солнце – какими нежными становятся свет и тени, каким одновременно прохладным и теплым дуновение воздуха, каким серебром блестит парящая в воздухе паутина, как душисто играет ковер из листьев на земле!

«Восхищайтесь этим видом, люди, иначе он ускользнет от вас. Радуйтесь исчезающей красоте. Учитесь воспринимать мгновение, которое открывает нам тайны вселенной!»

И если день для вас короток, если вы жаждете солнца, которое больше не светит и не горит, поступайте, как деревья и цветы: доверьтесь окутывающим вас сумеркам, сосредоточьтесь, погрузитесь в свои мысли, где из глубины вашей собственной души прорывается, светит и царит иной, духовный свет; погрузитесь в свои мысли, чтобы возродиться изнутри и подготовить новые дары; не придерживайтесь отживших образов существования; спокойно ждите новых голосов и нового понимания – со скромным достоинством, в тихой уверенности, больше доверяя таинственной силе духа, чем мнимой пустоте и бессилию!..

Сегодня я бродил по своему осеннему саду. Терпким и острым было дуновение воздуха. Душисто шуршал ковер из листьев под осенним солнцем. И тишина шептала мне о вечности.

IX. ДОРОГА К СВЕТУ

66. Очki

Вы не носите очки? Жаль! В противном случае я рассказал бы вам кое-что об очках. Я ведь благодаря им кое-чему научился в жизни, что, возможно, было бы не без пользы и для других.

Ребенком я не носил очки. Тогда для меня существовали лишь «чужие очки», в которые я с такой охотой и с таким любопытством смотрел. Но это всегда было разочарованием: все сразу же становилось странно-расплывчатым, так жутко сдвинутым, неверным, обманчивым; или наоборот, все вещи становились забавно маленькими, будто они были ото-двинуты вдаль, где они, как игрушки, педантично делали все по-своему. И я втайне думал: «Та-а-а-ким он видит мир! Нет, мой мир лучше». – «Оставь, ты испортишь себе глаза!» – нередко раздавался строгий голос. Но я сам был счастлив вернуться к собственному «мировоззрению» и уже знал: чужие очки помогают нам мало.

Годы проходили без очков: к чужим я больше обращаться не хотел (они были неподходящими), а свои мне пока были не нужны. У меня была юношеская уверенность, что я «вижу все правильно, как оно есть в действительности»... Кто мог желать большего? И так я жил в наивном самодовольстве ничего не подозревающего создания.

Затем разразилась, большая война и вложила мне в руки цейсовский полевой бинокль. Внезапно мой горизонт сильно расширился. Было потрясающе – иметь возможность видеть так далеко, так ясно и так четко. И каждый раз, когда я откладывал полевой бинокль в сторону, я ощущал, что мое зрение просто сузилось, а я сразу же попадаю к тем самым «карликам», которые своим слабым взглядом видят

Ильин И. Я вглядываюсь в жизнь filosoff.org
близоруко, а многое и вовсе не воспринимают. С тех пор я принял два решения: не переоценивать свое нормальное зрение и всячески лелеять его.

В тяжелое и путаное послевоенное время у меня уже не было иллюзий. Я знал, что я плохо вижу, не могу обойтись без очков. И когда знаменитый глазной врач подобрал мне нужные очки и я впервые надел их, я удивился, как легкомысленно шагал я прежде по жизни со своим «зрительным» чванством. С тех пор я забочусь не только о своих глазах, но и об очках, особенно берегу их от грязи и пыли, которые Бог знает откуда оседают на них. Кое в чем я все же обязан опыту ношения очков...

Прежде всего, я совершенно не доверяю чужим очкам: я хочу все видеть сам, ясно и отчетливо, то есть через собственные очки. Итак, они научили меня склонности к самостоятельности, следовательно, и к формированию характера. Правда, говорят, что «самостоятельные» «невыносимы и задиристы». Однако не надо становиться «всезнайкой» по профессии или впадать в буйную неуступчивость; все важное должно лишь погрузиться в глубину собственной «самости», ибо в этой глубине формируется истинное и творческое убеждение.

Затем очки стали для меня постоянным предостережением от самодовольства и высокомерия. Мы все должны привыкнуть к мысли, что мало и плохо видим; что наш обычный глаз не охватывает много чего важного, а возможно, и самого важного, что у нас есть веская причина всегда думать о пределах собственных умственных способностей. Нет ничего более легкого, чем переступить эти границы; ничто так не существенно, как постепенное расширение этих пределов. Наше духовное видение ограничено; оно всегда может привести нас к иллюзиям и разочарованиям. И как вообще прийти к верным «духовным очкам», которые могли бы помочь и спасти?..

Не близоруко ли человечество вообще? Не бредет ли оно на ощупь! Не принимает ли оно свое собственное движение вслепую за светлый прогресс духовного видения? Не предалось ли оно жалкому бахвальству хорошим зрением? Свои очки мы время от времени чистим, снимая с них грязь и налет. Но кто из нас думает о том, чтобы проверить и облагородить наши «духовные очки», расширить и углубить наш духовный взгляд? Кто знает пути и методы этого облагораживания? Как нам прийти к последней истине в духовном видении, которую философы называют «очевидностью», что означает: уже не временно-субъективное «воззрение», а законченное истинное «понимание»?

Как много людей носят очки, но чужие очки, которые они случайно нашли на улице и через которые они видят все искаженным и с-двинутым! Но даже эти очки они не умеют верно носить и отчистить... И тогда они становятся для них роком.

67. Солнечный луч

Что бы мы пережили и что бы сказали, если бы у нас отняли солнечный луч? Вот так – внезапно, совсем, на неопределенное время, возможно, навсегда. Наступила бы тьма – беспросветная тьма, плотная, как сажа, без утренней зари, без дневного света, без вечернего сияния. Черные тучи над головой и гнетущая темнота на земле. Итак – вниз головой в зияющую пропасть великого круговорота? Страшно. А надолго – невыносимо.

И все же люди это выносят! Какое множество... И вовсе не замечают этого.

Как много живет на свете людей, которые из чисто просвещенного благородства укрылись за «отсутствием предрассудков», и «вон предрассудки» и окопались там, только чтобы не совершить никакой «ошибки», чтобы только не верить во что-то «необоснованное», «недоказанное». Из боязни обманчивой «видимости», фальшивого или мнимого «блуждающего огня» эти мудрые рационалисты построили себе бетонный свод над головой и создали себе таким образом гнетущую тьму. Эта борьба в какой-то момент касалась всех любителей тьмы; а кто захочет защищать мракобесов? Чтобы только, ради Бога, из боязни тьмы не стать слепым; ибо в этом случае будет безнадежная, беспросветная тьма! Чтобы не выплыть с водой и ребенка! Чтобы не отрезать вместе с волосами и голову! Старая добрая логика гласит: «Слишком много доказывать означает все потерять». Один умный человек, который читал о бактериях, отказался от всего и забаррикадировался в каморке без воздуха и света. Что же произошло? Он сам стал очагом бактерий.

Ильин И. Я вглядываюсь в жизнь filosoff.org

Кто хочет жить, должен нести все тяготы жизни. Кто несет бремя, нуждается в утешении; тому нельзя ни в коем случае придавать своей жизни вид организованной безутешности. Что? Иллюзии? Нет, ничего подобного! Иллюзии не утешение. Мнимое утешение ведет к отчаянию. Обман – отец разочарования. Человек, возможно, уже настолько зрел, чтобы воспринимать божественный солнечный луч без обмана и самообмана.

Ему надо лишь свободно и смело открыть свое око; и солнечный луч уже здесь, со всеми своими прекрасными дарами. Да, свободно! Ибо человек не тогда свободен, когда он закрывает глаза из боязни иллюзии, а тогда, когда он открывает их из глубины сердца. И смело! Ибо человек смел не тогда, когда он, подобно страусу, прячет голову в песок, а тогда, когда, светясь, предлагает орган восприятия солнечного луча – око – миру и Господу. Око здесь существует для солнечного луча. В верно открытом оке есть свое собственное солнце; и поэтому оно предрасположено к тому, чтобы верно увидеть большое и прекрасное солнце мира.

Но солнце мира не хочет, чтобы на него глядили, пялили глаза или просто глазели. Нет – его надо созерцать. Гегель сказал однажды: «Кто разумно видит мир и историю, того и они видят разумно». А кто созерцает мир с просветленной любовью, на того он посыпает любовь и свет. А любовь и свет – есть солнечный луч.

68. Главное

Жил однажды чудак – он потерял «главное». Он был очень богат и имел все из вещей, что человек может себе только пожелать; и тем не менее у него не было чего-то, чего он даже и назвать не мог. Он так много мог, он почти все смел; но он не знал такого, к чему можно стремиться, и жизнь казалась ему бессмысленной и мертвой. Ничто не радовало его, и постепенно его богатство становилось для него непосильным бременем. Тогда он пошел к старой бабусе, которая пестовала свою древнюю мудрость в пещере дремлющей огненной горы, и рассказал ей о своей беде. «Отправляйся в большой мир, – сказала ему старуха, – ищи пропавшее; твое несчастье велико – тебе не хватает «главного»; и пока ты его не найдешь, жизнь для тебя будет бедой и пыткой». И несчастный отправился на поиски.

Эта сказка всегда приходит мне на ум, когда я думаю о современном мире и его духовном кризисе. Как богато человечество благами низшего порядка. И будет делаться все богаче. Пространство будет побеждено, воздух будет завоеван, таинственные свойства материи будут открыты и ими овладеют; добываются невозможного, услышат неслыханное. Все новые и новые инструменты, средства и возможности будут предоставлены человеку в распоряжение. Но главное отсутствует.

«Как» земной жизни развивается безостановочно, успешно. Но «зачем» земной жизни незаметно затерялось. Да, незаметно: было лишь несколько столетий духовной рассеянности. Это так, как если бы человек, который страдает рассеянностью, играл в шахматы и выработал для себя дальновидный, сложный план, осуществление которого уже наполовину завершено; и вдруг – он забывает свой план. «Прекрасно! Но для чего я все предпринимал? Чего я, собственно, этим хотел?!»

У большинства современников этот вопрос и не доходит до сознания. Они ничего не знают о «зачем?» жизни, как не замечают и то, что они невежественны. У них нет никакого ответа, и они не замечают отсутствия этого ответа. Потерянное, возможно, было бы найдено, но для этого надо сначала заметить его отсутствие; ведь лишь тогда несчастье становится устранимым, лишь тогда поиски возможны.

Стоит вспомнить о естественнонаучных и технических изобретениях последнего столетия. Пар, электричество, динамит, культуры бактерий, газ, железобетон, самолет, радио; ближайшее, возможно, расщепление атома и кто знает что еще. Само по себе – довольно и сверхдостаточно, чтобы создать нечто великое. Выход на такие пути предполагает, однако, всеобъемлющее окрыленное, дальновидное, целенаправленное сознание, огромную духовно-воспитательную силу искусства. Жизнь без смысла становится опаснее, чем когда бы то ни было. Возможности строительства могут стать инструментами всеобщего разрушения. Ведь сами по себе они не «хороши» и не «плохи»; они лишь мощная, неопределенная «возможность», концентрированная потенция – подобно подписенному свидетельству о полномочиях, оставшемуся незаполненным; или рассмотренная с точки зрения опасности – дремлющая огненная гора, непредсказуемая и своенравная во всем.

Современное человечество должно хотя бы верно, интуитивно чувствовать – «куда» оно идет, «зачем» ему даны эти возможности, «как» надо употребить, применить все это, чтобы творческий путь не превратился в путь руин. Ему следовало бы также знать, что лишь духовно укорененный, благородно-желающий, дисциплинированный человек в состоянии не злоупотреблять этой концентрированной потенцией. Позволяют ли ребенку играть с порохом? Не рок ли это, если ученик волшебника вызывает духов, от которых он не знает, как избавиться? Что получится, если кучка лишенных духовных корней и нравственно разнозаданных «завоевателей мира» начнет возиться с инструментами современной химии, техники и науки о бактериях?

Несчастье современного человека велико: ему не хватает главного – смысла жизни. Он должен отправиться на поиски. И пока он не найдет главного, беды и опасности будут подстерегать его все чаще и чаще... Пока он не вернется к откровению Христа и не станет вновь его исповедовать.

69. Без святыни

Всем все более становится ясным, что нам чего-то не хватает, чего-то очень важного, чего-то существенного. Мы недосчитываемся его и не знаем, что это такое. Было ли так всегда? С каких пор это так? довольно трудно сказать. Сначала мы почувствовали это во время войны, лежа в окопах, где бодрствовали ночами, и звезды стояли на небе. А затем – в неурядицах послевоенного времени, где все казалось таким бессмысленным, безнадежным, невыносимым.

Но ни одна жизнь не бессмысленна; и тот, кому неотступно смотрела в глаза смерть, вообще не может выносить более бессмысленной жизни. Ибо смерть обладает силой вопрошать о смысле жизни так, что приходится давать честный ответ. Лишь простая честность, лишь полная откровенность могут ее удовлетворить; но то, чего мало ей, также не сможет дать и нам ни удовлетворения, ни покоя. Нам нужен этот покой – не как подушка лентяю для сна жизни, но скорее как духовная уверенность, как источник душевного равновесия, как возможность созидательной сосредоточенности...

Современному человеку становится все яснее, что он живет без святыни и что жизнь без нее будет невозможно вынести. Он все больше понимает, что его жизнь осквернена и жаждет святыни. В этом он прав. Не в том смысле, что объективное существование мира как-то «потеряло свое значение» и сейчас лежит перед ним оскверненное и мелкое. Здесь скорее всего все по-прежнему. Как и прежде, перед его очами раскрывается молчаливая тайна небосвода, как и прежде, благоухают самые причудливые цветы, ему поют прекраснейшие голоса мира; как и прежде, предлагает ему свои неисчислимые дары мировая история, борется за свое тысячелетнее сокровище отчизна, борется и молится, и побеждает трудящийся люд. Осквернен не мир как таковой; он остается тем же, чем был всегда – великим иероглифом Господа, воспламененным и оживленным божественными лучами света, богатый огромным внутренним значением, призванный стать выдающимся произведением искусства...

Осквернение относится к самому человеку, к внутреннему устройству его души, его восприятия, его сердца и, соответственно – к возникшему в нем образу мира. Его духовная жизнь как бы опустошена и обессилена; ему не хватает силы разъединенной сомнением веры, власти безоговорочной отдачи, силы окончательной очевидности. Душевно-духовные органы, которые призваны найти святыню и восславить ее, как бы поражены параличом. Он смотрит в мир и не видит в нем ничего Божественного и Святого; так и в истории, в своих близких и в себе самом. То, что он видит, это как бы мир без солнца. Так он носит в себе мировоззрение без солнечного света: холодную тьму, ужасную бездну, где мертвя машина продолжает стучаться в вечность...

Современный «просвещенный» человек ведет таким образом скверную жизнь. В нем погасло святое пламя сердца. Ему недостает духовной энергии убеждения, порыва духовной страсти, без которых в мировой истории не свершалось ничего великого. Он слишком «умен», чтобы быть цельным. Он слишком «образован», чтобы неизменно во что-то верить. Он слишком «скептичен», чтобы стать сильным. Он слишком слаб, чтобы следовать Богу.

Ильин И. Я вглядываюсь в жизнь filosoff.org
Тогда как действительно непобедимая и неиссякаемая сила вливается в человека из Святыни.

70. что я думаю...

Что я «думаю» – довольно незначительно; ибо я «просто думаю». Кого касаются мои «мнения»? Никого. И это кажется мне правильным. Ведь это суть «мнения». Что можно построить на «мнениях»? Ничего. «Мнения» не многим более, чем песок или трясины. Стоит лишь подумать о том, что каждый из нас может произвольно менять свое «мнение», так просто, без причины, в два счета. Как часто? Так часто, как ему нравится. «Я считаю», «мне казалось», «по-моему», «я придерживался мнения»; и внезапно снова – совсем по-иному. «Мнение» – это легкий мотылек, он прилетел сюда из чужих краев, порхая, помашет крылышками и исчезает туда, откуда он прилетел. «Мнение» ни к чему не обязывает; оно также ни за что не ручается. Оно есть безответственное высказывание о вещах и вопросах, которые «еще» ускользают от нашей оценки или «уже» ускользнули от нее, выход за пределы собственного рассудка. Оно хорошо для времяпрепровождения, светской болтовни, шутки, сплетен. И если его, как таковое, наивно принять всерьез, появятся ложные сведения, заблуждения, иллюзии, мучительные жизненные ошибки, неудачи, брань и междуусобицы. Особенно в тех случаях, когда люди не понимают, что их «мнения» есть «не что иное, как просто мнения».

В каждом серьезном случае «мнение» просто опасно и может стать роковым. «Я считал», что поезд отправляется на четверть часа позже, и вот пропустил серьезное дело. «Я считал», что справа не будет больше ни одной автомашины, и благодушно пошел через дорогу, и вот лежу дома с ушибами. «Я думал», подобное можно рассказывать, а теперь узнаю, что это называется клеветой и наказуется. Теперь я понимаю, что мой отец со своим вечным наставлением: «Ты должен разузнать, а не предполагать», был прав.

Эта истина не только для внешнего опыта, но и для внутреннего. Кто в мире науки принимает всерьез некомпетентное, беспредметное «мнение»? Для исследования нужен предмет, а не субъективное «мнение». А в области нравственности – действительно ли хорошо то, что называют «хорошим» легкомысленно «думающие» люди? Где тот муж, чей субъективно-мыслящий произвол дал бы переоценку благородному деянию и квалифицировал его как преступление против нравственности? Что даст искусствовед, который застrevает в своих субъективных «ощущениях», «впечатлениях» и «настроениях», не касаясь существа дела? Что делать с «мнениями» в религии, где также речь идет о том, чтобы признать нечто «объективно существующим»? И если в политике каждый довольствуется своим «мнением» и проходит мимо великого дела, которое касается всех и каждого, а именно – дела общечеловеческих ценностей, что получится в результате, если не погибель? Ни одна хорошая книга, ни одна серьезная газетная статья не помещают «просто мнений», не делают этого даже тогда, когда они из такта или любезности преподносятся как «безобидное мнение». Тем самым общая культура человечества хочет, чтобы мнение не оставалось «просто мнением», чтобы оно, соответственно опыту, было углублено, наглядно представлено, облагорожено.

Во всех областях жизни «просто мнению» противостоит предметное, объективное положение вещей, которому мы должны следовать в своих мнениях. Конечно, человек не может жить без мнений; он должен предполагать, это ясно. Но «мнение» это лишь начало, лишь «приблизительное», лишь субъективное впечатление; не более чем «моя внезапная мысль», которая пока что удовлетворяет мою личную потребность в оценках жизненных содержаний, и не обязательно может быть «ошибочной». Если же мысль хочет быть не просто формальной, но и уважаемой, она должна подходить к себе самой серьезно и ответственно; должна быть выношенной, проверенной, «обоснованной»; должна сама обратиться к предмету, уцепиться за него, ему служить, выразить его содержание и лучи света в нем. Поскольку мнение определенно имеет в виду предмет, его ценность, его достоинство, оно становится «взглядом», «взгляд» углубляется до «понимания», и в конце нам светит «очевидность». Тогда истина осознана и о «мнении» речь больше не идет. А если и теперь говорят о мнении, то только исходя из деловой скромности и благожелательной терпимости.

Таким образом, то, что привязывает людей к «просто мнению», не скромность, а скорее наивность или безответственность. Истинная скромность, напротив, учит

Ильин И. Я вглядываюсь в жизнь filosoff.org человека считать себя и свое «просто мнение» неважным, а скорее – искать предмет, говорить языком сути его, а затем благосклонно и спокойно означить приоткрытую истину о нем мнением. В связи с этим Иоганн Готтлиб Фихте однажды разразился бранью в адрес людей, застревающих в своих «мнениях»: вот это и есть «заносчивость, не имеющая себе подобных»...

Следовательно, довольно незначительно также и то, что «думаю» я.

71. Убеждение

«...И без убеждения достойной жизни нет!»... В этот миг я вошел в купе и поздоровался. Господин постарше вскипал, не отвечая на мое приветствие.

– Ах, это так старомодно! Кого теперь занимают подобные вещи? Ведь все так или иначе относительно, обусловлено, зависит от обстоятельств! В реальной жизни речь идет в лучшем случае о «подходящих мнениях» или «какущихся истинными диагнозах». Кто живет теперь, в нашу просвещенную эпоху, с «убеждениями» или «по убеждениям»? Станет ли утверждать подобное образованный врач?!

Господин помоложе сохранял драгоценное спокойствие. Лишь его глаза, казалось, тайком посмеивались.

«Вы меня удивляете, господин тайный советник! Я смущен. Как я могу ответить на Ваш гнев, если знаю, что приговорен с самого начала? Тем более, что в Ваших вопросах звучит твердое убеждение, что убеждений нет и быть не может. Мое положение несколько затруднительно: Ваше убеждение чувствует во мне убеждение противоположное, да еще говорится, его и быть не может. А если быть не может, как я смею защищать свое? Поэтому я вынужден просить Вас, терпимого релятивиста, о снисхождении и терпимости. Но я уже вижу Вашу добрую улыбку»...

«Хорошо, дорогой коллега, я снова кроток. Но «убеждение», как таковое, остается для меня все же психологической загадкой. Я надеюсь, Вы не станете отрицать, что все на свете относительно? Откуда же тогда эта уверенность у так называемых «убежденных» людей?»

Господин помоложе внезапно посерезнел. Внутренний накал чувствовался в его слегка приглушенном голосе.

«Мне остается защищать мое «на-том-стою». Насколько я понимаю, не все так относительно: существуют абсолютные конечные истины, которые переживаешь в так называемой «очевидности». Этим я, конечно, вовсе не хочу вас рассердить. Я бы хотел предположить, что все в действительности «относительно», и – попробовать отыскать дорогу к убеждению».

«Вот и попробуйте, пожалуйста», – ободряюще обронил господин постарше.

«Все относительно» означает то же, что и «ничто не достоверно»; то есть что все изменчиво, текуче, условно и сверхусловно, обманчиво. На этом ничего не построишь. Отсюда настоятельная потребность в твердой почве, поиски фундамента, воля к «не-относительному». Глубокая и искренняя потребность – ручательство того, что сам принимаешь в этом участие сердцем и умом, что не скользишь равнодушно по поверхности вещей. Исследовательская работа со своей стороны требует сосредоточенности и неутомимости. Так воля создает своеобразный внутренний опыт. При этом не пытается из всего выделять «относительное» – его так легко найти, оно объявляется само, но возникает вопрос, есть ли что-нибудь в жизни, что, несмотря на свою условность, установлено безусловно и имеет силу. Такая постановка вопроса открывает перед человеком как бы новое измерение: глубины, погружения и укрепления. При этом остаешься совершенно трезвым, осторожным, проверяющим; ничего от меланхолии и мечтательности. Ощущаю ищешь какую-нибудь скалу; затем взбираешься на нее; затем твердо встаешь на нее и даешь потоку относительности нестись мимо тебя. Разумеется, я описал все это лишь образно;

но, возможно, в качестве психологического намека и этого довольно. Точно так же и у нас, в медицине, необходимо погружаться в предметные дебри, или – если хотите – на дно морское. Истинное убеждение получаешь, конечно, при помощи

Ильин И. Я вглядываюсь в жизнь filosoff.org
свидетельства людей и чужих описаний, но сначала через жизнь в предмете; ибо предмет всегда наилучший свидетель, наилучший путь к истинному убеждению; он есть сама скала. И наши древние предки были правы, строя свои замки и крепости на скалах. Подобным образом люди приходят к таким переживаниям, как совесть, достоинство, честь, право, Родина и приобретают твердые, как скала, убеждения»...

«Ну, – проворчал с некоторым недовольством господин постарше, – я и не знал, что вы профессиональный философ. Кстати, нам выходить, если мы намереваемся успеть на сессию».

На этот раз оба попрощались со мною довольно любезно. И государственный советник, конечно, пошел впереди.

72. Кто я есть

Я всегда стараюсь различать – кто я есть в действительности и каким меня видят другие. Других ведь – неопределенное количество, и каждый видит меня на свой лад. Как я с этим примирюсь – второй вопрос; но я навсегда останусь тем, кто я есть в действительности. Один меня переоценивает, от этого я не стану лучше; другой недооценивает меня, от этого я не стану хуже или незначительней. Тот, у кого есть хотя бы небольшой жизненный опыт, знает, как доброе имя человека можно испоганить сплетнями, злословием или клеветой. Как подумаешь, чего только о нас не говорят! Чего только не поведает глупейшая сплетня, чего не сумеет выдумать злостная клевета. Невероятно. Часто бесстыдно. Если это слышит юноша, он возмущается и мечет искры; зрелый мужчина презрительно отмечает наветы; пожилой замкнется и бровью не поведет. Глупые или злые люди мелят вздор, что зачастую вовсе нелегко вынести; однако каждый должен однажды глубоко прочувствовать, что, несмотря ни на что, он остается тем, кем является в действительности.

Надежда всем понравиться наивна и бесперспективна, так же как и желание, чтобы тебя все видели в верном свете и оценивали справедливо. Это особенно относится к нашему полному страстей бурному времени. Чем сложнее, тоньше и глубже внутренняя сущность человека и чем эффектнее его внешность, тем менее верно его нередко воспринимают, тем несправедливее оценивают. Нам, обычным людям, конечно, легче: кто интересуется нами? Кто станет нам завидовать сверх меры? Ведь воробы – и те пролетают мимо нас равнодушно. А тем не менее мы имеем дело с «кривым зеркалом» общественного мнения, утверждаемся по отношению к нему и защищаемся от него.

Нам надо раз навсегда примириться с тем, что каждый из нас носит в себе «отображение» («имаго») и что это «отображение» не является «подобием». Мы не должны гоняться за своими отражениями в чужих душах, чтобы их подправить или украсить. Скорее целесообразно великодушно и благородно предоставить всем людям «право на заблуждение» в этом отношении и не взваливать на себя обязанность правдивой «ретуши». Стоит представить себе, какой бы это был сумасшедший дом, если бы все гнались за тем, чтобы залатать или украсить свой собственный «имаго» в соответствующей чужой душе, – недостойное занятие для людей с комплексом неполноценности.

Неверно ставить свое бытие в зависимость от чужих людей; доверять собственное достоинство чужой блнзорукости или враждебности; позволить исчезнуть центру личной жизни. Бытие стоит впереди видимости, а элемент обманчивости неотделим от существования видимости. Мое бытие должно быть верным, тогда пусть моя видимость будет неверной. Я не то, что говорят, а возможно, шепчут или кричат обо мне другие. Я нечто гораздо большее, чем перекрестье их непонятливых, злобных, низких фантазий.

Но все же кто я? Я то, что я искренне есть. Я то, о чем от всего сердца откровенно, не колеблясь, высказываюсь. Я то, на чем моя сущность сосредоточивается в любви и возносит молитву. Меня надо искать там, где во мне исчезают боязнь и страх. Меня можно найти там, где во мне созревают судьбоносные решения, где начинаются решительные и смелые поступки моей жизни. Я там, где действую; я то, что делаю. Тут я «действ-ительно»; и это также моя «действительность». Я – мое «око». Я – мое «сердце». Я – мое «слово», которое образуется из «понимания» сердца. Я – мое «действие», которое следует моему оку, сердцу, слову. И если все это есть я, тогда мне недостает лишь последней уверенности, что это действительно я. А если у меня эта уверенность есть, тогда

Ильин И. Я вглядываюсь в жизнь filosoff.org
я ношу в себе истинный источник своего личного достоинства, и меня не выведут из себя чужие пересуды и лепетанье.

И если обманчивая видимость сбивает с толку и правит миром, меня она не сможет ни соблазнить, ни захватить врасплох. «На том стою. И не могу иначе. Да поможет мне Бог. Аминь».[37 - Слова Мартина Лютера (см.: коммент. 26 к данной работе).] Мир можно исцелить лишь духовным достоинством и верностью, лишь мужеством быть тем, кто ты есть.

73. Очевидность

Как часто живут столь непосредственно, что дают потоку обстоятельств, впечатлений и событий проплыть мимо! А надо столько всего создать, исполнить, уладить. Слушаешь чужие мнения, видишь убежденных людей – а сам погружен в тепленькое безразличие: не отдаешься ничему, «сдержан», «сохраняешь дистанцию» и считаешь это «умным для жизни» и «аристократичным». В действительности же остаешься проблематичным ничем, этакой «сдержанной» пустотой, этакой «сохраняющей дистанцию», изображающей аристократа стерильностью.

Чего недостает таким людям? Должно быть, чего-то принципиального?

Им недостает силы очевидности, этой великолепной способности что-то окончательно понять и признать истиной; этой творческой способности быть настолько захваченным истиной, что вся душа растворяется в ней. Для этого нужно многое. Прежде всего – глубина восприятия, которая исключает любую плоскую поверхность – это скольжение мимо великого дела; отсюда: дар собраться, сконцентрироваться, чтобы не расколоться на куски, столкнувшись с многообразным шумным миром. Плюс пророческая, интуитивная одаренность, как бы незамутненное духовное око, которое без помех, верно воспринимает лучи света в мире. И наконец – своего рода целостность внутренней сущности, что не позволяет вести вечную «гражданскую войну» между мышлением и чувствованием, волей и страстью, фантазией и активностью. Это те четыре силы, которые могут преодолеть просвещенного критикана, во всем сомневающегося брюзгу, стерильного педанта в нашей душе и проложить дорогу к очевидности; это как бы четыре столпа, которые несут купол очевидности.

Очевидность – вовсе не простое, будничное «считать за истину», что возникает без особой причины, существует временно и от которого равнодушно отказываются. Очевидность – и не чисто субъективное «кажется», которое охотно называют «интуицией», чтобы сказать, что имеют дело со своеобразным «озарением», из-за которого надо как можно скорее устраниТЬ любое сомнение и любую критику: «Господь дает это своим во сне».

Очевидность – это свет; но не всякое мерцание свечи приносит нам очевидность. Существуют также галлюцинации и отражение в воздухе. Очевидность – это свет, который идет от самого предмета, охватывает и наполняет нас, овладевает нами; и человек должен прийти, через борьбу, к этому предметному свету.

В этой борьбе к месту любое искреннее и объективное сомнение, не надо с ходу отметать разумную и доброжелательную критику: очевидность не боится ее, устоит. Вредна лишь злока-мания сомнений; лишь необъективное, слепое критиканство действует разрушительно. Честное, глубокое сомнение есть не что иное, как жажда очевидности. Кто удостоверяет непредвзято, тот подтвердит; кто открывает око, тот увидит свет. Поэтому при желании истинную очевидность можно опять же пережить, пересмотреть, удостовериться.[38 - Ср.: «Очевидность же есть именно не что иное, как «переживание истины» (Гуссерль Э. Логические исследования. – С. 164.).]

Стоит ей однажды появиться, как душа чувствует себя захваченной истиной. Нет более сомнений, нет «сдержанности», нет колебаний, нет релятивистских уловок. Это сам предмет светит нам тогда, «свидетельствует» о самом себе, говорит безмолвным, но могучим языком и окончательно «убеждает» нас. Тогда мы переживаем полную ясность, «четкую достоверность»[39 - См.: Лейбниц Г. В. Соч. – Т. 3. – М., 1984. – С. 65.] (Лейбница), счастье «встречи», после которой не будет «разлуки».

Ильин И. Я вглядываюсь в жизнь filosoff.org

Тем самым очевидность в великих делах означает внезапное прекращение, конец и начало нового бытия. Однажды пережившего ее человека очевидность делает любящим, горящим и светящимся; теперь он может открывать глаза другим людям; теперь он призван вести их. Такая очевидность восхищает человека и просветляет его душу. Она дает ему якорь, твердое положение и характер. Она делает его цельным и здоровым: теперь он любит то, чем живет, и живет тем, что любит. А за то, что человек так любит и так живет, он борется до смерти; и если он пал в борьбе, то пал как победитель.

Очевидность подобна молнии, удариившей в жерло кратера дремлющего вулкана, чтобы он проснулся и послал свое пламя в небо; или, возможно, – гранате, попавшей в безмолвный колокол, чтобы он зазвучал и дарил свой голос людям. Мировая история знает времена, когда целые народы беспомощно и страстно ждали этого голоса...

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Утешение

Как долго страдает и вздыхает человеческое создание на земле! Но оно преодолевает свои страдания только тогда, когда приходит к вечному свету. Бог – источник этого вечного света. К Богу должен поднимать человек свое око.

И когда лучи Божественного откровения достигают ока человеческого, тогда ему открывается Истина, тогда он созерцает Бога в небесах и Божественное на земле, и его страдания просветляются.

Поэтому мы должны не бежать от страданий, а принимать их как зов, как требование, как обещание – как открытую дверь в Царствие Божие. «Ибо вот. Царствие Божие внутри вас есть» (Лук. 17, 21). И хотя этот путь крут и эта дверь узка, они безошибочно ведут к просветлению и избавлению. Именно поэтому сказано: «Блаженны плачущие, ибо они утешаются» (Мтф. 5, 4). Через страдание и утешение приходит человек к Богу. Ибо в страданиях очищается человеческое сердце. И потому сказано: «Блаженны чистые сердцем, ибо они Бога узрят» (Мтф. 5, 8).

Итак, прежде всего, мы должны очистить свое сердце. Сначала – от того, что нам несет современный мир («Сей век», Рим. 12,2 и др.): от высокомерия разума, от плоского материализма, от самодовольного безбожия, от искушений коллективной мечты, от соблазнов бесчестия, от опасности лишиться корней. А затем – от злых страстей гордыни, ненависти, зависти, мстительности; от близорукой корысти; от поверхностности любопытства, всезнайства, безответственности... Ибо все это оскверняет нашу жизнь и оставляет нас без главного, без святыни, без убеждения, без веры. Мелкой остается наша жизнь, близоруким и бессильным – наш взор, черствым и неверным – наше сердце, безбожной – наша сущность. Поэтому мы забываем живое и созидающее Божественное зрелище. Прав был философ, который говорил – мы не видим солнца, потому что вздышаем облако пыли...

Через это облако современного мира и наши собственные страсти мы должны прийти к победе – нужно, чтобы оно улеглось. Тогда мы широко и глубоко откроем внутреннее око нашего сердца и взорим вверх, к Богу и в созданный им мир. Тогда мы с удивлением увидим, что каждый цветок раскрывается для нас, каждый солнечный луч приносит нам свое откровение, каждое человеческое сердце открывает нам свои тайны. Дерево и зверь, гора и поляна, снег и гроза покажут нам свой скрытый божественный луч света. Мы поймем, что мир полон дремлющей любви, и нам нужно лишь разбудить эту любовь нашей собственной любовью. Тогда ни один страдалец не покажется нам чужим; ни одна вещь не сможет скрыть от нас свою духовную тайну. Чем чище взгляд, чем искреннее сердце – тем глубже мир, тем непосредственнее дорога к Богу.

Тогда мы поймем, как мы раньше упускали истинную Божественность, Божественное происхождение нашего Спасителя Иисуса Христа и как много людей еще упускают или уже упустили их. Чтобы познать Божественное, нужно носить Божественное в собственном сердце. Чтобы созерцать Бога и верить в Бога, нужно иметь в самом себе священное место, некий алтарь, где горит и светит его священное пламя. Современный человек становится антихристианином, потому что в его сердце развеяно Божественное дыхание, потому что в душе его погас Божественный огонь. Поэтому он читает и слышит о нашем Спасителе, но не познает его и не видит в нем

Ильин И. Я вглядываюсь в жизнь filosoff.org
живого, сделавшегося человеком Бога. Его собственное сердце застыло, поэтому он не понимает, что «Бог есть любовь» (1 Иоанн. 4, 8). Его собственный дух мертв, поэтому он не может понять, что «Бог есть дух» (Иоанн. 4, 24) и что дух проявляется в Иисусе. Его собственное око слепо, и потому он опускает, что «Бог есть свет» (1 Иоанн. 1, 5) и что в Иисусе нет «никакой тьмы».

Надо только верно и глубоко раскрыть сердце – и придешь к Иисусу Христу. Без сердца человек становится антихристианином.

Надо только жить в духе (в Истине, в Прекрасном, в Справедливом, в Глубине, в Целостности) – и ты у Иисуса Христа. Человек, лишенный Духа, становится антихристианином.

Надо только созерцать из сердца и из Духа, и увидишь нашего Спасителя в его вечном величии. Слепой человек становится антихристианином.

К Иисусу Христу должно вернуться современное человечество, к Его Духу, к Его Откровению. В смирении и покаянии оно должно очиститься, чтобы исповедовать Его: чтобы принимать жизнь как поднесенную чашу, чтобы в каждом событии в жизни искать путь к Богу; чтобы преодолевать себя самого и мир в Любви, Духе и Свете.

Это есть лучшее, достойнейшее, вечное утешение страждущих.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!